

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 23 (185) 1994 г.

ISSN0868-698X

Президент -
не читатель,
президент -
писатель!

Удк 76878

С. 56

ДВА ГОДА МЫ С ВАМИ!

Raymond Ricci
Генеральный директор

Сергей Плехов
Коммерческий директор

Светлана Качалова
Директор русскоязычных новостей

Андрей Леонтьев
Редактор новостей, Автор программы «Мотор»

George St. John
Редактор новостей

Марина Горкина
Автор тематических программ

Андрей Головачев
Звукорежиссер

Светлана Демина
Автор программы «Женский клуб»

Larry Synclair
Директор англоязычных новостей

Rosemary Veneziale
Менеджер по рекламе

Molly Glasoe
Менеджер по рекламе

Алексей Молочков
Менеджер по рекламе

Nat Dann
Менеджер по рекламе

Андрей Мамонтов
Менеджер по рекламе

Tom Palmer
Менеджер по рекламе

Александр Машков
Менеджер по рекламе

Julie Hanes
Менеджер по рекламе

Вадим Наливайко
Диск-жокей

Мила Савватеева
Диск-жокей

Алексей Мануйлов
Диск-жокей

Андрей Березин
Диск-жокей

Андрей Кузнецов
Диск-жокей

Татьяна Березко
Диск-жокей

Sherry Prindle
Диск-жокей «Morning Zoo»

Елена Соколова-Соловьева
Диск-жокей

Мария Миронова
Диск-жокей

Елена Ицкова
Управляющий офисом

Андрей Граченков
Начальник транспортного отдела

Георгий Палачев
Водитель

Михаил Романов
Водитель

Надежда Бурова
Секретарь

Анна Мамонтова
Переводчик

Маша Гаврилова
Диск-жокей

В НОМЕРЕ

24 Анна Гаврилкина: Вид крови доставлял ей удовольствие, считают психиатры, обследовавшие Елену Васильеву, признанную виновной в трех убийствах.

56 Борис Ельцин как писатель земли Русской

48 Авангард Леонтьев: Зачем мне играть Гамлета, когда я могу сыграть Башмачкина? То, что я играю в «Квартире Коломбины» или в «Стене», — это ведь осколки (а может, сколки) Башмачкина. Все вышло из «Шинели».

16 Впервые за всю историю страны все южноафриканцы независимо от цвета кожи смогли на равных принять участие в выборах. Сделан фантастический прыжок над бездной, на одном краю которой апартеид, на другом — власть черного большинства.

40 Елена Аверина: Среди нудистов действует замечательный принцип: «Оставьте меня в покое». И не менее замечательное правило: не посягай не только на тело ближнего своего — хотя оно голое и беззащитное, но и на его личность — хотя она, казалось бы, такая добродушная и умиротворенная.

Политика
Столица Черноморского флота. Фоторепортаж, интервью, комментарии 4
Пресса и деньги
Андрей Мальгин 9
Бой идет не ради славы
Николай Троицкий 10
Нам остается только молиться? Интервью с Сергеем Шахраем 14
ЮАР: Black and white
Подготовил С.Толкачев 16

Экономика
Восток — дело выгодное. В.Марков 19

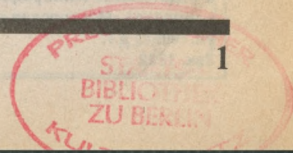
Жизнь
Они устали
Фоторепортаж 22
Вид крови доставлял ей удовольствие
Анна Гаврилкина 24
Хождение за четыре границы
Екатерина Гончаренко 28
Письмо от Виктора Некрасова
Аркадий Галинский 31
Дух виконта над каналом
Сергей Толкачев 34
Круг позора
Гагик Карапетян 37
Голые сраму не имут
Елена Аверина 40

Культура
Роман Карцев, шут гороховый
Татьяна Харлова 43
Единственный в мире
Авангард Второй
Алла Боссарт 48
Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская
Собрание сочинений
Игоря Иртеньева 53
Русская проза: политическое убежище
Дмитрий Быков 56
Загробные записки первого секретаря
Валерия Новодворская 59
Сэр Суер-Вьер
Юрий Коваль 61
Любимые женщины художника Бессонова
Петр Смирнов 64

Письма 2
Цитатник 13
С миру по нитке 27
Дневник И. 46
Антросоли 54

На 1-й странице обложки дизайн С.Стириковича

Удсн 76878

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора: Консуэлло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел литературы: Дмитрий Быков

Отдел репортажа: Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 02.06.1994 г.
Тираж 87 000
Цена договорная

Над номером работали: В. Старчевский, А. Пружинина, Р. Катева, А. Остроухов

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 1832

Читатели «Столицы» размышляют о своей жизни, о будущем России, о реформах... И приходят к выводу, что:

Пятый шанс мы уже потеряли

Были ли у России шансы стать в XX веке цивилизованным, развитым государством? Были, и не раз.

Первый шанс она потеряла еще в прошлом веке, когда Софья Перовская на Екатерининском канале поднесла к лицу белый платок и раздалась два взрыва, унесшие жизнь императора Александра II и вместе с ней надежды на скорую конституцию и повсеместные реформы.

Второй шанс был потерян, когда Россия вступила в первую мировую войну, приведшую к огромным бессмысленным потерям, всеобщему обнищанию народа и во многом способствовавшую октябрьскому перевороту.

Третий шанс упустило Временное правительство, которое должно было любой ценой прекратить войну, дать народу землю, многопартийное Учредительное собрание, тем самым предотвратить большевистский переворот и все те беды, которые потом обрушились на страну.

Четвертый шанс был дан уже большевикам после гражданской войны, когда ввели нэп. И опять мы прош-

ли мимо этого шанса, упразднив нэп, развязав жестокую коллективизацию и массовые репрессии.

Пятый шанс был у нас уже после второй мировой войны. Не следовало ссориться с союзниками, разжигать «холодную войну», тратить неимоверные средства на военно-промышленный комплекс. Германия и Япония, побежденные страны, были в гораздо худшем положении, чем Россия, к тому же они гораздо менее богаты недрами. Однако где сейчас они, а где — мы? Мы сами придумали себе врага, сами начали безумную гонку вооружений, да при этом еще оказывали бесплатную помощь другим «дружеским» странам — деньгами, оружием, строительством предприятий... А преступная политика большевиков, приведшая к уничтожению десятков тысяч храмов и монастырей! А уничтожение генофонда страны, выселение целых народов! Еще можно вспомнить, что огромный золотой запас России сгинул в никуда или был проеден, что реки и моря загублены, почва отравлена, леса вырублены, воздух загажен... за семьдесят лет так исковеркать жизнь страны и миллионов ее граждан! Чего же мы хотим после всего этого? Откуда у нас возьмется нормальная экономика, нормальная жизнь?

Сейчас мы получили шестой, может быть последний, шанс к спасению. И самоубийственно будет его не использовать. Начал Горбачев, остановив «холодную войну», возродив гласность, сделав первые шаги в развитии парламентаризма. Затем правительство Ельцина резко сокращает расходы на ВПК, внедряет в народном хозяйстве, пусть пока робко, реформы, смысл которых — заинтересовать работ-

ника в конечном результате своего труда, сделать уровень жизни зависимым от качества работы. Появилась многопартийность, стали восстанавливать разрушенные храмы. Бывшим нашим соотечественникам вернули возможность принимать посильное участие в возрождении их Родины. Наконец — принята новая Конституция.

Россия возродится. Нужно только терпеливо работать. Путь будет долгим и трудным. Всем известно, что скатиться с горы всегда быстрее и проще, чем забраться на нее.

И. ГИНЗБУРГ

Санкт-Петербург

Жизнь народа — сплошной ад

Я всегда считала Валерию Новодворскую демократом. Когда она сидела в тюрьме, когда против нее велась кампания в средствах массовой информации, я была за Новодворскую и на чем свет стоит ругала власти (пусть на кухне). А теперь я с ужасом читаю ее статьи: в них призывы гораздо ужаснее призывов Жириновского.

В одной из статей журнала «Столица» Новодворская пишет, что для построения демократии необходимо, чтобы все защитники коммунизма и социализма вымерли как динозавры. Они-то, может, и вымрут, но идеи социализма как самого гуманного строя — никогда. Даже малые дети знают, как люди жили до дурацких реформ.

В другой статье «Столицы» Валерия пишет, что нужно убрать коммунистов куда угодно, хоть на тот свет. А кто имеет на это

право? Коммунисты получили на выборах такое же число голосов, что и «демократы», а либеральные демократы — и того больше. Так что если кого и убирать, то только тех, кто превратил жизнь народа в сплошной ад.

Я приведу только один пример из сегодняшней жизни. Раньше все дети учились в школе. Тянули до восьмого класса даже двоечников: пусть по алгебре он не успевал, но любил литературу или историю... «Демократы» же посчитали, что это плохо, теперь двоечников просто отчисляют. Только в нашем доме их — четверо, отчисленных. Вот и занимаются они пока что вредительством в подъезде, а подрастут — пойдут на улицы...

Наши «демократы» не думают о том, что в армию этих детей все равно возьмут. А я бы не хотела, чтобы мои сыновья служили вместе с такими солдатами, которых государство сделало преступниками уже в 12—13 лет. Что стоит этим «детям» взять в руки автомат и перестрелять сослуживцев?

Я хочу жить в демократическом государстве. Но то, что происходит сейчас, необдуманно. Строят рынок, а забывают об образовании... Отказались от субботников, а на улицах кругом мусор и грязь...

Одно ясно: люди по условиям своей жизни отброшены на десятки лет назад.

Т. ФЕДОРОВА

Москва

...А виноват менталитет

Наконец-то на десятом году перестройки мы стали задумываться о том, почему же в России (в бывшем СССР) проваливаются всяческие реформы. Однако до сих пор наши политологи или умышленно молчат об особом менталитете советского человека (совка), или просто не знают о нем. Большой знаток русского

народа поэт Некрасов писал: «Люди простого сословья сущие псы иногда, чем тяжелей наказание, тем им милей господя». (Цитирую по памяти.) Это означает, что русскому человеку милей кнут, чем пряник.

А вот как высказался о нашем менталитете современный поэт Евтушенко: «Поэт в России — больше чем поэт». Между тем поэзия — это иллюзия. Значит, в России больше живут иллюзиями, чем реальностью. Действительно, в какой еще стране мира вы найдете поэта, который, выпустив книжечку иллюзорных стихов, сумел бы прожить долгую счастливую жизнь, нигде не работая? Или вспомните популярную песню «Миллион алых роз», герой которой продает дом и покупает розы. Все нормальные люди делают наоборот: продают розы, а на вырученные деньги покупают дом. Да добавьте к этому русскую сказку, где Емеля, лежа на печи и ничего не делая, въезжает во дворец и женится на царевне...

И вот этот иллюзорно-поэтический народ в 1917 году был охвачен новой мечтой — иллюзией Светлого Будущего, которая внедрилась в наше сознание как новая религия. Разве плохо, когда все люди процветают, ничего не делая? Но ведь это чистейшая фантазия, ерунда, блеф. Так не бывает. Однако понять это мы до сих пор не в состоянии.

Именно это и надо объяснять народу, то есть нам самим, постоянно по радио, ТВ, в газетах... Вместо этого мы видим и слышим бесконечные рекламы, лотереи, мыльные оперы и тому подобные бесполезные иллюзорные проекты.

Даже если президентом России станет сам Господь Бог, то и он не сможет ничего поделать, ибо все зависит от нашего совкового менталитета. Кстати, успех Жириновского на выборах — следствие той же причины.

Л. ЗАКИРОВ

Казань

Уважаемые Господа !

Торгово-Финансовая Компания

"Героз"

продолжает прием

денежных вкладов от населения

с выплатой высоких процентов.

Минимальный срок вклада —
3 месяца,

с возможным получением процентов
ежемесячно.

Минимальный вклад —
200 000 руб.,

для пенсионеров и инвалидов —
50 000 руб.

**Обязательное страхование
деятельности компании !**

Адрес: Тетеринский пер., д. 16,
офис 15, этаж 2
(м. "Таганская-кольцевая").
Телефон/факс: 915-20-71.

Время работы с 11 до 19 ч. ежедневно,
кроме воскресенья и понедельника.

Внимание ! Открыт новый пункт приема
денежных вкладов по адресу:
ул. Краснобогатырская, д. 79,
корп. 2а, 1 этаж
(м. «Преображенская площадь»).

Телефон: 963-0435.

СТОЛИЦА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Андрей ЗАМАХИН (фото)

У севастопольского вальса ритмы суровые

Хотя, если честно, и не вальс это вовсе, танец цивилизованных народов, а, скорее, дикарские ритуальные пляски вокруг останков покойного, а также его имущества.

СССР умер, но Севастополь и Черноморский флот еще живы. Что же тогда делят Ельцин и Кравчук? Живых матросов? Влюбленных на набережной? Но не за ржавеющие корабли идет спор: хозяин Черноморского флота — владеет Севастополем и Крымом, а хозяин Крыма — господин Черного моря! Потому и танцы.

Допекла украинская оппозиция Кравчука, неохота проводить на Украине президентские выборы, жизнь и доллар дорожают, купон дешевет — Леонид Макарович приглашает Бориса Николаевича на танец!

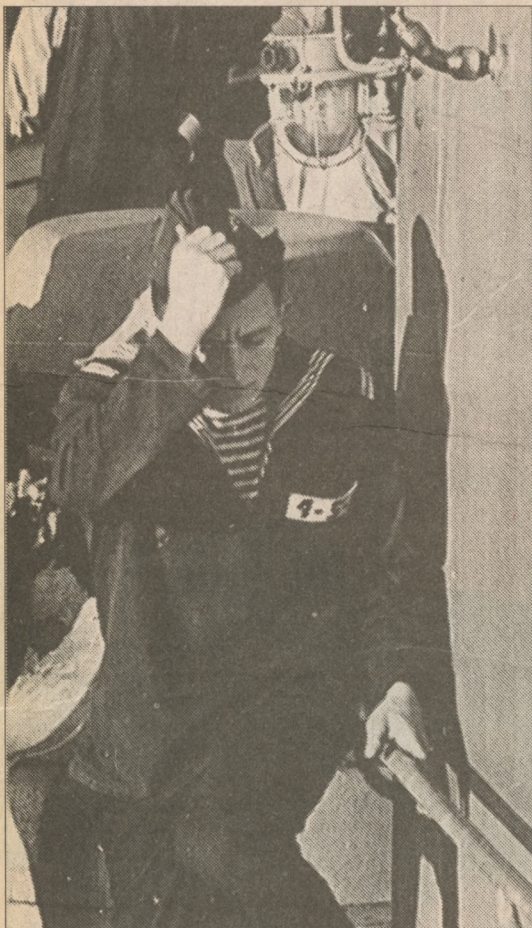
Шумят российские братцы, шумят в Думе, жизнь и доллар дорожают, рубль дешевет, армия российская у казны,

как мальчишки у Бендера, требует: «Деньги давай, давай деньги!» — Борис Николаевич приглашает Леонида Макаровича на танец!

Танцуют паны президенты... Неуклюже, по-коммунистически, наступают на ноги друг другу. Но жаль не панов, жаль холопьих чубов. Случись что, и польется кровь мальчишек ли, парубков ли, слезы этих девушек ли, дивчин ли.

Вот уж на что тих и спокоен флот на спокойном и Тихом океане, никто его не делит, а и то: что ни год, то фейерверк. Но боеприпасов полно и на Черном море. Флот, попавший под опеку двух панов, предоставлен на самом деле сам себе — нет средств, рушится хозяйство, падает дисциплина, не служат уже, а «отбывают номер». И здесь возможен взрыв, он будет социальным, что страшнее грохота фугасок. Тогда уже будет не до танцев...

Люди важнее кораблей,

убеждена политик, бывший советник президента России по межнациональным проблемам, а ныне — «просто» ученый-этнопсихолог Галина СТАРОВОЙТОВА, только что побывавшая в Севастополе и ответившая на вопросы Григория Крошина.

— Галина Васильевна, в чем, по вашему, состоит сейчас для России и Украины проблема Севастополя и Черноморского флота?

— Я рассматриваю проблему Севастополя как составляющую проблемы Крыма в целом. Тем более, что население Севастополя весьма специфично: прежде всего оно — военно-морское. Во-вторых, если мне правильно сказали в Севастопольском горсовете, чуть ли не треть (!) горожан составляют военные пенсионеры, в том числе Герои Советского Союза и ветераны Великой Отечественной войны. А это люди тоже со своеобразной психологией, с определенной ностальгией по прошлой жизни, по прошлой славе Севастополя, по его статусу в составе бывшего СССР...

— По вашему впечатлению, готова ли Украина воевать с Россией из-за Севастополя?

— Я задавала именно этот вопрос

бывшему министру обороны Украины Константину Морозову (при котором, как мы помним, в аттестационную анкету офицера Украины был включен вопрос: «Готов ли он воевать против русских?»)... Он смутился, сказал, что надеется на то, что такой войны не произойдет.

Сегодня стратегические возможности Черноморского флота, как известно, ограничены: например, самый мощный его корабль — авианосец «Адмирал Кузнецов» несколько лет назад был переведен в состав Северного флота... Возможности ограничены сегодня еще и политикой Турции в отношении проливов Босфор и Дарданеллы. Так что в значительной мере этот флот находится и под контролем тех сил, которые владеют этими проливами, а также Гибралтарским... С другой стороны, конечно, Черноморский флот еще очень важен. Например, в прошлом году он блестяще — с военной точки зрения — осуществил десантиро-

вание в районе Поти в целях спасения беженцев во время вооруженных столкновений в Грузии.

Мне кажется, значение Черноморского флота во всем этом российско-украинско-крымском конфликте не надо преувеличивать. Флоты, как известно, строятся, морально и физически устаревают, ржавеют, тонут и так далее. А Крымский полуостров, с его экологией, культурой, населением, остается...

— То есть, на ваш взгляд, судьба Черноморского флота и Севастополя — не слишком важный фактор во взаимоотношениях России с Украиной?

— Это не слишком важный фактор во взаимоотношениях Крыма с Украиной. Да, пожалуй, и во взаимоотношениях Украины и России его значение тоже явно преувеличено. Хотя, конечно, полностью списывать его со счетов я бы не стала. Кстати, то, что флот этот давно не обновлялся технически, его суда давно не ремонтировались, они (по крайней мере русская часть Черноморского флота) не имеют доступа в бухты Херсона, Николаева, Одессы, на судостроительные и судоремонтные заводы, — все это существенно понижает его боеспособность и просто-напросто техническую пригодность. Поэтому с флотом я лично предвижу большие проблемы в недалеком будущем, однако больше меня волнует, не скрою, судьба людей, а не кораб-

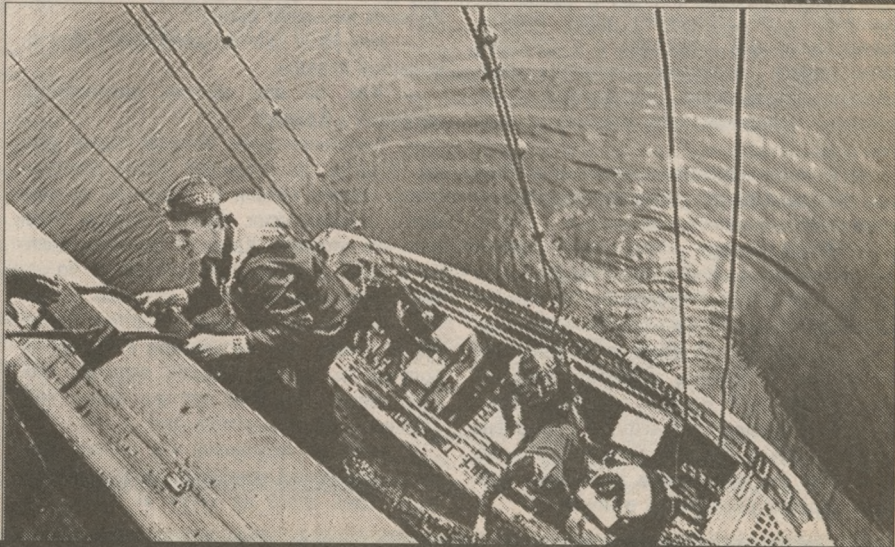

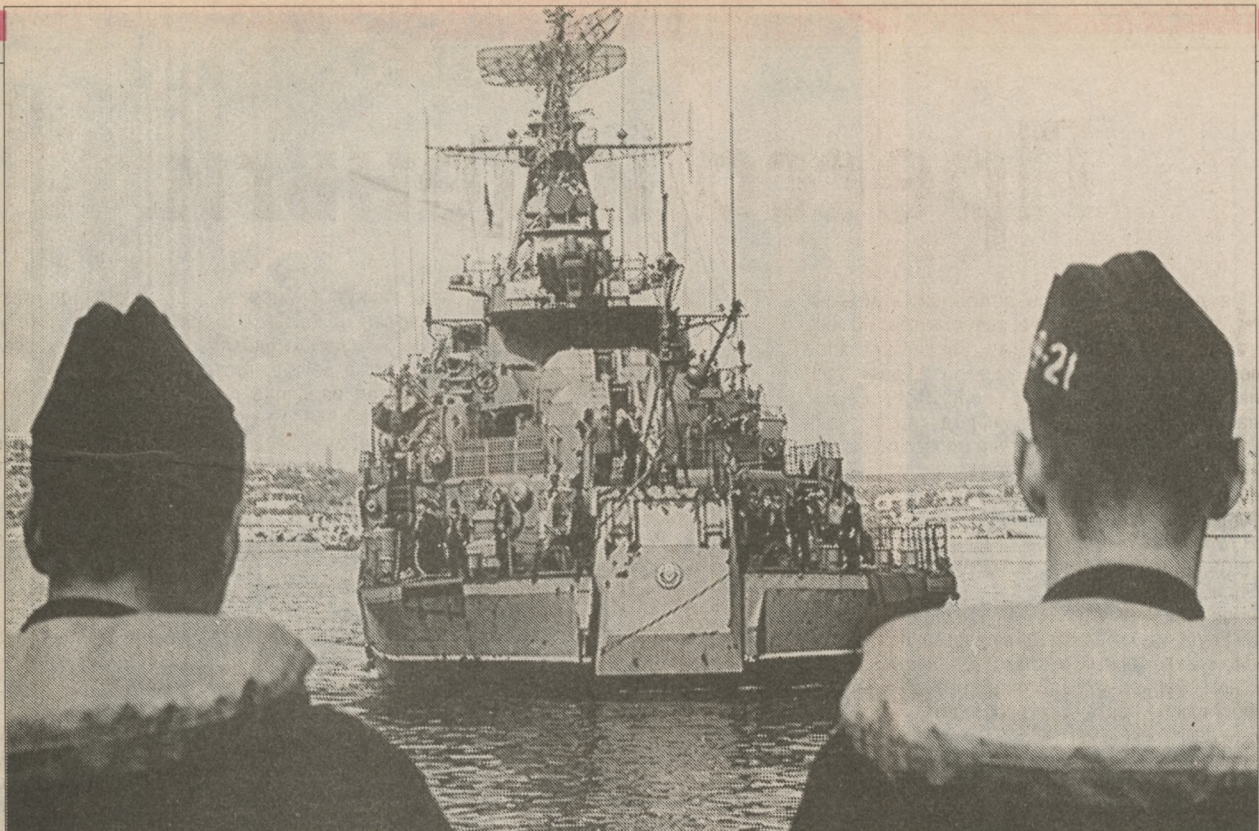
лей — судьба офицеров, матросов и, кроме того, сохранение традиций Черноморского флота.

Кстати, этот флот сегодня является единственным в бывшем СССР, который ходит под советским флагом; остальные флоты России — под андреевским. Этот факт, по-моему, очень ясно отражает именно то обстоятельство, что Крым, и особенно Севастополь, являются как бы осколками бывшего СССР — со всем хорошим и всем плохим, что было в нем. И сильнейшее чувство, испытываемое жителями Крыма и Севастополя, — ностальгия...

— Высказывалось мнение, что Черноморский флот, по современным военным меркам, — вообще не способен на выполнение боевых задач. А поэтому, мол, непонятно, из-за чего между Украиной и Россией весь сыр-бор? Не заметили ли вы таких настроений у самих севастопольцев?

— Нет, как я поняла, сами офицеры так не считают. Они убеждены, что могут выполнять важную миссию, например, противостоять 6-му флоту США, находящемуся в Средиземном море, могут выполнять разведывательные и контрольные мероприятия в полном объеме, поэтому сильно огорчены резким снижением технического уровня поддержания боевого состояния судов...

Развод по-славянски

О проблемах украино-российских отношений председатель «Народного Руха» Украины, депутат парламента Вячеслав ЧОРНОВИЛ рассказывает Сергею Шаповалу.

— В последнее время все более явно начинает, причем не только в России, но и в республиках, звучать идея необходимости создания нового Союза.

— Имперские тенденции крепко сидят во многих. К сожалению, подтверждается давнишняя мысль: российская демократия заканчивается там, где начинается украинский вопрос. Но, мне кажется, сейчас далеко не все коммунисты в нашем парламенте поддерживают идею воссоздания имперской структуры, а у социалистов теперь очевидны элементы поддержки украинского государства. Постепенно имперская идея отходит на задний план.

— А проимперские тенденции в России не вызывают усиления националистов на Украине?

— Жириновского у нас нет. Пытаются ему иногда подражать Степан Хмара, но он не идет ни в какое сравнение. Во Львове появилась Социал-националистическая партия, но она не вышла даже за пределы своей области, а пытаясь выдвигать кандидатов на выборах, с треском проиграла. Пока, к счастью, крайний правый фланг у нас очень слабый, крайний левый значительно сильнее.

— Как вы оцениваете нынешний уровень украино-российских отношений?

— Со стороны России все время идет наращивание давления, даже с элементами национального унижения. Конечно, на этой почве может быть обострение отношений, но его возможно избежать. Нужна просто разумная политика. Зависла проблема Черноморского флота, но тут мы и сами виноваты: в начале 1992 года можно было все решить.

— Можете ли вы допустить, хотя бы в виде гипотезы, что между Украиной и Россией вспыхнет война?

— Нет, это может допускать «Комсомольская правда».

— Как, на ваш взгляд, развивается ситуация в Крыму?

— Там много шума: Мешков издает указы, Кравчук их отменяет. Крым все-таки очень крепко связан с Украиной, прежде всего экономически. Даже Сабуров признал, что оторвать Крым от Украины крайне сложно и России это сейчас не по зубам. Крым ведь сидит на дотациях — самых крупных среди всех областей Украины. Я думаю, что сепаратизм в Крыму не получил бы такого размаха, если бы уровень жизни там был чуточку выше, чем, скажем, в Краснодарском крае.

У меня нет ощущения, что вот-вот начнется серьезный конфликт. Ведь в Крыму люди тоже этого не хотят. И потом, там

нет внутреннего межнационального напряжения, которое обычно является источником конфликтов.

— Сейчас выявилась очень интересная проблема: украинские и российские диссиденты, вместе когда-то боровшиеся за демократию, сидевшие в лагерях, теперь не могут найти общий язык, а иногда даже оказываются по разные стороны баррикад. Как вы думаете, с чем это связано?

— На Украине говорят: если поскрести российского демократа — обнаружишь империалиста; а в России: если поскрести украинского демократа — обнаружишь националиста. По-моему, демократическое движение не было готово к созданию независимых государств, а ведь последовательная демократия должна была это предусматривать. СССР был искусственным образованием, основанным на силе, и при малейшем ослаблении давления из центра он должен был начать разваливаться. Вот этого мы не просчитали, сидя в лагерях. Разговоры ограничивались проблемами языка, культуры, но об образовании украинского самостоятельного государства не думали даже многие украинские диссиденты, а для российских это вообще был консенс.

Именно это довлеет над нами сегодня, история нас развела. У нас сейчас более прочные контакты с партиями и движениями в Германии или Австрии, чем в Москве. Я считаю, что это очень плохо.

Пресса и деньги

На днях закончилась подписная кампания. Мы еще не знаем ее результатов, но уже сейчас ясно, что тиражи газет и журналов в очередной раз рухнули. Существуют две точки зрения на причины такого положения вещей. Согласно одной из них, народ пресытился политикой, ему надоело читать о мерзостях нашей жизни, чтению газет он предпочитает нынче просмотр телевизионной латиноамериканской мелодрамы. Вторая точка зрения заключается в том, что людям не под силу, точнее не по карману, покупать, а тем более выписывать газеты и журналы.

Не берусь судить, кто больше прав. Но есть и еще одна, на мой взгляд, существенная причина. Люди охладели не столько к газетам, сколько к нам, журналистам. Более того, они нас недолюбливают. И есть, между прочим, за что.

Во-первых, мы лжем. Ради тенденции подтачиваются факты, ради сенсации факты выдумываются, а ради того, чтобы поддержать собственную репутацию, устраиваются сражения с ветряными мельницами. Газеты переполнены опровержениями чужих, а также и своих собственных материалов.

Во-вторых, мы продажны. Даже невнимательный читатель давно заметил, что, например, в «Московском комсомольце» не найдешь худого слова (или хотя бы дружеской критики) в адрес столичной мэрии и группы «Мост», а в «Независимой газете» неприкасаемы М.С.Горбачев вместе со своим фондом, а также «красные директора», «товаропроизводители» (т.е. производители не находящей спроса продукции). Скрытая реклама, с которой законодательно борются во всем мире, стала двигателем нашей прессы, источником энтузиазма журналистов.

Наконец, в-третьих, мы злы. А принято любить добрых, но не злых. Не успевшие проявить негибкость во времена, когда после каждой критической статьи, если она не была предварительно согласована, из ЦК КПСС сыпались громы и молнии, многие газеты и журналы запоздало принялись крушить все вокруг сейчас, когда опасаться, в общем-то, нечего.

Итак, газеты гибнут. Экономика тут простая: круг читателей прессы сужается — тиражи падают — расценки на рекламу снижаются — доходы уменьшаются (при растущих расходах). Прессу давно уже кормят не читатели, а реклама, но рекламодателю интереснее опубликовать ее как можно большим тиражом. Газеты, у которых упал тираж, лишаются, таким образом, финансовой поддержки. И вот газеты начинают тщательно скрывать свой тираж, указывают фальшивый, а «Московский комсомолец» публикует под рубрикой «Внимание, рекламодатель!» ехидные заметки, в которых рассекречиваются тиражи других газет. Ныне и у «Московского комсомольца» настали тяжелые времена. Раньше его многие выписывали ради программы ТВ на неделю, теперь программы публикуют в бесплатных газетах с миллионными тиражами.

Как только стало окончательно ясно, что га-

Андрей МАЛЬГИН

Круг читателей прессы сужается — тиражи падают — расценки на рекламу снижаются — доходы уменьшаются...

зеты гибнут, причем в первую очередь газеты старые, с устоявшейся репутацией, тут же возникли желающие оказать им поддержку, спасти. Разумеется, за счет государственного бюджета.

Восстал из пепла г-н Полторанин. Он теперь утверждает, что возглавляемой им некоей комиссии предстоит разделить среди гибнущих несколько триллионов рублей. Уже составлены списки. А это значит не только то, что скоро мы прочтем в ряде изданий подобострастные интервью с этим господином, но раз публично ставившим получение государственной дотации в зависимость от отношения изданий лично к нему. Это значит, что в очередной раз нормальная конкуренция в сфере газетного бизнеса будет заменена изжившей себя системой государственно-идеологического регулирования.

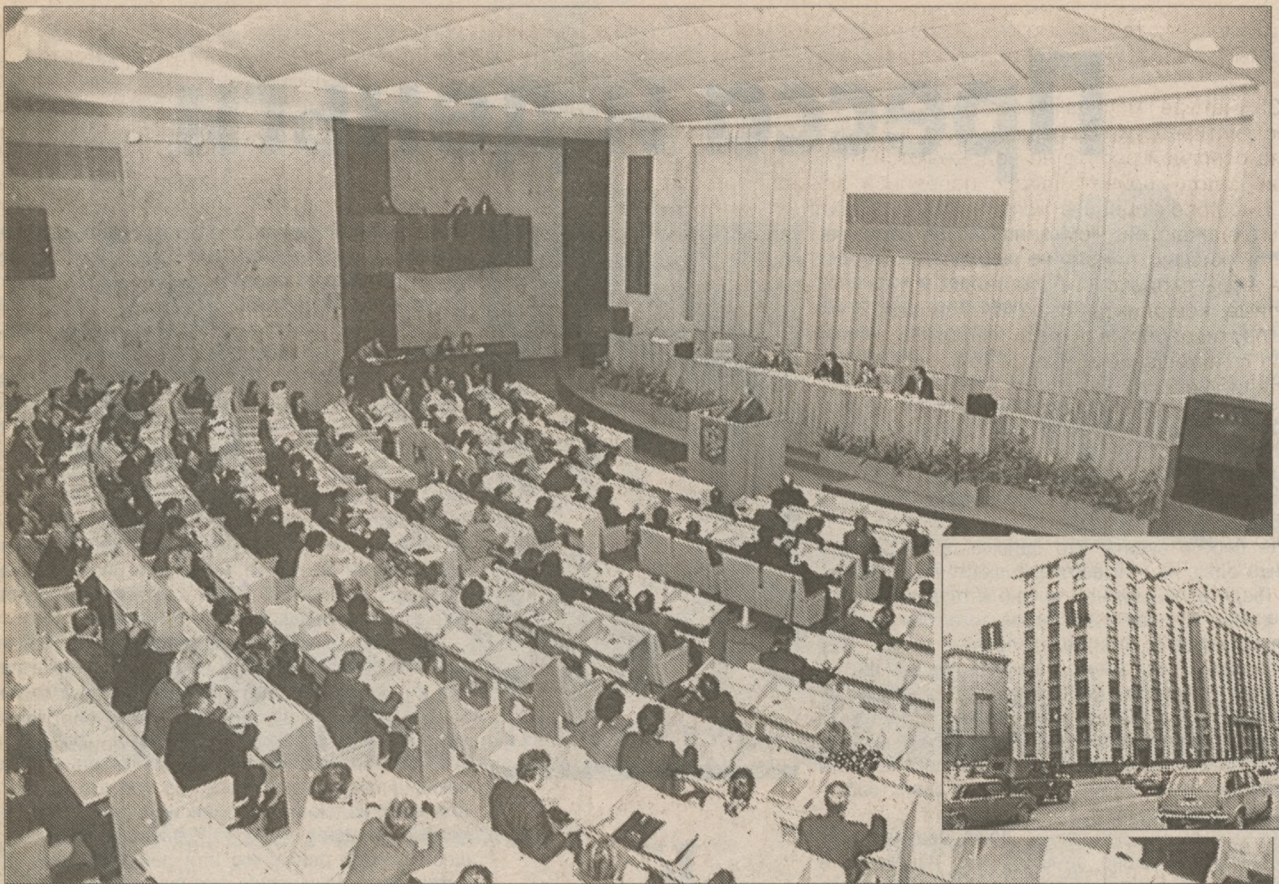
Впрочем, во всем мире пресса находится под защитой государства. В экономическом плане это выражается в том, что для газет и журналов снижаются ставки налогов, вводятся льготы, связанные с распространением и транспортной тиражей, принимаются законы, облегчающие труд журналистов. Но все это делается для всех изданий, вне зависимости от того, насколько лояльны они к той или иной партии, общественному движению или действующему правительству. Нынешний же руководитель Комитета по печати Миронов ввел новый, неведомый пока в мировой практике критерий: духовность. Кто, интересно, будет определять, насколько одно издание духовнее другого и как стелень духовности выразить в рублях государственной дотации? Меж тем и у г-на Миронова список духовных изданий уже готов.

И вот что интересно. Большинство крупных газет акционировались. Каждое из бывших государственных изданий стало собственностью группы (как правило, узкой, от трех до десяти человек) лиц. Обычно принято решение об акционировании — тяжелое, ответственное решение. Беря ответственность за экономическое состояние своего предприятия (редакция — тоже предприятие, и часто с немалым оборотом), руководители изданий, казалось бы, идут на риск: можно ведь и обанкротиться. Ну а что мы видели в последние два года, пока правительство распределяло «полторанинскую» дотацию? Да просто государственные миллиарды широкой рекой текли во вполне частные карманы.

«Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Московские новости» не получали денег от правительства, последнее время не получали их и «Известия». Эти газеты сумели сориентироваться в рыночной стихии и в конкурентной борьбе с другими изданиями несомненно выиграли бы. Однако они поставлены в неравные условия с конкурентами. И это их убивает.

Но печать не погибнет. У нее всегда будут читатели. Возможно, государство позволит как-то газетам обанкротиться; в этом случае наверняка появятся новые газеты. Будут у нас свои Херсты, Мёрдоки и Максвеллы.

Пока же задача у нас одна — выстоять.

ИТАР-ТАСС

Бой идет не ради славы

Политическая элита в эпоху «черного передела»

Николай ТРОИЦКИЙ

Отечественная война ветвей власти закончилась. Ветераны российских междоусобиц — президент и парламент — вяло сводят былые счеты. На старом поле боя довоевывают свое только призраки прошлых лет. На новой линии фронта началась яростная схватка за будущую власть. Но старым бойцам в этой битве делать нечего.

Судьба проигравшей стороны мало чем отличается от участи победителя. Они оттеснены на далекую обочину большой политики.

Парламент. После поражения

Государственная Дума повела себя совсем не так, как напророчили многочисленные прогнозисты-политологи, в том числе и автор этих строк. Она обманула все ожидания, и нам остается только признать свои ошибки.

Поначалу, после подведения итогов прошлогодних декабрьских выборов, показалось, что под видом законодательного органа на свет уродился некий монстр. Казалось, что Дума далеко превзойдет по агрессивности и склонности прежний Верховный Совет. Благо публика в нижней палате вроде бы подобралась соответствующая: к старым знакомым, бывшим народным депутатам-патриотам Исакову, Бабурину и пр., прибавились не только Зюганов, Лукьянов и Невзоров, но целая фракция под предводительством Жириновского. Казалось: сейчас они отменяют все ельцинские указы периода «поэтапной конституционной реформы», напринимают реакционнейших законов, постараются переделать Конституцию и доведут себя до нового разгона. Ничего похожего не случилось.

Дума начала заседать. И всех удивила. Депутаты сумели договориться, быстро, четко и слаженно избрали все высшее парламентское руководство, поделили между фракциями комитеты и комиссии, почти не тратили времени на пустопорожнюю болтовню... Тогда вдруг почудилось, что впервые в России возникло нечто похожее на

парламент, который сможет, наконец, заниматься своим прямым делом — законодательством. Но и тут вышла осечка.

За четыре месяца работы Дума не преуспела ни в деструктивности, ни в конструктивности. Законодатели и на основной работе не надрываются — с трудом, через пень-колоду принято два с половиной закона, и побочной конфронтацией с исполнительной властью не слишком увлекаются. Чем заняты? Непонятно. Однако живут своей жизнью, никому не мешают.

А ведь сколько было поводов для того, чтобы затеять бурные конфликты и разбирательства с антагонистами из противоположной ветви власти. Взять хотя бы ситуацию с помещением. Что ни говори, а с парламентом поступили неприлично, загнав его в неприспособленное, тесное здание бывшего СЭВа. Впору было обидеться и заскандальить. Отдельные думские радикалы пытались, но их скоро уняли. И все уладилось: переселили Думу в просторное здание бывшего Госплана, с отличными номенклатурными кабинетами, и не на отшибе, а возле самого Кремля.

Другой первостатейный конфликт, в лучших традициях хасбулатовских времен, мог вспыхнуть вокруг пресловутой политической амнистии от 23 февраля этого года. Ан нет. Скандала не вышло. Страсти не только утихли, но неожиданно все перетекло во всероссийский «Договор об общественном согласии». Инициаторы амнистии, выпустив на волю самых буйных противников режима, тем самым избавились от опасных конкурентов в будущей борьбе за власть. Прощенные мятежники остались с несмываемыми пятнами на репутации, им уже трудно превратиться в героев-мучеников (если их, конечно, не начнут снова преследовать и сажать), а освободители

постарались извлечь максимальный политический капитал из своего великодушного поступка. Лавры великого российского миротворца оказались столь притягательными, что даже президент не устоял, а спикер Рыбкин и премьер Черномырдин постарались помочь главе государства в церемонии всеобщего «примирения».

Хоть и случаются в Думе редкие и недолгие бури в стакане воды, она на редкость миролюбива. Все попытки разжечь в депутатских массах оппозиционные инстинкты заканчиваются неудачами. Палата не желает вставать на путь Верховного Совета. Законодательная власть настроена на войну с властью исполнительной (отдельные мелкие споры и стычки не в счет, они случаются и между союзниками).

Думская реальность никак не вписывается в привычную логику противостояния властей. Старый стереотип просто противоречит новым условиям. Парламент нынче не то что многими нитями, а канатами, стальными тросами привязан к правительству. У пяти совершенно разных фракций в кабинете есть свои собственные министры. У «Выбора России» — четверо, в том числе вице-премьер Чубайс и министр иностранных дел Козырев. У Аграрной партии (слышущей оппозиционной, но подписавшей договора о согласии и близкой к коммунистам) — другой вице-премьер, Заверюха. У фракции ПРЭС —

аж два вице-преьера — Шахрай и Шохин плюс два министра. У «Новой региональной политики» имеется начальник аппарата правительства Квасов в ранге министра. И, наконец, в лице министра без портфеля Травкина заполучила свою креатуру в правительстве Демократическая партия России.

Ясно, что эти фракции никогда не соберутся в оппозиционный кулак и не посмеют бросить вызов правительству — они все имеют слишком глубокие интересы в сохранении министерских портфелей, кабинетов, связей, каналов и возможностей влиять на экономическую политику.

Несколько других фракций своими министрами пока не располагают, но рассчитывают их занять. Может быть, зря рассчитывают. Но в ожидании удовлетворения претензий ведут себя тихо и осторожно. Впрочем, при сохранении «статус-кво» они, вероятно, имеют более реальные возможности для сохранения и упрочения своего политического положения. Особенно интересно поведение лидера коммунистов Зюганова и главы ЛДПР Жириновского. Оба регулярно произносят обличительные речи, не щадят эпитетов на филиппики против «антинародного» курса, требуют немедленно его изменить. Но почему-то в поступках господа-товарищи гораздо умереннее, чем в своих речах.

При ключевых голосованиях обе фракции поддерживают кабинет министров и явно не намерены никого и ничего свергать.

Самым «непримиримым» получается Явлинский со своим «Яблоком». Он еще ни разу ни в чем не согласился с правительством. Явлинский не удовлетворится внедрением своих людей в кабинет. Он желает формировать его лично. Но его голосов недостаточно для недоверия правительству. И на оппозиционера он не похож.

Дума не может превратиться в ведущую оппозиционную силу, даже если

захочет. Для того чтобы воевать, надо знать противника. А как его теперь определишь? Нет больше до боли знакомой дихотомии, когда мир легко распался на два цвета, два лагеря. Нет больше двух враждебных станов. Неизвестно, где нынче центр власти. Где свои? Где чужие? С кем сражаться? Куда наступать? Когда отсутствует общий враг, не образуется и настоящей оппозиции.

Тем, кто не попал в Думу, проще. Они называют своих парламентских единомышленников «согласателями» и знают, на каком фронте им надо воевать. Но у них и вовсе нет ни сил, ни возможностей для реального противостояния. Внепарламентских экстремистов одергивают и окорачивают не только явные враги, но и близкие соратники, овладевшие думскими мандатами. А сама расколота, раздробленная, присмирившая Дума не опасна для исполнительной власти и может спокойно жить-поживать и заниматься внутренними делами.

Президент. После победы

В то время как побежденный парламент впал в униженное безвластное состояние и окончательно превратился в архитектурное излишество для отвода глаз, президент-победитель вознесся в самые гибельные выси. Борис Николаевич до такой степени уверовал в свое

Журналисты в холле зала заседаний

ИТАР-ТАСС

превосходство, что, не дожидаясь отставки, ударился в мемуары. Глава государства ощущает себя полным хозяином страны и озабочен только поисками достойного продолжателя своего дела — «великой реформы». При этом, очевидно, подразумевается, что сформированное премьер-министром и утвержденное президентом правительство кропотливо трудится над углублением реформ.

В то же время в коридорах и кабинетах администрации президента разгораются жесточайшие внутриведомственные разборки. Группа социологов во главе с заслуженным демократом РФ Александром Собяниным исследовала результаты прошлогодних декабрьских выборов и пришла к выводу, что они сфальсифицированы: избирательные комиссии приписывали лишние голоса различного рода коммунистам и либерал-демократам, отнимая их у «Выбора России»; кроме того, в голосовании по Конституции приняло участие менее половины всех избирателей, что ставит под сомнение легитимность самого Основного закона.

Можно спорить о корректности собянинских научных методов, но изучить его исследования было бы не вредно. Вместо этого последовали отповедь и расправа. Руководитель администрации президента Филатов назвал оглашенные Собяниным данные «провокацией», а саму группу быстро открепили от администрации. Практически одновременно был снят с должности и начальник только что созданного управления информационного обеспечения президента Петр Филиппов. Его уволили за то, что он лично написал и распространил служебную записку с предложениями немедленно упразднить все и всяческие колхозы на территории Российской Федерации. Идея мгновенной сплошной деколлективизации сама по себе сомнительна, но она явно не представляла ни для кого опасности. Мало ли какие проекты возникают в недрах госучреждений! Тем не менее аграрная фракция быстро возмутилась, в правительстве заволновался Заверюха, и Филатов не задумываясь удалил Филиппова как возмутителя «общественного согласия».

Между тем в администрации президента в главных кабинетах сидят демократы. «Номенклатурного подполья» там уже не найти. А Собянин заявляет об усиливающемся отчуждении высшей власти не только от народа, но и от тех политических сил, которые помогли нынешним начальникам прийти в Кремль. Переродившиеся демократы, ставшие чиновниками, образовали непрошибаемый номенклатурный слой, и из него активно вымываются и убираются все несогласные и чрезмерно инициативные деятели. Оставшиеся, видимо, успешно «углубляют» реформы.

Но президент не только отгородился от своих бывших сторонников. Почив на лаврах, он утратил контроль над реальными содержательными процессами, происходящими в России. Эти процессы не имеют ничего общего с разделением властей и борьбой законодательной ветви с исполнительной. Сия проблема решена окончательно и бесповоротно. Если в столице еще имеется федеральный парламент в роли политической кусткамеры, то в остальных субъектах Федерации от представительной власти избавились несколькими росчерками пера. Местные чиновники из администраций сами же, в основном, и заседают в местных парламентах, лишенных даже намеков на реальную власть.

Казалось бы, достигнутое в боях единство и неделимость исполнительной вертикали должно привести к вящей стабильности. Но не приводит. Так как в России развернулся грандиозный процесс перераспределения собственности, а значит — передела власти. Это не борьба между разными социальными группами, кла-

ссами или элитами. Это — жестокий «черный передел» внутри одной политической элиты. Перераспределение собственности происходит не в интересах каких-либо партий, движений и политорганизаций, а в интересах могучего «класса» чиновничества — отечественной бюрократии, успешно пережившей все пертурбации последних лет и ныне разделенной на несколько кланов, клик или, если надо подобрать более приличное слово, команд.

Посторонних в этот передел стараются не допускать. Хотя конкурентов и претендентов — много. Они видят, что процесс перераспределения плавно переходит в президентскую предвыборную кампанию, и надеются отхватить свое. Самое смешное — это то, что оппозиционные лидеры — Зюганов, Жириновский, Руцкой и т.п. — сегодня клянут «режим» и обещают торжество социальной справедливости, а завтра, едва достигнув власти (хотя такое и маловероятно), займутся тем же самым, чем заняты их оппоненты, и вволю поучаствуют в перераспределении собственности уже в своих интересах.

Похоже, что у нас все-таки утвердились некие диковатые рыночные правила. Во всяком случае, «чернопердельщики» уже не делятся на демократов и партократов, все идеологические пропагандистские ярлыки отмирают, как только включается реальный интерес. Беда, что подавляющей части российского общества в этом процессе абсолютно ничего не достается. Да и проходит этот рыночный передел на фоне вопиющей, питекантропической неразвитости демократических институтов и в условиях тотального беззакония. Снайперы, автоматчики и бомбисты участвуют в судьбах российской политики куда активнее и результативнее, чем парламентарии.

Невелика и роль главы государства, президента Ельцина, полного иллюзий о том, что именно он управляет политическими процессами в стране. В действительности соперничающие кланы и группы просто прикрываются громким именем президента-реформатора и используют его международную репутацию в своих корыстных целях как дополнительный капитал.

Такова, в общих чертах, картина сегодняшних политических сражений. Она еще не вполне ясна, очертания ее только выходят из-под спуда. Но видно, что старые привычные сюжеты о распре между ветвями власти отошли в область преданий. Изредка вспыхивающие рецидивы, мимолетные препирательства между Думой и президентом представляют уже только чисто академический интерес. Конечно, реальные сегодняшние процессы не имеют никакого отношения к «углублению реформ» и к реформам вообще. Конечно, передел между чиновничьими кланами с использованием огнестрельного и автоматического оружия напоминает скорее беспредел и далек и от демократии, и от народа. Конечно, это предвещает мало хорошего в ближайшем будущем для нашей страны.

Однако суровая реальность показывает, что, скорее всего, не произойдет и самого плохого. Участники «черного передела» не заинтересованы в гражданской войне. Им невыгодны уличные бои и танковые сражения. Они вполне могут обойтись снайперскими винтовками. Авось в нас не попадут. И на том спасибо.

Цитатник

«...Легче договориться с НАТО, чем с бывшими братьями по оружию», — заявил по окончании встречи в Брюсселе российский министр обороны. («Новости», «Останкино», 25 мая 1994)

А вы чего же хотели, Павел Сергеевич? Братя-то по оружию знают вас гораздо лучше коллег из НАТО!

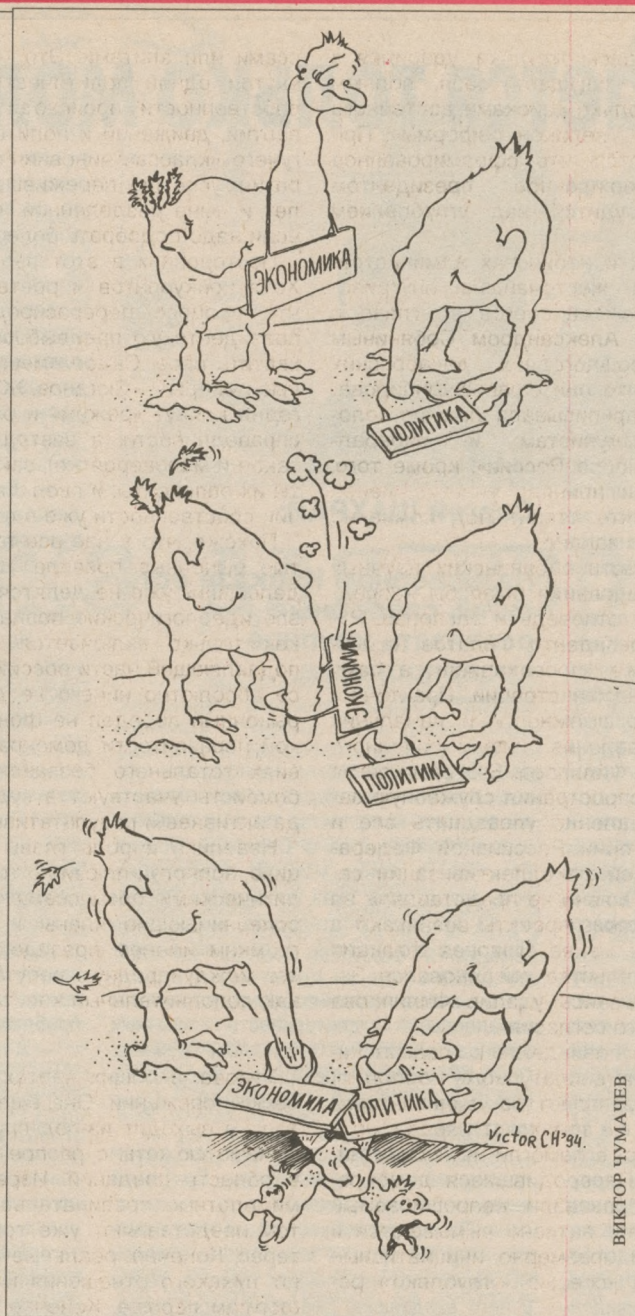
«Выбирать придется не между демократией и бюрократией, а между цивилизованным, одетым в кое-какие одежды законности и откровенно грубым бюрократическим вариантом», — утверждает Владимир Исаков. («Московские новости», № 20, 1994)

А над всей этой черной будущностью портрет самого Владимира Исакова, одетого в кое-какие одежды и при галстуке. Так и хочется выбрать именно его!

«...Мне сейчас 38 лет, и у меня нет оснований не баллотироваться в президенты России».

(С.Шахрай, газета «Утро России», № 20, 1994)

Если умение барабанить пальцами по столу станет когда-нибудь олимпийским видом спорта, судьи — члены Конституционного суда России — могут оказаться сильными претендентами на звание чемпионов, ибо в последние месяцы им, собственно, больше почти нечего делать. (Говард Уитт, «Чикаго трибюн».) (ИТАР—ТАСС)

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Из интервью Александра РУЦКОГО:

«Меня, например, очень возмутило выступление против Ельцина шести членов Верховного Совета России... Не нравится вам политика Ельцина — уйдите из Верховного Совета, которым он руководит... Но если вы продолжаете занимать должности в его команде, извольте выполнять порученные обязательства. Мало ли какой путь не нравится стрелочнику? Но если он будет переводить стрелки по своему усмотрению, то катастрофа неизбежна».

«Столица», № 21, май 1991 г.

«...У Партии большинства (ПБ) наличествует полный набор классических признаков, позволяющих считать ее партией», — утверждает Вячеслав Гречнев, лидер этой самой ПБ.

К сожалению, он обрывает свое интервью на самом интересном месте, и читателю так и остается неясным: о каких признаках — первичных или вторичных — говорит господин лидер?..

Вопрос испанской газеты «Паис»: «...Считаете ли Вы, что Борис Ельцин является демократом?»

М.Горбачев: «Ему хотелось бы им быть, но, анализируя его методы, можно увидеть признаки, что он идет к тоталитаризму. Однако, с некоторыми оговорками, я характеризовал бы его как демократа. Но сомнения есть».

(ИТАР—ТАСС)

«Политические трафаретные ораторы словно нарочно хотят оскорбить верования противоположных по взглядам партий и вызвать их на крайние формы протеста. К сожалению, они легко достигают цели. Бестактность публичного слова дает толчок к попыткам ограничения гарантированной законом свободы слова. Провокация слева тотчас порождает в ответ провокацию справа... А политические дразни убивают даже нужные проекты так же легко, как выстрел из охотничьего ружья утку на болоте... Самые разные фракции, чувствуя полную невозможность защитить свободу думской трибуны какими-либо иными способами, сплотились в решении отстаивать эти права путем отклонения правительственного бюджета...» (Газета «Русь», 1906)

Нам остается только молиться?..

Сергей Михайлович, вас, министра по делам национальностей и региональной политике, ни о чем не предупредив, сняли с должности министра. Чем вы не устроили президента и премьера? Своей региональной политикой? Или, может быть, вы — жертва дворцовых интриг?.. Хотя вы, кажется, немало сделали для поддержки президента регионами?..

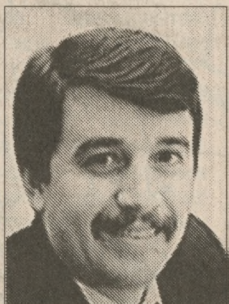
— Да, именно наша последовательная работа с регионами и обеспечила президенту решающую поддержку в дни политических кризисов. Интриги?.. Хочу все же думать, что назначение нового министра Егорова не связано с приказом Шахрая провести финансовую проверку бывшего Госкомсевера или с давлением на правительство коррумпированных кругов Краснодарского края... А что касается моей политики, то ее ведь одобряли и президент, и правительство — и в отношении казачества, и в Договоре с Татарстаном, и по концепции национально-культурной автономии российских немцев и т.д.

— Тогда что явилось поводом к отставке министра Шахрая? Может быть, недовольство вами... президента Чечни? Известно, что он резко возражал, чтоб делегацию России на переговорах с Чечней возглавляли вы.

— Я не хотел бы дожить до того момента, когда кадровые вопросы в российском правительстве будут зависеть от настроения генерала Дудаева... Я считал и считаю, что президент России должен вести переговоры с президентом Чечни, но — их надо готовить. Чем я и занимался. О президенте Дудаеве... Есть ведь решение V съезда народных депутатов России, которое никто не отменял: признать выборы президента в Чечне незаконными. Значит, парламенту надо сегодня или отменить то решение съезда, или — оно действует, то есть президента Чечни нет... Без нормализации отношений центра с Чечней невозможно нормализовать ситуацию на Северном Кавказе, в частности — в осетино-ингушском конфликте.

— Кстати, об этой «горячей точке». Президент Ингушетии Руслан Аушев сказал мне, что вся полнота власти в зоне ЧП, по его мнению, должна исходить напрямую из Москвы. Ввести особую форму управления — «федеральное правление». Такое возможно сегодня?

— Режим чрезвычайного положения — это и есть режим федеральной власти, которую олицетворяет Временная администрация. А президент Ингушетии говорит о другом — об изъятии из-под юрисдикции Северной Осетии части Пригородного района... Но этого нельзя сде-

Сергей ШАХРАЙ:

На Северном Кавказе есть силы, способные развязать крупное кровопролитие.

лать ни законодательно, ни по сути — такое решение не будет способствовать ликвидации конфликта, так как вызовет взрыв недовольства в Северной Осетии. Есть же, в конце концов, Конституция, есть закон, есть Указ президента России от 13 декабря: подтвердить нахождение Пригородного района в составе Северной Осетии.

Речь сегодня должна идти об устранении параллельной деятельности местных органов власти и нарушений режима. Поэтому Указом президента расширены полномочия главы Временной администрации.

— И, кроме того, расширен сам район чрезвычайного положения. По чьей инициативе это сделано?

— По предложению наших «силовых» структур. По сути — возвращены в район ЧП несколько населенных пунктов, ранее в него входивших. Без этой меры невозможно защитить ингушских беженцев, возвращающихся в те четыре населенных пункта, которые названы в Указе президента РФ.

— На ваш взгляд, насколько эффективны эти меры?

— Конечно, только с их помощью невозможно окончательно ликвидировать конфликт. Для этого необходимы политические средства — договор между Аушевым и Галазовым, соглашения между сторонами и, главное, готовность и ингушей, и осетин выполнять эти соглашения... А федеральная власть в этом случае выступит как гарант соблюдения Конституции России на территории Ингушетии и Северной Осетии, как посредник, как, если хотите, механизм правового, законодательного и экономи-

ческого давления. Что касается режима ЧП, то он выполняет только одну задачу: не позволить выйти ситуации из-под контроля, не дать определенным силам развязать крупное кровопролитие. А такие силы есть — говорю это вам со знанием дела: ведь я несколько месяцев руководил Временной администрацией. И я как никто другой знаю, что до глубокой осени ничего не остается, кроме как молиться, чтобы наши «силовые» структуры не позволили вывести ситуацию из-под контроля.

— Вы неоднократно говорили, что действующий Закон о ЧП не соответствует сегодняшним реалиям?

— Да, его надо пересматривать. И такой проект мы давно разработали и внесли в парламент.

Но федеральные органы заняты разборками в борьбе за политическую власть. И в этой обстановке политической драчки любой проект закона о ЧП — как пугало огородное.

— Что же, с вашей точки зрения, делать лидерам Осетии и Ингушетии?

— Продолжать переговоры. Хотя пока они не дали ощутимого результата — Кисловодское соглашение, в котором в качестве федеральных посредников принимали участие Рамазан Абдулатипов и я, осталось на бумаге... Недавнее совещание Аушева с Галазовым в Нальчике тоже, к сожалению, мало продвинуло проблему урегулирования.

— А почему?

— Осетия выдвинула требование, чтобы Ингушетия письменно отказалась от территориальных притязаний (то есть от возврата части Пригородного района в границах 1944 года), и лишь после этого соглашалась обсуждать проблему возвращения беженцев... Ингушетия же категорически отказалась принять это требование, мотивируя тем, что в ингушской Конституции записано: добиваться политических методами возврата территории, отторгнутой в 1944 году. Вот и все. Складывается впечатление, что и ингушам, и осетинам для того, чтобы контролировать ситуацию внутри своих республик, необходим внешний враг... Но ведь есть решение правительства от 9 марта 1994 года с подробным планом выхода из конфликта.

— Вы видите свет в конце осетино-ингушского «туннеля»?

— Вижу, но... Этот «туннель» был бы намного короче, свет в нем появился бы намного быстрее, если бы, повторяю, удалось урегулировать взаимоотношения федеральных властей с Чечней. «Чеченская проблема» влияет на все в Северо-кавказском регионе.

Григорий КРОШИН

Казалось бы, совсем недавно мы довольствовались лишь трехпрограммным громкоговорителем на кухне, а «Америку» ловили по ночам сквозь треск эфира и вой глушилок. Но наступили новые времена, и новые радиостанции вполне могут посоперничать по своему количеству с новыми газетами. Плотно «заселился» и FM-диапазон. И далеко не последнее место по популярности занимает на нем российско-американская радиостанция «Радио-7», отмечающая в июне этого года свое двухлетие. В канун этой даты мы беседуем с генеральным директором «Радио-7» Реймондом Риччи.

Музыка для взрослых

— Мистер Риччи, кому пришла в голову идея создать в Москве российско-американскую радиостанцию?

— Впервые я приехал в Россию еще в 1989 году, чтобы снимать здесь видеопрограммы. И один из моих тогдашних российских партнеров как-то сказал мне, что уверен: наступит день, когда в России будет не только государственное, но и коммерческое радио. А спустя три недели, перед отъездом из страны, меня спросили, как бы я отнесся к тому, чтобы создать совместную радиостанцию. Я согласился, и через девять месяцев пришел факс с сообщением, что г-н Горбачев выделил нам частоты. Для создания радиостанции было организовано СП, и 7 июня 1992 года передача «Радио-7» официально вышла в эфир как российско-американская радиостанция.

— А откуда такое название, оно что-нибудь означает?

— Поначалу нас было семеро — семь человек, объединенных идеей создания совместной радиостанции, и частоту нам выделили 73,4 МГц. Да и вообще, 7 — самое популярное в России число.

— Наверное, это было не просто технически...

— Мы привезли из Америки все необходимое студийное оборудование, но, честно говоря, мы думали, что нам придется гораздо труднее, чем оказалось на самом деле. Наши российские партнеры оказались настоящими профессионалами и выполнили все свои обещания. И хотя работа радиостанции построена по американскому образцу, было принято много предложений российской стороны. На первых порах нам очень помог Матвей Ганапольский.

— А кем определяется содержание, программа вещания, ее направленность?

— Музыкальную политику и музыкальный формат задает американская сторона. Они были определены и разработаны еще три года назад, когда мы работали над созданием радиостанции. На наших волнах нет ни рэпа, ни техно, ни металла. Мы передаем современную взрослую музыку, этот стиль называется Adult Contemporary and Oldies Rock. Мы ориентируемся на аудиторию от 20 до 45 лет. И хотя у нас не самое большое в Москве число слушателей, но зато я знаю, что это — люди с деньгами и они могут позволить себе купить продукцию, которую мы рекламируем на своих волнах, а это очень важно для нас.

— Реклама — единственный источник дохода «Радио-7»?

— Да. Важно, что мы решили — расценки не должны быть высокими. Это значит, что эфир «Радио-7» открыт для начинающих предпринимателей. Ведь бизнес в России только зарождается, и своими ценами на рекламу мы способствуем его развитию. Правда, на протяжении первых полутора лет все наши расходы оплачивались американскими владельцами станции. Они как бы инвестировали в радиостанцию свои средства. Но последние полгода мы уже на самоокупаемости и даже рассчитываем на получение прибыли.

— Довольны ли результатами вашей рекламодатели?

— Очевидно, да, иначе бы они не продлевали многократно наши контракты. Среди наших рекламодателей немало авиакомпаний, ресторанов, ночных клубов, магазинов, автомобильных компаний. Наша реклама рассчитана как на иностранцев, проживающих или пребывающих в Москве, так и на российских граждан. Об этом свидетельствуют нередкие просьбы изготовить рекламный ролик

сразу на двух языках — русском и английском. Привлекает клиентов и то, что их реклама звучит за одну цену на двух частотах: в августе 1993 года мы получили вторую частоту — 104,7 МГц, и теперь нас могут слушать обладатели радиоприемников как с российским, так и с европейским УКВ-диапазоном.

— Рекламный бизнес относительно нов для России. Есть ли существенные различия в рекламе США и России?

— Мы убеждены: реклама в России должна быть во многом познавательной, ведь со многими товарами и услугами, которые рекламируются на наших волнах, слушатели никогда не встречались. Поэтому наши ролики часто бывают объясняющими, с чем имеет дело потенциальный потребитель. А рекламодателю мы помогаем разумно спланировать рекламную кампанию, чтобы достичь максимального эффекта. Мне кажется, что у нас это неплохо получается, и постоянный приток рекламы — тому свидетельство.

— Мистер Риччи, каким вам видится будущее «Радио-7» в России?

— Я думаю, что мы будем развиваться. Сейчас завершается заказанное нами исследование мнения россиян о коммерческих радиостанциях. И в соответствии с этим мнением мы будем как-то менять свою политику, ведь из двадцати миллионов наших потенциальных слушателей в Москве и области только 200—300 тысяч — иностранцы, а значит, ориентироваться нам надо все же на основную часть аудитории. Мы планируем создать свои филиалы по всей России, а в Санкт-Петербурге нам уже выделили частоту вещания. До встречи на нашей волне!

Вадим КАНТОР

ЮАР: Black and white

Расовая дискриминация стара, как человеческая природа. Апартеид же был «изобретен» в конце 40-х годов нашего столетия, когда к власти в ЮАР на волне недовольства африканеров — «бледнолицых» потомков эмигрантов из Европы — прорвалась Националистическая партия.

Этапы «великого» пути

Эра апартеида — откровенной дискриминации коренного населения — началась с принятием в 1949 году закона, запрещавшего смешанные браки, первого в тщательно разработанной затем системе дискриминационного законодательства, распространившегося почти на все сферы жизни. ЮАР была единственной страной, где расизм «золотой строкой» значился в конституции, тогда как в других странах дискриминация меньшинств или «большинства» всегда вступала, по крайней мере теоретически, в противоречие с писаными законами. И несмотря на усилия консерваторов подкрасить фасад конституции с вывеской «апартеид», ЮАР оказалась в стане отверженных.

1960 год. Мировое сообщество потрясено Шарпвеевской трагедией, когда 67 чернокожих граждан были зверски убиты полицией.

1962 год. За решеткой оказался

один из активистов «черного Сопротивления», Нельсон Мандела.

1968 год. Сборную команду ЮАР не пустили на Олимпиаду. А ведь белые южноафриканцы так любят поиграть в спортивные игры!

1977 год. Вскоре после кровавого подавления восстания в Соуэто ООН наложила эмбарго на поставки оружия в ЮАР.

1986 год. Конгресс США вопреки вето президента Рейгана проголосовал за экономические санкции против ЮАР. Многие африканские компании и иностранные инвесторы сворачивают свои дела в Южной Африке. Экономика страны постепенно сползает в состояние глубокого застоя.

Любопытный факт. Уже в те времена, задолго до падения системы апартеида, лидеры белого меньшинства, предчувствуя, что надвигается настоящая буря, вели секретные переговоры со ставшим знаменитым на весь мир политическим заключенным. По некоторым сведениям, Манделу «выгуливали» на авто-

мобиле в Кейптауне, чтобы он не «захлебнулся» от избытка свободы при выходе из застенков.

1989 год. Президентом становится Фредерик де Клерк. Вскоре он поймет, что «апартеид» — это улица, в конце которой — тупик.

1990 год. В эпохальной речи 2 февраля де Клерк объявляет о своем намерении легализовать АНК и освободить Манделу...

Вначале Мандела называл де Клерка «конструктивным человеком», но затем отношения между ними испортились. Причиной тому стали столкновения между сторонниками АНК и партии «Инката» в провинции Наталь. Мандела обвинил де Клерка в раздувании противоречий, назвав президента «политическим преступником». Но, несмотря на подобные неприятности, оба проявили настойчивость и в ноябре прошлого года согласились на компромиссный промежуточный вариант конституции и внерасовые выборы.

«Университет Манделы»

Его осудили за саботаж. Приговор — пожизненное заключение плюс еще пять лет. В 1964 году за Нельсоном Манделой захлопнулись двери тюрьмы на острове Роббен в южной части Атлантического океана, где ему пришлось долбить скалы в мрачных каменоломнях. Единственные просветы — короткие свидания с молодой женой Уинни. Прикасаться друг к другу не дозволялось, разрешалось лишь перекинуться парой слов. В письмах к ней он писал, что чувствует, будто вся жизнь уже прошла мимо. Но Мандела не сда-

рец, но и не хижина, кстати), где живет лидер АНК, искупаться в шикарном бассейне, расположенном во дворе.

Впрочем, большинству чернокожих южноафриканцев нужен всего-навсего небольшой собственный домик и работа...

Служащий магазина Каристус Мгуенгве живет в малюсеньком доме, где он и родился тридцать лет назад. Семья — жена и трое детей. Вместе с ними под одной крышей ютятся родители и три брата. Но Каристусу еще повезло, потому что у него есть работа. «Семьдесят пять процентов моих друзей — безработные», — го-

Радость свободного выбора

вался. Он самостоятельно изучал право, историю, экономику. А также язык белых — африкаанс, чтобы лучше понимать своих недругов.

И еще учил молодых, оказавшихся в тюрьме вместе с ним. Остров вскоре стали называть «университетом Манделы».

В письмах к лидерам белого меньшинства, а позже и во время тайных встреч с ними он упорно искал пути решения главной проблемы: как в одной стране могут ужиться такие непримиримые люди?

Теперь, в свои семьдесят пять лет, Мандела, наконец, оказался на вершине, к которой шел десятилетия. Впервые за всю историю страны все южноафриканцы независимо от цвета кожи смогли на равных принять участие в выборах. Сделан фантастический прыжок над бездной, на одном краю которой апартеид, на другом — власть черного большинства.

Черный архиепископ Десмонд Ту-ту, выйдя с избирательного участка, признался, что чувствует себя вырос-

шим на несколько сантиметров... С этого дня миллионам темнокожих граждан не нужно больше повсюду носить с собой паспорт. Они могут работать в любом месте страны. Они свободны.

Началом новой жизни этот апрельский день стал и для белого населения. Жизни, правда, несколько более сложной. Многие из них говорили, что темнокожие еще не готовы к свободным выборам и что все в конце концов развалится. Но ворча вполголоса и бросая искоса взгляды на ликующие толпы коренных жителей, большинство белых так или иначе признавало новые реалии: «Чернокожие сознают, что мы нужны им так же, как и они — нам».

Оптимизм и домашний бассейн

Сегодня Манделе придется нелегко, чтобы оправдать надежды, возлагаемые на него черными гражданами. А некоторые из них уже поговаривают о том, что, мол, неплохо было бы переехать в дом (не дво-

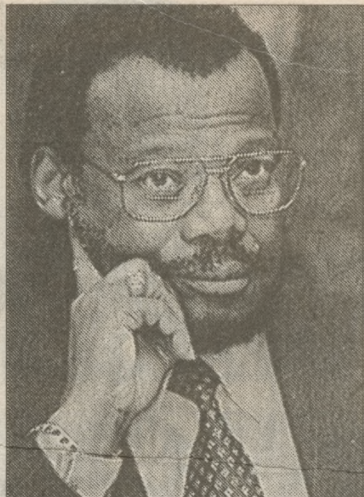
ворит он. И верит, что АНК непременно изменит дело к лучшему. «Это случится, конечно, не завтра утром, но будем оптимистами».

Как же будет происходить переход к «эре равенства и всеобщего благоденствия»?

У Манделы есть свой план под названием «Программа перестройки и развития», который является почти точной копией экономической программы АНК. За пять лет работы нового кабинета министров будет построено около миллиона новых домов, электрифицировано два с половиной миллиона жилищ, представлена возможность 10-летнего бесплатного и обязательного образования для всех детей, создано два с половиной миллиона рабочих мест и перераспределено 30 процентов всех пахотных земель. Специалисты АНК подсчитали, что затраты на программу составят 11 миллиардов долларов. Более критические настроенные наблюдатели утверждают, что вся эта роскошь может обойтись раз в десять дороже.

Фредерик де Клерк

«НЬЮСИК»

Мангусту Бутелези

«Отрекаются...»

В молодые годы Мандела выдвинул идеалистическую программу с уклоном в социализм. «Хартия Свободы», опубликованная АНК в 1955 году, призывала к широкомасштабной национализации всего и вся. Сегодня в посткоммунистическом мире Мандела тщательно избегает всяческих разговоров о национализации. Хотя он и пытается отмежеваться как от социалистов, так и от капиталистов, временами речи его начинают звучать в тональности пресловутой «рейганомики»: сохраним на низком уровне налоги, дадим зеленый свет свободному рынку, нежно улыбнемся иностранным инвесторам. Но даже самые горячие поклонники Манделы не вполне уверены, способен ли вождь быть достаточно жестким, чтобы контролировать хорошо вооруженные массы любимой АНК. Осторожные и трезвомыслящие политики предупреждают: не исключена возможность, что страна окажется под властью правительства, пытающегося удовлетворить претензии чернокожих на «хлеб и зрелища» за счет белого населения, представители которого могут быть использованы в качестве козлов отпущения.

Сам Нельсон Мандела считает, что лично он никогда не отстаивал социалистической идеи в ее чистом виде. В «Хартии Свободы» действительно был пункт, провозглашавший принадлежность недр страны всему народу. «Это один из принципов, — оправдывается Мандела, — который мы находим в таких странах, как Канада и Австралия».

«АНКисты» выступали и за «передачу в руки народа» банков, крупных промышленных предприятий. Это было идеологической программой Манделы и его товарищей. Но потом за такой радикализм смельчаков нашла по одному месту. Им

пришлось несколько «изменить свои взгляды».

Сегодня твердость Манделы в «отречении от старого мира» сочетается с его терпимостью к инакомыслящим. Считает ли он возможным вхождение коммунистов в новый кабинет? Да, Мандела не делает различий между консерваторами, которые поддерживают капитализм, и поклонниками компартии. Главное, по его мнению, чтобы они придерживались общей позиции как члены АНК, были лояльны к политике Конгресса, к выработанному им кодексу поведения и дисциплине.

«Ты мой друг, и я твой друг»

Еще не было подсчитано и половины голосов избирателей, а президент ЮАР де Клерк уже признал свое поражение на выборах. Он заявил в тот момент: «Мы доказали, что можем работать вместе». Победитель Мандела был великодушен: «Каждый человек сделал свой индивидуальный выбор. И мы уважаем этот выбор. Ведь это и называется демократией».

В результате, как известно, АНК получил около 63 процентов голосов. Достаточно для того, чтобы доминировать в новом правительстве, но слишком мало для тех двух третей, которые позволили бы Манделе игнорировать мнение своих «младших» партнеров при внесении тех или иных поправок в конституцию.

Но в целом удачные для АНК результаты говорят еще и о том, что победителям придется тонко маневрировать в процессе сотрудничества с другими группировками, прошедшими необходимый порог признания. Националистическая партия де Клерка получила более 20 процентов голосов, что для избирателей с белым цветом кожи явилось довольно ободряющим успехом. Руководитель зулусов Мангусту Бутелези с партией

«Инката» уцепился за край власти, преодолев необходимый барьер лишь в своем родном регионе — провинции Наталь. Этого было достаточно только для того, чтобы дать его партии три места в кабинете, но несколько разрядило напряжение в обществе, поскольку Бутелези «в случае чего» обещал вернуть страну в пучину гражданской войны, пригрозив бойкотировать выборы. Теперь же «Инката» должна остаться на поле и принять общие правила игры.

Глава избирательной комиссии признал, что окончательные результаты голосования были отчасти итогом закулисных переговоров, за которыми последовали многочисленные заявления о возможном обмене. «Не нужно входить в крайности и быть чрезмерно щепетильным по этому поводу, — заявил председатель независимой избирательной комиссии Иоганн Криглер. — Партии играют друг с другом во власть, и, если бы они захотели провести расследование по поводу возможных подтасовок бюллетеней, в этом не было бы ничего неправильного и в этическом смысле, и в плане закона».

Принцип «по знакомству», между прочим, был важным фактором в выборе кандидатов в правительство. «Лояльность лично к Манделе, долгая верная служба и желание создать политический баланс более важны для лидера, чем уровень компетентности его подчиненных, — поговаривают некоторые наблюдатели. — Политические соображения преобладают над технократическими, что не может не вызвать определенного сожаления».

А ведь Манделе наряду с политиками будут нужны и технократы, если он хочет достичь своих довольно амбициозных целей. «Мы засучиваем рукава, чтобы разобраться с проблемами, которые стоят перед страной, — заявил Мандела сразу после победы на выборах. — А это значит: создание рабочих мест, строительство домов, поддержка образования, обеспечение мира и безопасности для всех». Впрочем, этим вряд ли исчерпывается список проблем, стоящих перед новым правительством. Выборы могли бы пройти и с большим напряжением в обществе, но Южно-Африканская республика вряд ли может позволить себе такую роскошь. То, что такие разношерстные политические силы удалось запрячь в одну упряжку, само по себе является триумфом политического искусства. Но послужит ли эта победа будущему страны?

По материалам зарубежной печати
подготовил Сергей ТОЛКАЧЕВ

Восток — дело выгодное

Под белым солнцем
Запад сеет «зеленые»

Торжественный момент в жизни Кыргызстана: на хлебокомбинат Бишкека прибыл первый эшелон с американским зерном
Справа — посол США Э.Гурвиц

ИТАР-ТАСС

В.МАРКОВ

Попривыкнув к миллиардным суммам западной помощи, то ли уже поступившей, то ли пока обещанной, мы и не сомневаемся, что львиная доля этих миллиардов, адресованных странам СНГ, предназначена России. Это верно только отчасти, в абсолютном, так сказать, выражении. А вот если пересчитать, сколько долларов приходится на каждого гражданина в суверенных ныне республиках, то, увы, россияне отнюдь не на первом месте. Например, по словам посла США в Кыргызстане Эдварда Гурвица, «на душу населения Киргизия получила от США больше помощи, чем любое другое из новых независимых государств».

Вообще, масштабы американских экономических (как, впрочем, и политических) интересов в постсоветской Средней Азии растут на глазах. Американцам действительно нельзя терять время: руку финансовой и иной помощи региону все настойчивее предлагают соседи-единоверцы, среди которых и светская Турция, и фундаменталистские режимы типа иранского. Плюс к тому — европейцы, Япония, Южная Корея. А речь идет не только о колоссальном среднеазиатском рынке, представляющем из себя целину почище той, что осваивали когда-то в Казахстане наши комсомольцы, но и о нефти, угле, золоте и других весьма полезных ископаемых.

Поэтому, не забывая постоянно говорить о необходимости развития и укрепления демократии, соблюдении прав человека и тому подобных материях, США вполне оперативно подписали, скажем, договоры о предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле со среднеазиатскими республиками, в которых и демократия, и права человека трактуются, мягко говоря, своеобразно.

Ширится и река финансовой помощи. Недавно, как сообщило агентство ЮСИА, администрация Клинтона решила создать новый 30-миллионный фонд поддержки регионального предпринима-

тельства в Средней Азии. Его средства дополняют ту помощь, что уже поступает от Агентства США по международному развитию. А президент Корпорации по зарубежным частным инвестициям (ОПИК) Рут Харкин призвала американские компании направлять ей свои предложения по инвестициям в экономики Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. По ее словам, ОПИК готова гарантировать кредиты в размере до 200 млн долларов на каждый проект и такую же сумму страхования на случай, допустим, конфискации вложенного (полного доверия к наследникам советской власти, видимо, все-таки нет).

Это заявление Харкин сделала в мае на конференции, которая проходила в Вашингтоне с участием правительственных и деловых кругов США и пяти среднеазиатских республик. Американский капитал проявил невиданный интерес к бывшему нашему Востоку: по одним данным, более 300, а по другим — даже более 400 компаний и фирм прислали своих представителей на эту встречу. В течение двух дней их настойчиво убеждали в том, что инвестиции в Среднюю Азию — дело более чем выгодное.

«Стимулируя и поддерживая развитие частного предпринимательства, — говорил, например, заместитель госсекретаря США Строб Тэлботт, — мы не только являемся главной движущей силой экономической реформы, но и основными строительными элементами демократизации и коллективной безопасности».

«Мы призываем вас открыть для себя нашу страну», — настаивал председатель Госкомитета по экономике Кыргызстана Амангелды Муралиев.

«Иностраннный капитал быстрыми темпами проникает в частный сектор Казахстана», — заявил казахский вице-премьер Сыздык Абишев, подчеркнув, что в республике уже существует более 70 предприятий с иностранным участием и больше всего — в нефтехимической, химической и машиностроительной отраслях. Его поддержал посол США Уильям Кортни, который заверил, что Казахстан создал более благоприятный, чем

где бы то ни было в бывшем СССР, климат для западных инвестиций.

Что ж, вполне возможно — один проект освоения Тенгизского нефтяного месторождения с участием американской компании «Шеврон» чего стоит! Точнее, стоит он — для «Шеврона» — 1,5 млрд долларов, которые предстоит вложить в Тенгиз за первые три года. Из них 50 млн пойдет на обустройство местной инфраструктуры. Участвует в этом деле и известная компания «Белком»: она налаживает здесь телекоммуникационные службы. А вообще планы «Белкома» простираются куда шире. По словам руководства компании, завершены переговоры со всеми среднеазиатскими республиками о создании общей системы, которая позволит обеспечить местных бизнесменов и правительственные структуры самой современной телекоммуникационной связью.

Естественно, не только частный капитал ищет себе место под белым солнцем Средней Азии. Так, министерство торговли США, как сообщил на упомянутой конференции исполняющий обязанности замминистра Барри Картер, активно помогает проведению конверсии на здешних предприятиях и готово помочь в создании «эффективной системы контроля над экспортом», чтобы продукция, экспортируемая странами региона, не попала в «государства-нарушители».

«Мы хотим делать больше бизнеса в этой части мира», — это слова директора Агентства США по торговле и развитию Джозефа Грэндмэйсона. И, похоже, будут делать, в отличие от России и иных партнеров по СНГ, создающих бесчисленные уже «программы взаимодействия», принимающих «совместные решения» и прочие постановления, для выполнения которых нет ни особого желания, ни средств. И пока мы убиваемся по нашим старым, порушенным экономическим связям, Запад налаживает свои, новые.

Это ведь для нас «Восток — дело тонкое», а для них он — просто ДЕЛО. Очень, между прочим, выгодное.

Аккредитив отправляется из Риги в Москву

Жил-был предприниматель, создавший в Латвии фирму под очень громким названием. По заключал он уйму договоров о поставке в Ригу драгоценностей и отправился по местным банкам — брать кредиты. Особое доверие банкиров вызывал тот факт, что место под ювелирный магазин арендовано было не где-нибудь, а на Домской площади. Как потом оказалось, в помещениях... общественной уборной.

Пару месяцев назад этот бизнесмен приехал из Штатов в Ригу погостить. Своих кредиторов он угостил байкой — о том, как приобретенное золото отоборали власти Турции, а ему самому пришлось провести целых три дня в зловонной турецкой тюрьме. В общем, из 57 миллионов латов, потребных ныне на реанимацию Латвийского сбербанка и Унибанка, полтора миллиона можно было бы сэкономить, прояви в 1992—1993 годах госбанкиры осторожность в отношении золотаря с Домской площади.

Доверие и порядочность в кредитно-денежных делах становится с каждым днем все актуальнее. Тем более если финансовые интересы простираются за пределы одной республики. Поэтому не лишено интереса новаторство крупнейших рижских банков — открытие аккредитивов в российских рублях, тенге, карбованцах и других «мягких» валютах. Особенно удачно действует в этой сфере «Парэкс», который во многих странах СНГ имеет непосредственный выход на национальные банки.

До сих пор все расчеты по аккредитивам, выставляемым на Россию или Бело-

руссию, шли в твердой валюте. Но завод-поставщикам нужны не только доллары и марки, а купоны, леи, сумы... И потому приходилось довольствоваться курсом, зачастую значительно отличающимся от рыночного.

Но пока платежеспособность латвийских финансовых «китов» помогает им осваивать зарубежье, банкиры средней руки вовсю режутся на торгах, которые устраивают различные госинституты. Так, на 8-м аукционе государственных долговых обязательств было реализовано облигаций на 4 миллиона латов со средней годовой ставкой 23,69%. А на следующий день свои кредитные ресурсы выставлял уже Банк Латвии: с аукциона ушел приличный кредит на условиях 36,6% годовых.

Что касается совсем мелких финансистов, то заметим: за одну майскую неделю в Риге закрылось еще шесть меняльных киосков, а маржа на покупке-продаже доллара США местами снизилась до 0,3 сента. О полупроцентном налоге на скупленную валюту, похоже, никто уже не вспоминает. Выкручиваются кто как может. Скажем, одна менялка в районе Домской площади выбивает чеки на сумму в 100 раз меньше реальной. То есть вы им 45 долларов, а они вам чек на 45 центов. Но солидным коммерческим банкам так хитрить не к лицу, и они, видимо, занимают валютнообменом просто из любви к искусству — у многих рижских банков маржа колеблется в пределах 0,8—1,4%.

В России тем временем готовят законопроект об усилении финансовой дисциплины и контроля за уплатой налогов. Видимо, в жизнь войдет также практика

ежеквартального представления налогоплательщиками информации обо всех открытых ими счетах как в России, так и за границей. В свою очередь, все финансовые учреждения обяжут докладывать в компетентные органы обо всех операциях на сумму в 10 тысяч долларов и более, совершенных физическими лицами. Уместно напомнить, что российский закон о налоговой полиции предоставляет последней право взysкивать налоги самыми разными методами, вплоть до применения оружия.

А пока в Москве прикидывают, как набить казну деньгами, в Киеве выход уже нашли. Национальный банк Украины недавно отпраздновал открытие собственной денежнопечатной фабрики. Предполагается, именно здесь будут изготавливать будущие гривны с 20 степенями защиты. Однако лично президент Кравчук считает, что вводить гривну рано, хотя не утерпел и намекнул о будущем обменном курсе 1 гривна = 10 000 карбованцев. В настоящее время новая фабрика в глубокой тайне штампует купюры достоинством в 200 и 500 тысяч карбованцев.

А вот Национальный банк Азербайджана примирился с мыслью, что остановить падение маната относительно слишком твердого доллара не удастся. Поэтому принято решение отныне котировать манат по отношению к более «мягкому» российскому рублю. И ныне официальный курс стал 0,1 маната за 1 рубль при «черном» курсе 505—530 манатов за 1 доллар США.

Максим ВОЛОДИН

Возвращение блудного «Филипса»

Старинная голландская фирма, которой исполнилось уже сто три года, открыла в Москве свой магазин. Представители компании сообщили, что «Филипс» на этот раз «пришел, чтобы остаться навсегда».

Впервые фирма в лице одного из основавших ее

братьев, Антона Филипса, появилась в России в 1898 году: в Санкт-Петербурге Антону удалось подписать контракт на поставку электролампочек для Зимнего дворца. Заказ для молодой компании был просто колоссальным — 50 тысяч штук. Так что, можно сказать, наша

страна поспособствовала развитию этой «акулы капитализма». К 1916 году «Филипс» продавал в России 2 миллиона лампочек в год, но вскоре после революции контора фирмы по понятным причинам была закрыта, а ее представители спешно покинули страну. Они вернулись в 1983

году, когда Министерство внешней торговли СССР аккредитовало первое представительство «Филипс» в России. Тогда компания поставляла на наш рынок, главным образом, научное и медицинское оборудование.

Теперь, появившись, «чтобы остаться навсегда», «Филипс» будет продавать россиянам в основном видео-, аудио- и бытовую технику своего знаменитого «европейского качества» (хотя до сих пор в наши магазины большей частью попадала филипповская техника, произведенная в Азии). Магазин «Филипс» в «Валдайском Центре» на Новом Арбате уже предлагает телевизоры, музыкальные центры, всяческие кофеварки, тостеры и т.д.

Цены, правда, несколько удивляют даже привыкшего к московской дороговизне обывателя, но, как известно, у нас на любой, самый дорогой товар найдутся многочисленные покупатели.

Е.А.

— Петр Владимирович, вначале, пожалуйста, немного об истории института.

— Он — один из старейших в отрасли, создан в 1919 году. В состав института входили горно-геологический, технологический и агрономический отделы. Руководили ими создатели института, выдающиеся ученые Я.Самойлов, Э.Брицке и Д.Прянишников. Многие из сотрудников института стали ведущими учеными: академики С.Вольфович, А.Несмеянов, А.Яншин, А.Пейве и другие. В НИУИФ много лет работали академики К.Гедройц, И.Каблуков, П.Рабиндер, Г.Боресков.

Наш институт стал райональным центром целой сети отраслевых научных организаций. НИУИФ известен за рубежом, признан как учеными, так и практиками. Имя, слава института как головной отраслевой организации остались. И надо предпринять все возможное, чтобы они сохранились и в будущем.

— А как это вы собираетесь сделать?

— Надо искать то место, которое может занять институт с учетом его научного потенциала. Необходимо начинать возрождение техники и технологии на предприятиях отрасли. А состояние производств оставляет желать много лучшего. Средний износ основных фондов по отрасли — 50—70%, хотя зачастую этот показатель доходит и до 90%.

Парадокс: наука в запущении, а производство падает еще быстрее. Но, быть может, именно этот двойной дисбаланс позволил даже в таких условиях наработать весьма интересный материал, составивший на сегодня банк ценной научно-технической информации. Мы готовы предложить ее не только предприятиям нашей отрасли, но и всем заинтересованным структурам. Институт выработал инновационные программы. Сейчас многие в России занимаются этим делом. Но крупные государственные инновационные программы пока с большим трудом воплощаются в жизнь именно из-за своей масштабности. У нас же программы компактны и конкретны, а следовательно, и мобильны. Сюда входят разработки по серной кислоте, проблемам экологии и ряд других. Это именно те направления, которые необходимы предприятиям. В каждой из наших программ — две составляющие: научно-техническая часть (наша работа) и инвестиционная (те затраты, которые необходимы для реализации разработки). По каждому разделу имеется выработанная стратегия и тактика исполнения, просчитаны затраты на научно-техническую и инвестиционную части программы. Причем пакет подобных документов весьма разнообразен. Думается, что им можно воспользоваться для привлечения и отечественных и зарубежных инвесторов.

— Но это касается только традиционной темы, которой институт занимался на протяжении десятилетий?

— Здесь можно говорить не только о проблемах так называемой основной химии. Мы предполагаем заняться вещами нетрадиционными для отрасли. К примеру, малотоннажная химия. У нас в стране нет продуктов, получаемых из фосфорной кислоты высокой чистоты, а это — продукты для пищевой, фармацевтической и других отраслей промышленности. Специалистам НИУИФ удалось создать новые способы очистки традиционной фосфорной кислоты.

«Наука

должна

не выживать,

а жить...»

Ни для кого не секрет, что отечественная наука сегодня поставлена на грань выживания. Бросившись в омут рынка, мы вдруг поняли, что не умеем плавать. Для одних это стало катастрофой, развалом ряда научных центров страны, для других — сигналом к действию, импульсом к перестройке сознания.

Наш собеседник — директор Научно-исследовательского института по удобрениям и инсектофунгицидам им. Я.В.Самойлова (НИУИФ), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации П.В.КЛАССЕН.

фосфо

Контактный телефон НИУИФ:

135-95-47

— Вы говорили, что для выживания отраслевой науки имеется несколько путей. Пока мы рассматривали один...

— В США существует многоплановая структура прикладной науки. Там имеется фирменная и вузовская наука, причем несколько иная, чем наша. В России — вузы со своими кафедрами, а там — вузы и сеть прикладных институтов в общей связке. Почему прикладные институты оказались под сенью вузов? Да потому, что в системе образования — льготное налогообложение. А мы свою науку поставили в условия, приравненные к предприятиям, и при этом полностью лишили всех источников финансирования, кроме тех, которые институты сами для себя находят.

В нашей стране имеется ряд родственных НИУИФу учебных заведений, которые нам поставляют кадры. И эти вузы сохранили льготы по налогам. А нельзя ли в таком случае войти нам в структуру Минобразования? У вузов — проблема заказа специалистов, мы же можем выступать и сами заказчиками их продукции — молодых специалистов, и посредниками между вузами и производством. НИУИФ мог бы также на завершающей стадии обучения студентов предоставить свои лаборатории, которые станут либо филиалами кафедр, либо прикладными кафедрами, где студенты брали бы реальные темы для курсовых проектов и дипломов.

На днях у меня была встреча с руководителями Российского химико-технологического университета, на которой детально обсужден этот план. Мы пришли к общему мнению о целесообразности такого подхода к взаимодействию отраслевой и вузовской науки. В скором времени наши совместные предложения поступят в Роскомхимнефтепром, Министерство науки и технической политики и Министерство высшего образования России. Надеюсь, что там нас правильно поймут и поддержат.

— Сегодня отраслевая наука и производство взаимосвязаны. Что это дает обоим сторонам?

— Те предприятия, которые не рвут сегодня с наукой, более стабильно выглядят в экономическом плане. Среди них: АО «Амофос» (г. Череповец), АО «Минудобрения» (г. Воскресенск), ПО «Иргиз» (г. Балаково) и ряд других. На череповецком заводе, к примеру, институт ведет работу по поиску новых видов продукции, которые были бы наиболее интересны для экспорта. Практически со всеми передовыми предприятиями отрасли мы проводим совместные работы, направленные на снижение себестоимости основных производств серной и фосфорной кислоты путем реализации новых технологий. Другим видом нашей деятельности является решение проблемы ликвидации твердых отходов производства: их на некоторых предприятиях в отвалах накопилось уже десятки тонн!

Просматривается и такая цепочка. Научные инъекции в предприятия с падающим производством, устаревшим оборудованием — это не только экономическая акция, но политическая и социальная. Не остановится завод, не будет безработных, не возникнет еще одного очага общественной напряженности.

Для реализации всего перечисленного наука должна жить. Не выживать, а именно жить!

Они устали

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Я знаю, что ты устал, мой друг, мой брат. Энергичный оптимист кажется сейчас иностранцем. А вокруг сплошные усталые лица, жесты, интонации. Никак не кончается серый, будничней, пасмурный день, продолжается, длится... И не приносят покоя беседа с друзьями или коллегами, вечер дома у телевизора, выходной в дачной электричке, отпуск на деревенской рыбалке, да хоть бы и на зарубежном карнавале...

«Покой нам только снится», — вздыхал великий поэт еще в нача-

ле бешеного века. И все должны мы, неумолимо, идти всегда в какой-то бой. Грустно пели еще до страшной войны: «Утомленное солнце...» О войне и солдатах помолчу — пусть солдаты немного поспят. А вот после войны, еще малышом, увидел в бане и запомнил на всю жизнь, модную тогда татуировку на ногах: «Они. Устали».

...Устали не сегодня и не вчера. От всего. От вечного безденежья или страха потерять нажитое. От очереди — на должность, звание, квартиру, а то и за хлебом. От капризных стариков и непослуш-

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

ЮРИЙ ШТУКИН

ЮРИЙ ШТУКИН

ных детей, от сварливых жен и мужей, начальников-самодуров и «дорогих товарищей» вождей. Утомились от пьянства и борьбы с ним, от митингов и пугчей, от застоя и реформ, от самих себя и окружающих.

Мы устали от работы и безделья, от надежд и даже от пессимизма. Апатия. Уныние. Раньше было плохо, сейчас нехорошо, а в будущем?.. Вспомни, мой друг, как трудно было вставать утром в детсад или школу, как утомляли юношеские пирушки и романтические ночи, как изнурителен был бес-

смысленный труд! А как тяжело мы болели и сложно лечились? Как безотраднa старость...

Помню, еще недавно все громко и возмущенно высказывали недовольство: политические лидеры и банкиры с коммерсантами, рабочие и бомжи, военные и крестьяне, преступники и поэты, инженеры и рабочие, школьники и пенсионеры. Но — устали. Устали.

Ты спросишь, мой друг, мой брат: когда мы отдохнем? Прости, никогда. Знай это и живи.

Владимир ГРИБАНОВ

ЮРИЙ ШТУКИН

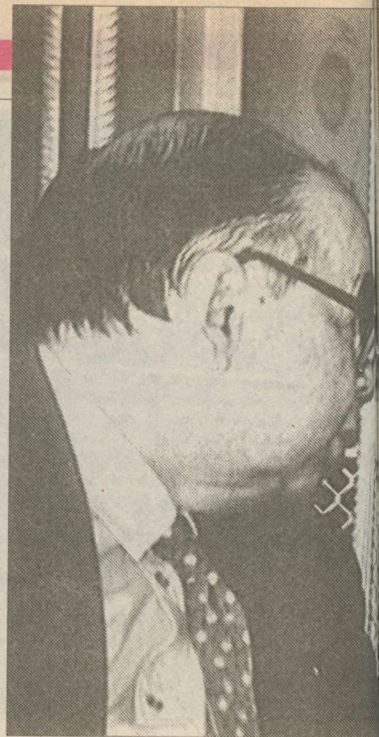
ВЛАДИМИР ШИШОВ

Елене три с половиной года

Октябренок Лена

В зале суда взрослая Елена

Вид крови доставлял ей удовольствие,

считают психиатры, обследовавшие Елену Васильеву, признанную виновной в трех убийствах.

Анна ГАВРИЛКИНА

Все участники процесса, закончившегося недавно в Мосгорсуде, единодушно отметили, что им никогда до этого не приходилось встречать такую симпатичную преступницу, к тому же умеющую неплохо лепить и рисовать. В ходе разбирательства 22-летняя девушка вела себя как примерная ученица на экзамене, быстро вставала и коротко отвечала на все вопросы.

Тем не менее доказательства ее вины трудно оспорить. Лену судила коллегия по уголовным делам, состоящая из трех профе-

ссиональных юристов, и приговор оказался достаточно суров: 15 лет лишения свободы. Впрочем, адвокат Лены, подавший кассационную жалобу в Верховный суд РФ, считает, что не все еще потеряно.

Первое убийство Елена Васильева, тогда 20-летняя, совершила в 1992 году: зверски забила ногами мужчину в подъезде собственного дома. Перечень телесных повреждений, нанесенных вполне здоровому и крепкому мужчине, составляет целую страницу. Кроме кровоподтеков и ссадин на лице там фигурируют переломы шести ребер, разрывы

легких и кишечника, полтора литра крови, пролившиеся в брюшную полость. Через две недели пострадавший умер в больнице, так и не сказав, кто и за что его бил.

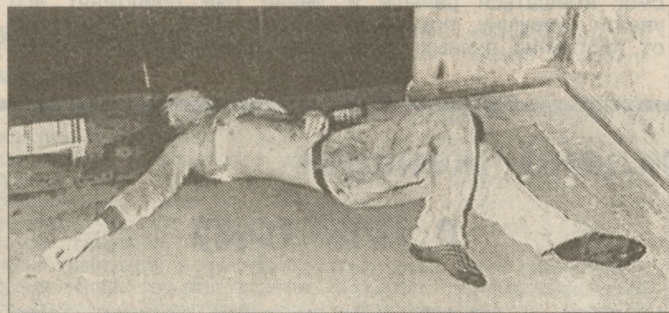
Случайный свидетель, 15-летний соседский парнишка, видел после драки в подъезде Лену и ее приятельницу рядом с окро-

вавленным человеком на полу. Девушки велели ему молчать и все забыть. Мальчик рассказал об увиденном родителям, и те тоже порекомендовали ему помалкивать. По словам парнишки, он был очень испуган, но почти через год все же решился рассказать о сцене в подъезде следователю.

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Ее жертвы супруги Ф.

седского мальчика Лену арестовали, но через четыре дня выпустили. Встретив парнишку во дворе, она пригрозила ему, что убьет, если он не откажется от своих слов. Угрозы он воспринял как реальную. Неизвестно, что было бы дальше, но несколько дней спустя, на рассвете 16 мая 1993 года в квартире на первом этаже того же дома милиция обнаружила два трупа, мужа и жены Ф. Муж, Лева (как звали его все соседи, несмотря на солидный возраст), лежал на полу, буквально размазанный по ковру жуткой силой. Опять эксперты констатировали переломы ребер, разрывы внутренних органов, множественные травмы головы. Жену Левы нашли на софе, заваленную кучей тряпок, подушек и покрывал, с длинной ножевой раной на шее. Вся квартира была залита кровью, кое-где кровь явно пытались замывать.

Теперь уже никаких сомнений не возникло. Приятельница Левы, 40-летняя Анна, сама пришла в милицию и «чистосердечно призналась», что супругов Ф. убила Лена Васильева, а она, Анна, всего лишь «разнимала драку». Футболка Анны была забрызгана кровью. Кровяные отметины нашли и на Лениной одежде и обуви. Лену задержали прямо на рабочем месте, в коммерческой палатке, через пять часов после убийства.

Выяснилось, что супруги Ф. были родителями того самого парнишки, который «заложил» подружек в прошлый раз. В квартире Ф. чуть ли не ежедневно устраивались пьянки, а сам Лева любил рассказывать, что в общей сложности 27 лет провел в заключении. Поздним гостям, Лене и Анне, супруги не удивились, пригласили выпить вместе с ними.

Драка возникла не сразу и длилась долго. Ночью Лена выходила из квартиры и просила закурить у мужиков, стоявших возле подъезда.

Затянувшись, она призналась, что двинула Лева как следует, но никто не удивился, поскольку мордобой в этом доме считался делом обычным.

Спустя какое-то время истощенно закричала женщина: «Уби-и-и-ли!» Этот крик слышали многие со-

седы. Потом все стихло. Жена Левы сначала просто наблюдала за дракой, даже подначивала подружек: мало ему, гаду, еще давай! И лишь увидев мертвого мужа, она опомнилась и испугалась. Крик женщины подстегнул Лену, и она ударила кричавшую подвернувшимся столовым ножом.

Установить вину Анны в преступлении следствию не удалось. Поэтому на скамье подсудимых сидела одна Лена...

Люди, на чьих глазах выросла Лена, всегда считали ее несколько странной. Она отличалась резкими перепадами настроения, без всякой видимой причины делалась агрессивной, даже злобной. Был случай, когда прямо у киоска, где работала, избивала ногами бомжа — ее еле удалось оттащить. Ярость удесятряла силы девушки, многие говорят, что в такие минуты «ее глаза становились белыми». Приступы беспричинного гнева особенно часто случались с ней в последние два года. Лена избивала собственную мать, выгоняла ее из дома, часто приходила пьяной или не приходила ночевать совсем.

Отношения с матерью особенно осложнились после того, как Лена завела странную дружбу с 40-летней Анной Е. У Анны даже для этого разгульного дома была плохая репутация. Она меняла сожителей и, по словам соседок, была нечиста на руку. (Кстати, избитый в подъезде тоже числился среди ее «друзей» и никак не мог навсегда развязаться с ней.) Лена проводила в ее квартире много времени, часто выпивала. Однажды мать Левы пообещала Анне, что больше не пустит дочь к ней. «Подожди, Ленка тебе задаст!», — злое еще бросила старшая подружка. И действительно, вернувшись из гостей, Лена устроила матери дикий скандал.

Из показаний матери Елены Васильевой.

«Как-то дочь пришла домой трезвая, вся в слезах и сказала: «Ну, сейчас я отыграюсь». Я ей: «Лена, доченька, только меня не трогай!» Я принесла ей покушать на большой стол, в комнату, хотя обычно мы обедаем на кухне. Она, ни слова не говоря, как ударит

сковородкой, так, что вся пища разлетелась.

Или еще случай. Она пришла трезвая домой, ни слова не говоря, схватила нашу собаку, пуделя, разбила окно и выбросила собаку со второго этажа.

«Но так было не всегда, — утверждает мать. — Я перенесла пять операций. Каждый день она ходила ко мне, когда я лежала в больнице. Покупала все необходимое, ухаживала».

После одного из скандалов мать обратилась в милицию и к психиатрам. Лена месяц пролежала на обследовании в больнице им. Кащенко, после чего девушке было рекомендовано динамическое наблюдение в психоневрологическом диспансере. Позднее Лена сама жаловалась, что ей плохо, на нее что-то «находит», хотела лечиться. Впрочем, никаких серьезных отклонений в психике врачи у своей пациентки не обнаружили. Правда, в ходе судебно-медицинской экспертизы была отмечена одна странность.

Целых два или даже три года Лена, будучи еще школьницей, буквально изводила своим вниманием молодую учительницу истории. Говорила, что очень привязана к ней, что та — единственный человек, который ее понимает. Когда Лена стала появляться нетрезвой, учительница прекратила всякое общение с ней. Желая добиться взаимности, девушка совершенно по-детски, регулярно закатывала любимой учительнице скандалы,

хамила, писала угрожающие записки. Как-то раз заявила к ней домой совершенно пьяная, и той пришлось даже вызвать милицию.

Из заключения психиатрической экспертизы в институте им. Сербского.

«...Заторможена, отвечает формально, ссылаясь на запамывание. Испытуемая отмечает, что иногда она делает то, чего не хочет, подчиняясь внутреннему голосу. Потом жалеет. Подчеркивает свое хорошее отношение к матери, но не отрицает, что иногда избивала ее. Не отрицает, что Ф. резала сама, но мотивов не поясняет... Тяжко переживала свой разрыв с учительницей... Испытывает злобу, тоску, раздражение, порой не может себя сдерживать.

Уровень интеллектуального развития невысокий, суждения поверхностные, легковесные. Запас знаний соответствует образованию. Круг интересов ограничен житейскими проблемами...

Отмечено, что вид крови и боль доставляют ей удовольствие. Может причинить повреждения и себе: в момент разрыва с учительницей демонстративно вскрыла себе вены и обратилась в медпункт. Можно предположить трансформацию полоролового поведения и наличие садистических тенденций».

В итоге психиатры признали Лену вменяемой, то есть отдающей отчет в своих действиях и способной понести за них наказание. Выслушав обвинительную речь прокурора,

девушка впервые за все время судебного процесса заплакала.

Сидя в «Бутырке», пока велось следствие, Лена вышла замуж. Ее муж, Александр, — студент технического вуза. Знакомы они были около года, а «свадьба» проходила в тюремной комнате, где обычно иностранные заключенные разговаривают с представителями своих посольств. Саша пришел с чиновником из ЗАГСа, Лену привел конвой. Конвойный начальник посмотрел на робющего свежее испеченного мужа и сказал: «Что ж ты с пустыми руками? Другие тут такие пиры закатывают...» Саша обрадовался, сбегал в магазин на Новослободской и закупил там всякой еды и сладостей. Так они сыграли свадьбу.

По словам Александра, Лена казалась ему спокойным, уравновешенным человеком, ему ни разу не приходилось видеть будущую жену в бешенстве. «Все дело в том, — объяснил Саша, — кто как пьянет. Я, например, просто ложусь спать. А Лена, оказывается, могла остервенеться». Все, что он узнал о ней на следствии и в суде, как ему показалось, относится к совершенно другому, незнакомому человеку. Но и этого, нового для себя, человека Саша готов отстаивать до конца.

Во время суда муж очень переживал за Лену и страшно расстроился, услышав приговор. Он жалеет, что не смог вмешаться раньше и увести девушку подальше от постоянно пьяных сосе-

дей и слишком опытной подружки.

В тюрьме Лена вылепила из хлеба священника в полном облачении и с крестом на животе. Она передала фигурку матери, предупредив, чтобы та не намочила случайно водой — испортится. Ее очень интересует, как будет жить мать без нее, лишенная поддержки.

Адвокат Елены Васильевой, пожилой юрист, с которым у следственной сразу установились доверительные отношения, считает, что суд поступил слишком жестоко, приговорив молодую женщину к столь длительному сроку заключения. Он надеется на пересмотр дела, прежде всего потому, что избитый в подъезде мужчина напал на девушку первым и был вооружен топором. Лена не виновата в том, что оказалась способной на мощное сопротивление. По мнению адвоката, действия Лены можно считать превышением пределов необходимой обороны, что дает возможность не наказывать ее так сурово и за второе убийство.

Один из юристов — участник процесса — назвал Лену «леди Макбет с Дербеневки», по имени улицы, где она жила. И отметил, что, справедливости ради, стоило бы наказать весь дом, в котором были совершены эти преступления. Выслать всех жителей за 101-й километр, причем не вместе, а по отдельности, иначе они припомнят все старые обиды и перегрызут друг другу глотки.

В Москве осуждено женщин

в 1992 году

в 1993 году

за кражи государственного, общественного и личного имущества — 548
грабежи — 82
разбой — 27
растраты и злоупотребления служебным положением — 68
мошенничество — 31
за умышленные убийства — 44
за убийство при превышении пределов необходимой обороны — 1

за неосторожные убийства — 2
за причинение тяжких телесных повреждений — 37
за причинение тяжких и других телесных повреждений в состоянии душевного волнения, истязания — 11
Больше всего было осужденных женщин за преступления в сфере обслуживания населения — 1232.

за кражи и хищения государственного и общественного имущества — 659
грабежи — 98
разбой — 50
растраты — 48
мошенничество — 29
за умышленные убийства — 48
убийства при превышении пределов необходимой обороны — 3
неосторожные убийства — 4

причинение тяжких телесных повреждений — 57
за причинение телесных повреждений в состоянии волнения, истязания — 12
за соучастие в изнасилованиях — 3
за злоупотребления в сфере обслуживания — 1141.

И тут ка-а-к шархнуло!

Не будет преувеличением сказать, что в поисках ответа на вопрос «отчего же погибли динозавры?» мучаются на протяжении многих лет сотни и даже тысячи «яйцеголовых», а также не умудренных академическими знаниями и учеными степенями людей в самых разных уголках земного шара. Одна из версий заключается в том, что причиной гибели динозавров стало падение огромного метеорита.

Именно эта гипотеза получила недавно новое подтверждение усилиями мексиканских ученых из Национального автономного университета, ведущих раскопки в районе гигантского метеоритного кратера Чискулуб на полуострове Юкатан, где 65 миллионов лет назад упал гигантский метеорит. Специалисты университета установили, что диаметр кратера не 180 километров, как считалось прежде, а целых 300. Это открытие позволяет резко увеличить оценки примерной силы удара, вызвавшего, как полагают, резкое изменение климата на планете и гибель не приспособленных к такой «перестройке» динозавров.

Как предполагают ученые, удар метеорита, достигавшего в поперечнике от 10 до 15 км, одновременно высвободил энергию, равную взрыву огромного числа водородных бомб, а поднявшаяся в воздух плотная завеса из пыли перекрыла доступ солнечным лучам, что вызвало резкое ох-

С МИРУ ПО НИТКЕ

АНДРЕЙ ГОЛУБОВ

А говорят, что динозавры вымерли...

лаждение воздуха и почвы. Все это привело к гибели теплолюбивых растений и подавляющего большинства древних животных.

Значительные надежды на открытие и разгадку новых тайн Чискулуба ученые возлагают на скважину глубиной 4 км, бурение которой уже ведется на некотором отдалении от

предполагаемого центра кратера. Обнаруженные еще задолго до окончания бурения минералы и останки животных, носящие следы взрыва чудовищной силы, также свидетельствуют в пользу именно «метеоритной» версии исчезновения симпатичных древних рептилий, впервые выдвинутой еще в 1980 году.

Жаль британских мужиков

Общациональная служба содействия... мужчинам — жертвам побоев в результате семейных ссор создана в Великобритании. Пойти на столь неординарный шаг ее основателей вынудило катастрофически растущее в последнее время число случаев насилия со стороны, с позволения сказать, слабого пола. Безбастная статистика свидетельствует о том, что за последние пять лет число британских мужчин, битых своими женами или подругами, увеличилось более чем вдвое. Среди жертв, ссылаясь на исследователей, британские средства массовой информации называют морского пехотинца, регбиста, рабочего-строителя.

«Еще каких-то 10 лет назад невозможно было представить

себе, чтобы женщина, будь то жена или подруга, избивала мужчину, — утверждает инспектор полиции из Лондона Стив Блумфильд. — Сегодня же это — вполне обычное явление».

38-летний регбист Майкл Д. поведал журналистам, что вынужден запирается в одной из комнат на замок с тем, чтобы избежать «жутких побоев» со стороны своей миниатюрной жены. За три года совместной жизни она не раз колотила своего вполне физически крепкого супруга кулаками, ногами, а один раз даже пыталась пырнуть ножом. «Никто не поверит, — признает Майкл, — что мои постоянные синяки являются не результатом столкновений при игре в регби, а плодом излишней «нежности» со стороны моей дражайшей половинки».

В Лондонском университете создана и уже приступила к работе специальная группа по

изучению причин «бытового насилия со стороны женщин», которых, как выяснили специалисты, обычно начинает проявляться после шести месяцев совместной жизни.

Как правило, утверждают исследователи, мужчины не отвечают на побои и стесняются рассказывать о них на работе и даже иногда друзьям. А один полицейский агент согласился поведать о своей беде только при условии соблюдения строжайшей анонимности. Специалист по борьбе с вооруженными бандитами, он уже дважды за последний год был госпитализирован после побоев своей супруги.

Жалко, очень жалко британских мужиков. Жалко и одновременно очень любопытно, какие результаты дало бы подобное исследование, если бы независимые эксперты провели его в России.

С собой можно, но только одну...

Экономика должна быть экономной — именно этот краеугольный тезис решили взять на вооружение власти Свазиленда, небольшой африканской страны, где многоженство — обычное явление. Поломав голову над различными вариантами экономии валютных средств государства, они решили с начала нынешнего лета запретить своим полам в различных государствах мира «вывозить» с собой в служебные командировки больше чем по одной жене.

Официально объявляя об этом решении, министр иностранных дел Свазиленда Солмон Дламин не уточнил, должна ли это быть любимая жена или та, у которой меньше запросов. Одна — и все. Выбор кандидатуры оставлен на усмотрение дипломата.

Как отмечают некоторые наблюдатели, введение в действие этого решения, конечно же, позволит государственной казне экономить значительные суммы, но, с другой стороны, неизбежно вызовет ухудшение «внутренней» обстановки в семьях дипломатов. По их мнению, во многих случаях жены не смогут мирно решить, кому ехать с супругом, а кому оставаться дома. Хорошо хоть, что у кандидатов в послы остается возможность в ходе командировки заменять провинившуюся или поднадоевшую супругу на другую, из «состава запасных». Правда, делать это придется за свой счет.

В связи с принятием решения «об ограничении количества вывозимых в зарубежные командировки жен» африканские журналисты вспомнили о французке Иве Роланд-Биллекарде, который, возглавив четыре года назад авиакомпанию «Аир Африкэ», очень быстро запретил своим служащим (в большинстве — мусульманам) пользоваться бесплатными билетами для многочисленных жен. Тогда это позволило компании заметно поправить бюджет.

Хождение за четыре границы

Записки бедного туриста

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

...Когда Миша откупоривал вторую бутылку кьянти, в дверь позвонили. Из темноты итальянской ночи появилась молодая девица в обтягивающих джинсах, кожаной куртке с заклепками и темных очках.

— Вы из России? — спросила она. — Увезите меня с собой, я здесь больше жить не могу... Ой, — добавила она, — я должна идти, а то меня убьют.

И исчезла.

В углу нашей комнаты лежали толстые, как поросята, сумки. Рядом с ними — огромные баулы, похожие на раскормленных буйволов. Они были набиты кожаными туфлями, босоножками, куртками, купальниками, женскими косметичками. Все это добро надо было перетащить через четыре границы, чтобы потом половина его осела в Лужниках, половина — на провинциальных рынках. Теперь надо было везти еще и русскую девицу, которую здесь могут убить.

На балконе справа от нас праздновали день рождения поляки. На четвертом этаже хлопали двери — возвращались с прогулки чехи. По лестнице спускалась группа венгров, отправляющихся на дискотеку. Такой народ жил в итальянском городке Мирамаре, в апартаментах, сдававшихся по 40 долларов в неделю с человека. «Apartment» в переводе с английского означает просто квартира. Это — изобретение, существующее специально для бедного туриста, у которого нет денег на отели. Это — так называемая «западная нищета», сдержанная и аккуратная. Это — лестница, вымытая шампунем, кухня в каждом номере. Посуда под цвет штор, шторы под цвет дивана, пластмассовый совок под цвет посуды. Соквок будет в номере обязательно — гирять придется самим, никаких горничных не положено.

Есть еще прекрасный холодильник — для продуктов, которые бедный

турист будет покупать в местных магазинах. Здесь же он будет готовить, экономя тем самым на ресторанах и кафе. Перед отъездом опытная администраторша пройдет по номерам и проверит, не утащила ли чья-нибудь «рассеянная рука» тефлоновую сковородку или кофеварку.

Апартаменты отличаются еще и тем, что в них приезжают на автобусах. Не на роскошных, двухэтажных, с затемненными стеклами. А на маленьких, сошедших с конвейера лет 20 назад, побитых жизнью. С номерами разных далеких стран вроде Латвии или Словакии.

Если апартаменты — основное жилище бедного туриста, то автобус — основное средство передвижения. Денег на самолет до Рима или Парижа у него не хватает. Поэтому его везут на поезде до границы, а там пересаживают на автобус.

...Пять дней назад наша группа собиралась на Киевском вокзале, под памятником Ленину. Первым, кого я увидела, был лысоватый человек в очках, читавший журнал «Столица». Группа на три четверти состояла из шоп-туристов, то есть публики интеллигентной. Было еще несколько девиц, отправлявшихся в Италию с надеждой найти работу, а если нет — то хотя бы выйти замуж. Еще трое четверо с фотоаппаратами, картами и путеводителями ехали просто отдышаться. Миллионеров среди нас не было. Да и просто «солидных клиентов» тоже. За 200 долларов + 200 тысяч за дорогу мы отправлялись смотреть Европу.

...Поздно вечером нас высадили из поезда — с термосами, пакетами с печеньем и пустыми пока сумками, вложенными одна в другую.

Первым номером нашей культурной программы была прощальная чашечка кофе в местном ресторане. Подходя к нему, мы увидели горящую в небе букву «Т» и на некотором расстоянии «Р». Это означало «Интурист».

Нет места печальнее на свете, чем лучший ресторан в маленьком приграничном городе. Квадратные столики с заплатанными и тщательно выглаженными скатертями. На крошечной эстраде трое певцов, декорированные под ВИА пятнадцатилетней давности, исполняли «Сиреневый туман». Сбоку — большая торжественная вывеска «Валютный бар». Вот она, колыбель роскоши, обитель порока... Туда нас и повели. Пожилой официант с мешками под глазами, в расписном гуцульском жилетике поставил фиолетовое мороженое, салатового цвета воду «Киви» польского производства, кофе. На обратном пути нам повстречался пункт обмена валюты. Там мы попытались обменять рубли на купоны, купоны на доллары, рубли на доллары, рубли

ВЛАДИМИР ШИШОВ

ло неудобно. Один из наших ребят обменял пару долларов и принес монеты с надписями «Словенска република». Словения! Мы нашли ее на карте. Удивляли две вещи — страна эта с Россией не граничила и, кроме того, входила в состав Хорватии и была в неприятной близости от, как мы считали, районов боевых действий.

Руководитель группы успокоил нас, объяснив, что «Словенска република» — это на самом деле Словакия. То, что мы нашли на карте, называется Славонией, и проезжать ее мы не будем. После Венгрии нас ожидает республика Словения, которая к монете с надписью «Словенска република» никакого отношения не имеет и сама не так давно отделилась от Югославии. Мы все это поняли, а кто не понял — не подал виду. Мы стали пить кока-колу, закусывать привезенным из Москвы печеньем и смотреть на страны — такие, какими мы их видели из окон автобуса.

Аккуратная, чистая Словакия. Честная бедность. Маленькие города — ровные ряды бетонных пятиэтажек, как в Черемушках. Однако здесь не Черемушки — вокруг все выметено, вычищено. И странно смотрится рядом с этими коробками какой-нибудь маленький домик под черепичной крышей.

Венгрия — шумная, праздничная, великолепная. Витрины, кафе под красными и желтыми зонтиками. Реклама, реклама...

Гористая, средневековая Словения с замками на скалах, бархатными ирисами у каменных оград и изображением мадонн на перекрестках дорог.

Именно в Словении — спокойной, благополучной, давно отделившейся, вдруг чувствуется близость войны. Хотя — понятно почему. Маленькая — Европа. Катишься в автобусе по дорогам. Вот указатель на обочине. Одна стрелка указывает на Триест. Нам туда. Другая на Загреб. Оттуда часов десять до фронта, куда меньше, чем до нашей Мирамаре. Близко, близко все это, где-то тут, рядом, стоит только завернуть...

Косвенным образом все эти европейские события нас затронули, когда мы пересекали венгеро-словенскую границу. Словенский таможенник, надменный и злой, долго проверял и перепроверял паспорта. Начал рыться в наших сумках. Потом бросил это дело. Потребовал, чтобы мы показали имеющуюся у нас валюту. Долго ходил по автобусу, не зная, как еще выразить свое неудовольствие. Затем нам велели выйти и полчаса подержали на солнцепе-

ке... И наконец сообщили, что за проезд автобуса каждому из нас надо будет заплатить по 20 долларов. Начались долгие переговоры, которые вел руководитель группы Миша, шоферы, а также их приятель — странного вида молодой человек по имени Фредди. В конце концов сумма была уменьшена ровно в 20 раз.

— В прошлый раз, — объяснил Миша, — нас вообще отказались пускать. Мы поехали в другой пограничный пункт. Но они, наверное, по телефону связались. Нас заворачивали пять раз. На шестой удалось договориться. Они считают, что Россия сербов поддерживает. Мирим мы их, мирим. Помирить бы их всех одним ударом... — добавил он добродушно.

Поздним вечером мы, наконец, оказались в Италии. Еще три часа спустя — утеряли нашего Фредди. Автобус тихо притормозил, Фредди, не прощаясь, выскочил в густую траву, окружающую венецианские лагуны.

Так началась наша итальянская жизнь. У каждого было свое занятие. Кто-то с утра покупал телефонные жетоны и звонил по четырем разным номерам, устраивая свои сложные брачные дела. Кто-то вставал в шесть часов, разогревал на плите макароны с российской тушенкой и начинал экскурсии по местным складам и оптовым базам. Кто-то завтракал в ближайшем кафе булочкой и чашечкой «капучино» и ехал смотреть замок Сан-Лео или мозаики Равенны.

Хорошо жить туристу, который заплатил 200 долларов за поездку. Ему не докучают экскурсоводы, которых нет. Он не связан туристической программой, которой не существует. Богатым туристам богатые фирмы специально устраивают романтические приключения. Особенно популярны нападения разбойников с рыцарями или пиратами, которых изображают загримированные артисты.

Этих удовольствий бедный турист также лишен. Взамен Европа демонстрирует ему других персонажей, другие приключения и другие встречи...

Как-то вечером, возвращаясь с прогулки по набережной, мы обнаружили, что турист Сеня в углу увитой розами галереи бьет кого-то по физиономии. Оказалось, что нас вновь посетила наша таинственная незнакомка по имени Вера. Минуты через две за ней ворвался итальянец, заявив, что одну ее домой не отпустит, а лучше тут же зарежет. С этой целью он схватил нож, которым ребята обычно резают хлеб. Пришлось вступить за женщину.

Еще несколько дней — и отпущен-

на форинты, доллары на лиры. Во всех этих операциях нам было отказано. Мы отправились искать наш автобус и пересекать государственную границу.

Границу пересекли в два часа ночи. Хотелось спать, поэтому никто не заинтересовался, куда мы, собственно, въезжаем. Теоретически должны были в Венгрию. Когда проснулись утром, автобус ехал среди холмов, заросших люцерной. Изредка попадались городки с магазинчиками и вывесками — явно не на мадьярском языке. Неплохо было бы узнать, где мы находимся. Но шоферы-словаки по-русски почти не понимали.

Первая остановка была у небольшого кафе. Спрашивать у владельца, в какой стране он живет, бы-

ная нам итальянская неделя по-дошла к концу. Все, что можно было, купили. С тех, с кого надо было, взяли обещание жениться. То, что полагалось, посмотрели. Пора было отправляться домой.

Автобус ехал на север. На заднем сиденье устроилась нечаянно приобретенная нами русско-итальянская пара. Супруги решили ехать вместе. Итальянец, с еще не прошедшим синяком под глазом, обнимал свою белокурую спутницу.

Только в старых исторических фильмах мне приходилось видеть такую внешность, как у него. Великолепный, абсолютно прямой классический профиль. Благородная шевелюра. Лихо закрученные черные усы. Портили впечатление лишь глаза — чересчур веселые и с неуловимым оттенком безумия. В пути одна из наших дам, желая поддержать светский разговор, поинтересовалась, какая у синьора профессия.

— У Анжело? — развеселилась Вера. — Он — первый мошенник во всей Эмилии-Романье. Анжело, ты ведь правда никогда в жизни честно не работал?

— Но работай! Но! — отозвался он с готовностью.

История Веры была следующей. Город Воронеж. Мать, отец, работа, муж, ребенок, свекровь. Шоп-тур, в котором она два года назад вместе с несколькими коробками итальянских леггинсов приобрела и своего странного спутника. Два года жизни вместе, странствия то по сверхдорогим, то по дешевым отелям, укрывательства от налоговой полиции и полиции обычной, дороги...

В какой-то афере его обманули соучастники. Бывшая жена обвинила — ложно, конечно, объяснила Вера — в операциях с наркотиками. Единственная ценность, которая у него оставалась, — длинноногая подруга, выкуривавшая в день по две пачки сигарет, по-русски легкомысленная и ехавшая сейчас домой немного передохнуть от этой жизни. Он безумно ее ревновал. Несколько раз действительно чуть не убил. Дважды пытался повеситься.

— Анжело сидел тогда в тюрьме — у нас во Львове. Его посадили за попытку провезти оружие. Его оклеветали, — добавила Вера.

Автобус неожиданно затормозил у обочины. Вдали шелестела воспетая многими русскими поэтами Брента. Из тумана показался... Фредди, наш уже забытый попутчик. За спиной у него что-то темнело. Шоферы не говоря ни слова открыли переднее отделение багажника и стали погружать

туда тяжелые ящики. Первый... десятый... пятнадцатый. Один, очевидно самый ценный, водитель Михай спрятал под сиденье, укрыв тряпками. Вера, которой надоело сидеть, пошла прогуляться по автобусу.

— О, Фредди, — обрадовалась она. — Как поживаешь? Все ворует? Фредди, Фредди, зачем тебе столько бутылок? Ты все это выпьешь? Вы, ребята, следите за Фредди, — обратилась она к нам, — когда он рядом, у всех почему-то деньги пропадают. Я не говорю, что он их крадет, — добавила Вера деликатно, — просто так всегда получается.

— «Non ho capito», — надменно ответил Фредди, забыв, что Вера русская, а сам он — словак.

Часть этих бутылок нам очень пригодилась на следующий день. Станный народ эти таможенники! Почему они считают, что с русских туристов надо брать взятки исключительно водкой? Ладно если бы мы ехали из России. Но кто будет тащить водку с Адриатики? Наконец, остановились на трех бутылках коньяка, двух — шампанского и одном ликере. По сумме градусов это, наверное, как раз соответствовало. Такова была плата за то, что наш Ноев

ковчег выпустили из Венгрии. Теперь надо было въезжать в Словакию.

Три часа назад такая попытка уже провалилась. Словацкие таможенники, едва увидев прекрасный профиль нашего Анжело, тут же кинулись перетряхивать весь автобус. После чего, не объясняя причин, велели разворачиваться и уезжать обратно.

— Наши российские шоферы иногда неделями на нейтральной полосе живут, — рассказывал Миша. — Предположим, таможенник говорит ему, что у того «Камаз» на два метра длиннее, чем положено. Когда туда ехал — пропускали нормально. Когда обратно, с товаром, машина, значит, увеличилась. Вот шоферы и сидят. Костры жгут, картошку пекут.

Перспектива сидеть неделю на нейтральной полосе нам не очень понравилась. Мы достали карту. Кто-то предложил ехать через Польшу. Может быть, мы так добрались бы и до Норвегии. Но водители сказали, что попробуют пробраться через следующий пункт.

Там нас уже встречали как родных. Ясно было, что в нашем автобусе, пыльном, едва не просевшем от груза, есть гораздо более интересное содержание, чем полтора десятка глупых туристов. За въезд в Словакию с нас взяли еще две бутылки, которые таможенники пообещали выпить за наше здоровье. Плюс — по десять долларов с каждого. Не думаю, что эти деньги пошли в бюджет молодой республики. Ребята попытались торговаться. Но на стороне таможенников был очень важный аргумент — совершенно потрясающие комары, которые вились над нейтральной полосой. Такое впечатление, что их выращивали специально. Наконец, за нами опустился шлагбаум. Сложно выбираться из Европы бедному туристу...

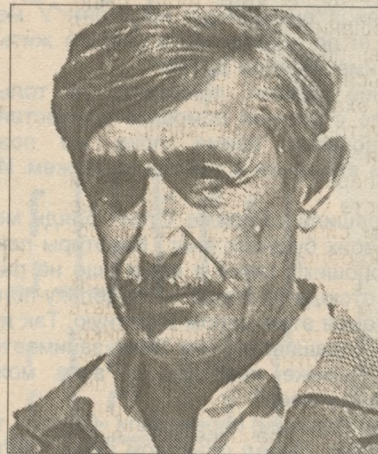
Темной ночью нам снова посветили в лицо фонариком и попросили предъявить документы. Молодой солдат прогуливался по автобусу.

— Здравствуйте, товарищ генерал, — сонно сказала Вера.

— Я не генерал, — ответил тот. — Я — глупый рядовой. Хожу здесь уже два года, как баран, сам не знаю зачем. Вы откуда? Из Италии? А я из Хмельницкого. Слышали про такой город? Проезжайте.

Мы были дома.

Письмо от Виктора Некрасова

Виктор Некрасов

Аркадий ГАЛИНСКИЙ

Около полуночи 9 апреля 1975 года в московской моей квартире зазвонил телефон, и в трубке раздался голос Бобы Б., человека веселого, остроумного, вхожего в столичные художественные и киношно-артистические клубы. С ним мы познакомились в начале пятидесятых годов в Киеве, где я работал собственным корреспондентом «Литературной газеты» по УССР, а он преподавал историю искусств в местном художественном институте.

В те годы при корпункте «Литературки» как бы сам собой образовался литературно-художественный «салон», который регулярно посещали «украинские русскоязычные» писатели (в том числе — Виктор Платонович Некрасов)... Непременным участником наших посиделок стал вскоре и Боба Б. Но через какое-то время в художественном институте к нему начал придирааться партком, в результате чего из украинской столицы в конце концов с помощью обкома партии Бобу Б. выжили, приписав ему несуществующие идеологические ошибки. Он вернулся в Москву, и в этой связи кем-то из его многочисленных знакомых была сочинена эпиграмма:

*Чинил всегда еврей преграды
Решениям Переяславской Рады.
С Россией Киев воссоединился,
И только Боба с этим не смирился.
Судьбу его оплакивать не стану:
Его сразил обком на площади Богдана.*

В Москве жизнь Бобы наладилась: он что-то где-то преподавал, писал статьи, популярные книги по искусству... И вот неожиданный полуночный телефонный звонок в моей тесной квартирке на Зубовской. Боба объясняет, что находится неподалеку от моего дома и хотел бы на минутку зайти.

...Сидим на кухне, пьем чай. Вначале Боба заводит светский разговор, потом спрашивает: «Ну, что пишут тебе из-за бугра?» Но ввиду того, что с забугорьем никакой переписки у меня еще не было, я пожал плечами и сказал, что не понимаю вопроса. После чего Боба, рассказав свежий анекдот и допив чай, отправился восвояси. Мы с женой недоумевали: для чего он приходил?

Все объяснилось утром, когда я вынул из почтового

ящика — вместе со вчерашней «Вечеркой» — красивый заграничный конверт. Это было письмо от Виктора Некрасова, незадолго перед тем вытолкнутого властями на Запад. Эмиграцию, на мой взгляд, Некрасов воспринял не как потерю чего-то необыкновенно дорогого и важного, а, напротив, как счастливое приобретение этого дорогого и важного. Словом, не как беду, а как благо.

В киевской квартире Некрасова, над его тахтой, висела большая цветная карта Парижа, на которой изображен был каждый дом и сквер, каждый памятник или фонтан. А рядом с тахтой, впритык к окну, стоял письменный стол, за которым Некрасов работал. Так что стоило ему поднять глаза — и он уже мысленно бродил по парижским бульварам, улицам, площадям, набережным, паркам. Город этот (Некрасов, как известно, жил в Париже ребенком) Виктор Платонович обожал, и чувство это усилилось многократно, когда он побывал в Париже вторично, человеком немолодым, ему было тогда уже за пятьдесят.

Текст письма Некрасова привожу ниже.

22/III—75 Birmingham

Дорогие мои Инна и Адик!

Не знаю, удивит или не удивит вас получение этого письма, но очень хотелось бы, чтоб обрадовало.

Я часто, очень даже часто вспоминаю вас и те немногие часы, которые провел у вас дома и в прогулках по сианукским и народомским переулкам*. Вспоминаю все разговоры на кухне за чашечкой по-галински сделанного кофе, воспоминания и прогнозы, планы, перспективы, ближневосточные проблемы и отдельные характеристики тех или иных персонажей.

Вспоминал и в Париже, вернее под Парижем, в тишине и уюте домика наших друзей, в котором мы жили (и творили!), вспоминаю и сейчас, в городе, по-английски написанном в начале этой страницы... Здесь я закончил свое «лекционное» турне по англ. университетам и, хотя и валюсь с ног, но решил всех «обрадовать» (и тут же становлюсь в тупик — действительно ли так уж радую...).

В Англии я месяц, за кордоном 1/2 года... Человек я

*Имеются в виду арбатские переулки, где размещаются посольства азиатских стран.

беспечный и легкомысленный, поэтому далеко не заглядываю. Проблем здесь миллион (как везде и как и ожидалось), но не во все я в силах вникнуть, а другие, мне кажется, яйца выеденного не стоят. У меня же их три. 1) Писать (и по возможности с этого жить). 2) Поглядеть свет. 3) И иметь рядом детей.

Последнее зависит, понимаете, не только от меня, а первые две с божьей помощью осуществляются. Что будет дальше, покажет время, пока же пожаловаться на отсутствие внимания и заботы не можем. И во Франции, и здесь.

Осесть решили в Париже. Стоит, блядь, мессы! (Название одной из моих будущих книг.) Квартиры пока нет, живем у друзей (хороших!), книги и вещи еще не распечатаны. Вот вернемся отсюда (а я еще на недельку-полторы в Канаду, а?) и займемся этим делом вплотную. Так и говорите всем, кто будет спрашивать, чем Вика занимается во Франции. «Ищет в Париже квартиру...» Разве можно придумать занятие заманчивее?

Здесь (во Франции) переиздали «Окопы», т. что на первое время хватило. Перед отъездом сюда сдал в изд-во свою «новую» вещь. Собственно говоря, она старая, написана более 3-х лет тому назад и благополучно пролежала 1 1/2 года в «Н. мире» и столько же в «Москве» (пожаловаться не могу — и те и те заплатили по 100%), а теперь дополненная и расширенная, надеюсь, к лету—осени появится на книжных прилавках Лютетии.

Вот так-то, дорогие мои.

Из Киева уезжал без всякой грусти. Горсточка, человек 10—12, провожающих, остальные... А прожил я в Киеве все же 60 с гаком. И жителей в нем 1 1/2 миллиона... Общия наш друг года два уж как не общался. Так, на людю, «привет-привет». Жаль...

Ну, будьте.

Пишите по адресу 12, Rue Ciceri
Marlotte (77) France
Мне

Целую В.

«Из Киева уезжал без всякой грусти» — одна эта фраза рисует картину более сложную, на мой взгляд, нежели та, что создана многочисленными авторами воспоминаний о Некрасове, которые утверждают, будто Виктор Платонович был по-настоящему влюблен в родной город. Между тем Некрасов стремился навсегда покинуть Киев

еще в молодости, когда вначале сделал попытку поступить в студию МХАТа, а потом (по окончании архитектурного факультета Киевского инженерно-строительного института) предпочел стабильной профессии архитектора беспокойную судьбу актера передвижного театра, в связи с чем и уехал в Ростов-на-Дону. После войны, как только Некрасов стал писателем и в кармане у него завелись свободные деньги, он при первой же возможности улепетывал из родного города в Москву, где приятелей у него, кстати сказать, было неизмеримо больше, чем в тихом сиренево-каштанном Киеве. Кто-нибудь скажет, правда, что уже в 1947 году, получив Сталинскую премию за повесть «В окопах Сталинграда», Некрасов мог свободно перебраться в Москву. Верно. Но когда я завел с ним на эту тему разговор, он со свойственной ему прямоотой сказал: «Да ведь здесь я первый парень на деревне!» Действительно, большей знаменитости в Киеве не было.

Некрасов же был не только писателем, но и, как говорится, актером в жизни, то есть не мыслил себя без публичности, как актеры не мыслят себя без сцены и зрителей. Проще сказать, Некрасов не мог обходиться без постоянного узнавания его — куда бы он в Киеве ни направлялся. А в многомиллионной запруженной людьми Москве — неделями ходил по центральным улицам и никто его здесь не узнавал, как не узнавали, скажем, Твардовского, Эренбурга или Паустовского.

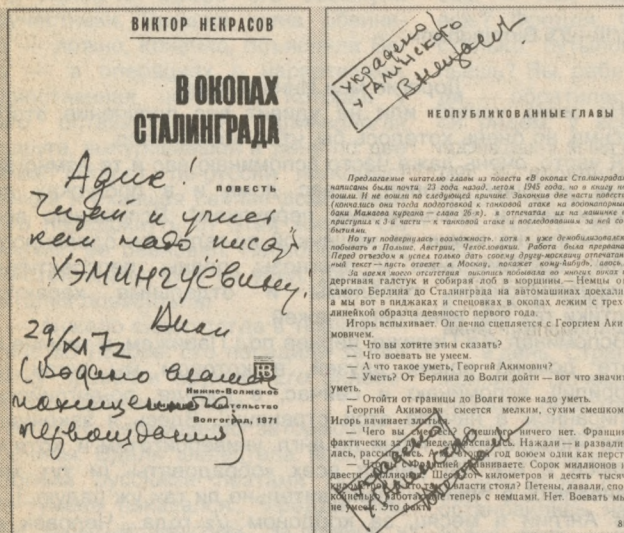
А в Киеве: «Виктор Платонович, здравствуйте!», «Вика, привет!», «Старик, кого я вижу!», «Отец родной, по стаканчику, а?» И он всем улыбался, и говорил приятные вещи, и надписывал книги, и восседал во главе любого пиршества, причем в гости неизменно с собой брал свою и в самом деле замечательную маму Зинаиду Николаевну.

Но едва Некрасов стал даже не диссидентом еще, а «диссидентом на четверть» или «полудиссидентом», как его перестали узнавать на улицах, приглашать в гости, приходиться к нему. Кроме трех-четырех человек, в основном старых женщин да еще закрепленных за ним (и не прятвавшихся даже) нескольких стукачей, постоянного общения у Некрасова в Киеве больше ни с кем уже не было...

Нынче в Киеве одно за другим публикуются воспоминания о Викторе Некрасове тех людей, которые в пору его диссидентства, завидев писателя на Крещатике, ныряли в первую же подворотню, чтобы только с ним не поздороваться. Впрочем, надо признать, что Киев тогда был город свирепый — там с независимыми людьми шуток КГБ не шутил.

Любил ли Виктор Платонович родной город? Я думаю, что его отношение к Киеву было в последний период примерно таким же, как в свое время у его земляка — Михаила Афанасьевича Булгакова. Булгаков восхищался царственной красотой Киева, но, говоря в очерке «Киев-город» о тамошних науке, литературе и искусстве, формулировал кратко: «Нет»...

...Прочтя письмо, я позвонил Бобе Б. и, сообщив про наше обыкновение вынимать из почтового ящика «Вечерку» вместе с утренними газетами, спросил, что именно его интересовало вчера: содержание полученного нами письма или канал, по какому Некрасову будет отправлен ответ? Не промолвив ни слова, Боба положил трубку. А буквально через несколько дней мы совершенно случайно столкнулись с ним на узеньком арбатском тротуаре лицом к лицу. Боба Б. определенно растерялся и сказал: «Ответ Виктору Платоновичу можешь передать через меня, но только не пиши в нем ничего такого...» Опешил несколько и я, пробормотав что-то невнятное. С тех пор больше мы с Бобой Б. не виделись. Весточки же от Некрасова я получал «из-за бугра» неоднократно.

Страницы книги Виктора Некрасова, подписанные автором А. Галинскому

«КВАНТА ИНВЕСТ» ПРИНИМАЕТ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ НАСЕЛЕНИЯ

Наиболее эффективное вложение средств в мини-производства
(пищевая промышленность, стройматериалы)

ПРИНЕСЕТ ВАМ СТАБИЛЬНЫЙ ДОХОД

до **600 %**

годовых в рублях

до **45 %**

годовых в валюте

минимальный вклад 300 тыс. рублей

Гарантии страховой компании «ГЕРМЕС»

Адрес: Москва, Центр,
метро «Тургеневская»-«Чистые пруды»,
Уланский пер., д. 8/10, проход и проезд
с проспекта Академика Сахарова (б. Новокировский)
Справки по телефонам: **924-1624, 924-1636**

Когда на российском рынке появилась косметическая и парфюмерная продукция американской фирмы «Ньюэйс» и наши дамы интенсивно кинулись ее скупать, со стороны мужей и иже с ними раздались скептические замечания: мол, мадам опять развлекается — продукция дорогая и малоизвестная, одно лишь только, что новинка. Так вот, эта статья — для них. Мы вам объясним, что «Ньюэйс» совсем не развлечение — это очень серьезно.

Телефоны
официального дистрибьютора
фирмы «Ньюэйс» в России:
(095) 245-40-72
(095) 245-59-56

Мадам не развлекается. Мадам хочет быть молодой и красивой

Исторически сложилось

И тут уж ничего не поделаешь. С самого начала века, как только стала развиваться химия и появились продукты нефтесинтеза, вся косметическая промышленность была ориентирована исключительно на них. И с тех самых древних пор основой почти всех косметических и парфюмерных препаратов являются продукты нефтесинтеза — минеральные масла, пропилен-гликоль, коллаген и многие другие.

Не буду долго распространяться на эту тему, скажу лишь, например, о минеральном масле, которое используется в косметике в качестве увлажнителя. Считается, что, задерживая влагу в коже, вы можете сделать ее мягче, глаже и сохранить молодость. На самом деле пленка из минерального масла задерживает не только воду, но и токсины, углекислый газ, отходы и продукты жизнедеятельности, которые выводятся через кожу. И наоборот, она препятствует контакту кислорода с кожей, а кожа, как известно, живой дышащий орган.

А общую оценку использования химических препаратов в косметике дал весьма авторитетный американский журнал «Косметикс энд Драг Мэнюфакчурс» аж в 1989 г. В статье, озаглавленной «Культурный шок», говорилось: «В косметике польза от продукта скорее психологическая, чем реальная. По формулам и со-

ставу косметические препараты очень мало отличаются друг от друга. Преимущества того или иного препарата зависят в основном от самочувствия потребителя». Хорошо, если самочувствие отличное, а если не очень? Если на себе ощущаешь не только неэффективность, но подчас и бесполезность и даже вредность современной косметики?

Революционер «Ньюэйс»

А вот на этот случай существует фирма «Ньюэйс». Хотя многие ингредиенты в продуктах этой компании можно найти и в препаратах других косметических фирм, основу его косметики составляют компоненты, которых вы не найдете ни в одном конкурирующем продукте. А самое главное — никакой химии. Стратегия «Ньюэйса» — в поиске новых революционных путей, которые на самом деле дают результаты, и неплохие, так как все исследования ориентированы на самые последние и крупные открытия в области гигиены и здоровья.

Многие из ингредиентов, применяемых «Ньюэйсом», способны проникать, растворять, смягчать, суспензировать и таким образом усиливать действие основных потенциально эффективных компонентов.

Стоит сказать лишь о нескольких продуктах «Ньюэйс». Например, средство для очистки лица «Экстра Джентл

Клинзер». Вместо механического удаления или разъедания грязи безопасные компоненты Полисорбаты-60 и 80 эмульгируют жировые и воскообразные загрязнения и мягко удаляют их с кожи. «Экстра Джентл» имеет в своем составе витамины пантенол, ниацинамид и природные увлажнители, которые одновременно с очисткой еще и подпитывают кожу.

Кроме того, «Ньюэйс» использует в своих формулах такие высокоэффективные и дорогие компоненты, как масло семян дикорастущей розы Маскеты, кислоту, полученную из сахарного тростника, и пр.

Причем, являясь все-таки косметикой декоративной, продукция «Ньюэйс» одновременно и лечебная. Существует множество программ: ухода за кожей лица, ухода за волосами, за зубами и полостью рта, телом, ногтями — вообще за всем тем, что называется человеком. Самое главное, что при применении продукции «Ньюэйс» достигается не сиюминутный эффект, а вполне реальное оздоровление и омолаживание.

Берегите деньги, берегите лицо

Недаром эта фраза стала практически девизом фирмы. Дело в том, что философия «Ньюэйс» основана на использовании эффективных ингредиентов, даже если они дорогие. Такую возможность дает метод прямых продаж,

весьма распространенный на Западе и почти неизвестный у нас. Заключается он в том, что продукция фирм распространяется не через магазины, а через частных лиц.

То есть любой человек, будь то вы или я, при помощи официального дистрибьютора фирмы «Ньюэйс», офис которого находится по адресу: м. «Спортивная», ул. Кооперативная, 10, может заключить прямой контракт с фирмой «Ньюэйс» и стать ее дистрибьютором. Такая форма маркетинга обеспечивает доступ к товару практически без посредников и, соответственно, без накручивания лишних процентов, как это происходит обычным путем. Мало этого, для всех желающих по этому же адресу каждый понедельник проводятся занятия, причем бесплатно.

Ведь расходы на рекламу, развитие дилерской сети, транспортных и складских услуг делают всю косметическую и парфюмерную продукцию неизмеримо дороже, тогда как ее себестоимость не превышает и трех процентов от конечной цены. Получается, что, покупая флакон духов за 60 долларов, мы переплачиваем за косвенные расходы где-то долларов 57... Спрашивается, зачем это нужно? Есть продукция фирмы «Ньюэйс», которая и стоит приблизительно так же, и имеет такое качество, как тот «Форд», что в рекламе не нуждается вовсе.

Юлия ТРАНКВИЛИЦКАЯ

Дух ВИКОНТА над каналом

Многие англичане и французы смотрят на открытие туннеля как на национальное бедствие. В своем неприятии этого «вымученного чуда» они проявили редкостное единодушие.

Сергей ТОЛКАЧЕВ

«Наше дело — труба», — сказали ветераны. И впрямь. Накануне пятидесятилетнего юбилея высадки англо-американских войск в северной Франции, так называемого праздника «Ди-дэй», британские и канадские участники второй мировой войны зарезервировали номера в гостиницах Нормандии. Отметить круглую дату захотелось.

Но надо же беде случиться. Приготовления к празднику совпали с «событием века», по поводу которого очень долго морочили людям голову: открытием туннеля под Ла-Маншем между Францией и Англией.

Эта, видите ли, «старая черепаха» Миттеран (цитата из демократической западной прессы) заставил владельцев гостиниц аннулировать всю бронь, предназначенную для ветеранов, ввиду прибытия более дорогих гостей.

«Герои оскорблены», «За что мы кровь проливали», «Бравые парни унижены» — это самые мягкие заголовки периодических изданий Франции и Англии, обрушивших на главу французского государства проклятия...

«Месьё ле Президан» сломался: все это, оказывается, недоразумение, никто никого не хотел обидеть. Справедливость была восстановлена.

Королева Елизавета и президент Франсуа Миттеран на открытии туннеля

Елизавета II и Франсуа Миттеран выглядели на торжественной церемонии открытия «сооружения века», мягко говоря, бледновато. Ох уж эти витринные улыбки королей и их манекенной свиты!

Ветераны ворча допивали свое пиво в нормандских тавернах.

Корни соперничества между двумя соседствующими странами глубоко уходят в историю. В период между 1702 и 1815 годами, когда и происходило формирование двух современных наций, Великобритания и Франция находились между собой в состоянии войны в общей сложности около сорока девяти лет. Туманный Альбион смотрел на Францию как на прогнавшую римско-католическую державу, в которой жил суеверный, жестокий и продажный народ. В свою очередь Франция видела в своей чопорной соседке-протестантке алчного, вульгарного и коварного врага. Одна из стран была великой державой с богатыми поместьями, стремившейся установить господство в Европе. Другая — военно-морской державой, которая создала великую империю далеко от своих границ. Одна нация совершенствовала свое внутреннее развитие, превращая экономику в хорошо выверенный механизм, что стало основой сложных французских технологий. Другая — подчинила интересы государства торговле, поставив во главу угла

идеологию свободного купечества.

В семнадцатом веке британцы потихоньку начали покидать свои родные, но такие сырые и промозглые места, двигаясь, естественно, в южном направлении. Процесс «дезертирства» не прекращается и по сей день.

Французы в Англию особо никогда не рвались, будучи убежденными в том, что много полезного можно найти и внутри шестиугольного участка земли под названием Франция.

Статистика свидетельствует, что при равной (приблизительно) численности населения этих двух стран британцы выезжают за границу в три раза чаще по сравнению с их континентальными соседями. Парадоксальна убежденность французов в том, что с открытием туннеля уехать из Франции будет несравнимо легче, нежели из Великобритании.

Увы, несмотря на то, что многие события двадцатого века объединили две европейские нации, относиться друг к другу с подозрением они не перестали. Французы, к примеру, то и дело с особым садизмом подчеркивают свою благодарность генералу де Голлю, дважды выступавшему против принятия Великобритании в Общий рынок. Тем не менее британцы, как безобидные овечки, рассыпаются по зеленым холмам французских провинций, от Парижа до Прованса, очень тонко чую, где запах сливочного масла сменяется оливковым. Выражаясь ненаучными терми-

Так пересекали пролив в июне 44-го

нами, истинное франкофильство больше распространено в Британии, чем англофильство во Франции. Когда таких путешественников спрашивают, скучают ли они по туманной родине во время своих вояжей, они отвечают: скучаем по близости с Францией. Французы, к сожалению, не научились ценить такие комплименты.

Сегодня, на исходе века, французы и англичане любят обмениваться характеристиками, точными и не очень, на уровне межнационального общения.

Католицизм, оказывается, сильнее в Британии, чем во Франции. Британское правительство более централизовано (а это считается дурным тоном), чем французское: Тэтчер, разгромившая британское местное самоуправление, — истинная наследница бонапартистских методов. Британия суверенно держится за свои традиции, за слишком уж картинный парламент, за вяленную селедку, в чертах которой еще можно различить бывшее величие монархии, но только при помощи очков с большими диоптриями. Британское правительство до сих пор пользуется словом «суверенитет» — термином XVIII века, противопоставляя его императиву глобальной экономики.

В то же время новое поколение французских бизнесменов и политиков начинает культивировать у себя на родине элементы теоретического и практического протестантизма. Консервативное правительство

Балладюра потихоньку занимается приватизацией государственных промышленных предприятий. У французского министра финансов на стене в рабочем кабинете висит (о, ужас!) портрет Маргарет Тэтчер. Студенты, как и прежде, бунтуют, правда не с томиком Фуко или Альтюссера в руках, как в прошлом их родители, а с лозунгами «Дайте и нам кусок экономического пирога!». Вскоре, если дела пойдут так, французское студенчество может даже стать похожим на британских малюток, поражающих взрослых дядь и тетя наплевательским отношением к политике и откровенным преклонением (в ихто пять—семь лет!) перед «Большой Деньгой». «Мы все больше становимся англосаксонцами по духу и по стилю жизни», — пока тихо, по углам, но уже признаются друг другу французы.

Британцы, скорее всего, никогда не поймут любовь французов к их родной земле, языку, настолько эта любовь специфична. Французы, в свою очередь, не в силах будут объяснить, почему британцы, сентиментальничая по поводу отчуждения от их великой диаспоры, раскиданной по бывшим колониям, с подозрением относятся к европейской интеграции.

Но где-то в подкорке головного мозга всегда находится место для идей сотрудничества, несмотря на несовпадение по многим другим параметрам. Оборона, к примеру. Чисто символически французы подчеркивают значение лично для них франко-немецкого Еврокорпуса. Но

любой француз в частной беседе признает, что в Европе фактически существуют две серьезные военные силы: войска Британии и Франции. Эти две европейские ядерные державы сотрудничали и в Персидском заливе, и в Курдистане, и в Боснии. Если когда-нибудь будет создана общеевропейская армия, ее сердцевина окажется англо-французской, но никак не франко-немецкой.

Торжества по поводу открытия туннеля стали своеобразной — плохой ли, хорошей — прелюдией к празднованию 6 июня: дню породнения двух наций (этот день и называется «Ди-дэй»). И многие в этот день вспоминают об англо-американской высадке в Нормандии в 1944 году, которая была уникально мощной операцией.

«6 июня 1944 года, — пишет французский журналист Серж Жюли, — Ла-Манш стал не преградой между двумя нациями, а, наоборот, мостом к свободе. Сейчас мы будем проскальзывать по туннелю в мгновение ока, и в этом много символического...»

РОБЕРТ КАПА

Но будем ли «мы» действительно в мгновение ока проскальзывать по сооружению, которое многие не очень уважительно (может быть, не вполне заслуженно) называют «дырой под Ла-Маншем»? Это уже вопрос не идеолого-лирический, а чисто практический. На деле же все гораздо запутаннее.

Во-первых, строительство туннеля обошлось в десять миллиардов, раза в два дороже запланированного. Это уже само по себе огорчительно и не может вызвать ликования у налогоплательщиков.

Во-вторых, открытие туннеля — никакое не открытие вовсе, а пробное испытание, после которого поезда будут как бы ходить, но как бы и не ходить. По техническим причинам запланированный уровень сервиса — перевоз пассажиров вместе с их автомобилями — начнется лишь с осени. Стоило ли ради этого королеве ножницы о ленточку тупить? Тем более что неготовность туннеля к полнокровной эксплуатации не вызывает особой озабоченности и на северном конце «человекопровода» — в Англии, где к встрече скоростных поездов готовы еще меньше.

Над всем проектом и над путем его осуществления встает дух министра внутренних дел, а потом и премьер-министра Англии виконта Джона Пальмерстона — мечтателя и практика, пророчески сказавшего еще в 1858 году по поводу будущего туннеля: «Его строительство сократит расстояние, которое мы и без того считаем слишком коротким».

Этот поезд будет мчаться со скоростью 100 миль в час на глубине 45 метров ниже уровня моря

«НЬЮСУИКС»

Поэтам можно сколько угодно слагать стихи о «нитях», «узах», «братстве» и т.д. в связи с туннелем, но ввод в эксплуатацию этого сооружения поднимает несколько проблем, которые муссировались годами, но ответы на них так и не найдены.

Конечно, вряд ли кто будет отвечать на письма, поступающие в компанию «Евротуннель» от людей, открыто больных клаустрофобией. Но половина британцев, по результатам опроса общественного мнения, заявила, что туннель — вещь хорошая как для путешественников, так и для веселых ребят из Ирландской республиканской армии, обдумывающих, где бы еще поставить эксперимент с испытанием нового взрывчатого вещества. Хотя на обеспечение безопасности Евротуннеля в этом плане было израсходовано много средств, а британское правительство обещает как минимум пожизненное заключение даже за неудачную попытку покушения на безопасность пассажиров, верится в будущее спокойствие с трудом.

Людей пугают и другие вещи. Возможные пожары, например. В этом случае огонь будет тушиться с помощью пенообразователей и специального газа. Кроме того, служебный туннель, находящийся между двумя путепроводами, обеспечит, как утверждают эксплуататоры, безопасный путь эвакуации. Имеется в виду — пешком до побережья, которое окажется ближе.

Но иронизировать можно не только над «туннельщиками», но и над слишком уж надуманными страхами некоторой части населения, которое, может, никогда и не будет пользоваться этой трубой.

Поразительно, но три четверти англичан видят в туннеле рассадник заразы, а также удобный путь для сезонной миграции мелких грызунов. На этот случай строители вроде бы снабдили подводное сооружение системой защитных электрических

барьеров, так что какой-нибудь франкоговорящей дворняге, тайком решившей пробраться в Англию, в этом случае не позавидуешь.

Британцы вообще очень щепетильны насчет разных жучков-паучков, которые могут быть перевезены на их аккуратно ухоженные поля и пастбища. Но общественность успокаивают: nonsense, говорят, поскольку поезда не будут доставлять заразные грузы, подобные тем, что перевозятся морскими судами, а лишь живых людей и их автомобили. Французы саркастически замечают: вредители приползут, скорее, с Флит-стрит, где бульварные газеты как одна заражены чесоткой «паникотворчества».

Но главная и самая большая опасность для путешественников, рискнувших все же поехать по трубе, — скука. Против нее никаких мер не предусмотрено. Не очень-то большое утешение в том, что поездка займет всего минут сорок. Вагоны, конечно, очень комфортабельны, но нет там ни «дьюти-фри», ни видеосалона, ни даже буфета. Заведующий по связям с общественностью «Евротуннеля» Джон Нюлтон тонко подмечает, что в туннеле действительно темно. Однако поездка, по его словам, будет выглядеть, как ночной полет в реактивном самолете. «Но где все же киношка и рюмка коньяку?» — канючат не очень лояльные к туннелю клиенты.

Таким образом, больше половины британцев сомневаются — будут ли они пользоваться туннелем. Строители и проектировщики не были шокированы этим открытием. В наши дни на континент регулярно выезжает около 20 процентов британцев. Все они с удовольствием плывут на пароме или летят на самолетах.

Любопытный пример. Семидесятипятилетняя англичанка Рейчел Марчант, живущая на побережье пролива, выводя в ясный день на прогулку свою собачку, любит

прекрасно видимыми очертаниями Франции на горизонте. Рейчел Марчант раз десять в своей жизни летала в Канаду, США, но ни разу не пересекла пролив в сторону Франции. Она, как и многие британцы, считает, что живет на материке.

«Евротуннель» надеется достичь равенства в пассажиропотоках, движущихся в противоположных направлениях под Ла-Маншем. Его руководители пытаются убедить европейцев, что лучший способ провести уик-энд — проехаться на автомобиле через туннель. При этом не нужно заранее заказывать билеты, поскольку поезда будут отправляться каждые несколько минут, а не раз в час, как на пароме.

Но когда еще это будет! Между тем конкуренты — паромщики и авиаторы — не дремлют: у них многолетний опыт по привлечению пассажиров уровнем обслуживания. Ни летчики, ни паромщики так просто не сдадутся. По крайней мере, рюмка коньяку у них всегда найдется. Последние, конечно, не будут тягаться с поездами, идущими через туннель, в скорости передвижения. И если они не предложат ничего нового, туннель может перехватить, по крайней мере, половину пассажиров из числа непьющих — ведь есть же и такие, в конце концов. А заодно уж и пассажиров воздушного транспорта, которым надоели проблемы с доставкой своих тел из аэропортов Парижа или Лондона к месту назначения.

Британия на фоне всеобщего ажиотажа вообще оказывается в большой луже, по поводу чего французы дружелюбно посмеиваются. Представьте, поездка с огромной скоростью, 159 миль в час, будут разгоняться на равнинах Франции, затем замедлять свой ход у въезда в туннель до 100 миль в час. А на территории Англии скорость составит всего 60 миль — аж до самого Лондона. Дело в том, что строительство скоростного пути длиной в 68 миль даже не начиналось. Однако и здесь уже есть свои недовольные. Бритты из графства Кент, по территории которого пройдет полотно, жалуются: шум и грохот, видите ли, повредят находящемуся в окрестностях Кентерберийскому собору. И при чем здесь собор?

По плану лондонский участок пути будет закончен сразу же по наступлении нового, двадцать первого века.

Время пока обгоняет поезд, мчащийся по Евротуннелю.

Круг позора

Российский хоккей продолжает удивлять мир — теперь своими скандалами.

Гагик КАРАПЕТЯН

Вместо ожидаемого и даже запланированного круга почета хоккеисты сборной России на минувшем первенстве мира в Италии, по сути, прокатились по полному кругу позора. Может, и несправедливо писать это по адресу спортсменов и тренеров, которые, оставшись без медалей после провала в решающем матче с американцами, бормотали нам, журналистам, что-то типа: «Это — спорт, кто-то проигрывает, а кто-то побеждает...» Однако здесь необходимо задать два главных вопроса: кому и как уступили в четвертьфинале?

Мы, «фракция» российских репортеров, заняв места в ложе прессы миланского «Форума», невольно посочувствовали американцам, ознакомившись со стартовым протоколом сборной США. Из 18 игроков (кстати, на четыре меньше, чем у наших) заокеанские хоккеисты едва «наскребли» три тройки нападающих. Накануне встречи у них стряслось два ЧП. Вызванный из-за океана Крис Челиос так и не вышел на лед: хозяева клуба «Чикаго Блэк Хоукс» вдруг спохватились и срочно затребовали скорейшего возвращения домой своего результативного защитника. А другой нападающий, Билл Линдсей, «засветился» на допинг-контроле

проведенном после предыдущего матча США—Финляндия, где соперники сыграли — 2:7.

Зато в нашу команду прибыл «легионер» из Детройта — Вячеслав Козлов. Но за один игровой вечер он так «постарался», что завоевал условный приз наиболее отличившегося штрафника, а через день, распившись в финансовой ведомости за несколько сотен швейцарских франков, вновь укатил за океан. Стоило ли ради этого вообще прилетать?

У меня, кстати, есть сильные сомнения, могли ли выручить нынешнюю сборную России такие играющие за рубежом наши «звезды», как, допу-

ДМИТРИЙ БОРКО

ИГОРЬ УТКИН

ИТАР-ТАСС

ИГОРЬ УТКИН

Валентин СЫЧ — нынешний президент Федерации хоккея России

Серж ЛЕВИН (он же С.Ханли) «угорваривает» очередного талантливого игрока

Владимир ПЕТРОВ, будучи игроком экстракласса, завоевал не одну награду, а функционер из него не получился...

Борис МИХАЙЛОВ — главный тренер сборной России, приняв косвенное участие в околохоккейной возне, провалился со своими питомцами на 59-м первенстве мира

стим, Федоров, Буре-старший или Макаров с Ларионовым (между прочим, двум последним, как выяснилось, даже не звонили и не приглашали в Италию). И я не знаю, какую установку главного тренера национальной команды Б.Михайлова ребята, судя по его словам, «недопоняли», но могу догадаться, почему американцы «завелись» в игре с нами на победу любой ценой. Произошло это после того, как в предыдущем матче с канадцами Михайлов умудрился заменить сильнеего голкипера сборной Шталенкова на запасного Иванникова ради того, чтобы, проиграв, россияне увильнули в четвертьфинале от традиционно неудобного соперника — чехов. Большего оскорбления для честолюбивых американцев, которых посчитали слабаками, трудно было придумать...

Грешным делом, у меня закралась мысль, что Борис Михайлов больше, чем за судьбу команды, переживал за дела своего бывшего партнера по знаменитой тройке ЦСКА и сборной СССР Владимира Петрова, ныне экс-президента Федерации хоккея России (ФХР). Недаром же многоопытные коллеги-журналисты после первой шайбы, забитой американцами в ворота россиян, заметили вслух, что главный тренер реагирует на это, как никогда, индифферентно: «Смотрите, он ведь совсем перестал работать с ребятами!»

Что же случилось с Михайловым, который еще год назад в Мюнхене «озолотил» наших хоккеистов? Моя версия, естественно, — всего лишь версия, но совершенно очевидно, что образовалась новая «великолепная тройка» в составе Б.Михайлова, В.Петрова и С.Левина, гражданина США, пару десятилетий назад работавшего на Ленинградском телеви-

дении, а затем специализировавшегося на «экспорте» советских артистов. Теперь дошла очередь и до «звезд» отечественного хоккея. Деловое взаимопонимание Сержа Левина и Владимира Петрова достигло апогея, когда экс-форвард попытался переквалифицироваться в главного хоккейного функционера России. А после свержения Петрова с этого поста делегатами апрельской конференции ФХР Левин сообщил журналистам в Милане о своем новом назначении: с должности советника экс-президента ФХР он был переведен на вакантное место главного менеджера национальной команды.

Как известно, сместив В.Петрова, делегаты конференции избрали президентом ФХР Валентина Сыча, положив тем самым начало «дуэли», которая продолжалась во время всего чемпионата мира и стала для журналистов своеобразным гарниром к основным отчетам с ледовых площадок. За кулисами происходили не менее интересные поединки, незаметные для миллионов болельщиков. Причем бои шли на всех фронтах: сначала журналисты внимательно изучали письма двух «команд» на фирменных бланках ФХР, затем строчили в блокнотах на пресс-конференциях с участием прежнего и нынешнего руководства федерации, которые опровергали и разоблачали друг друга. При этом мы еще консультировали иностранных коллег, вконец запутавшихся в цифрах, аргументах и юридических нюансах падения одного и восхождения к власти других. Уверен, что коллеги так ничего и не поняли в этих российских разборках. Впрочем, в неведении находятся и родные болельщики.

Если коротко, то суть на сегодня выглядит следующим образом.

Длющаяся уже полтора года сваря между ФХР в лице В.Петрова и Международной хоккейной лигой в лице Роберта Черенкова достигла пика незадолго до Олимпиады в Лиллехаммере. Хоккейная общественность страны ощущала патовую ситуацию, когда на сцене появилась третья и, как выяснилось, решающая сила — Ассоциация «Хоккей России», которую возглавил начальник штаба «Лиллехаммер—94», руководитель спортивной делегации страны на Играх в Норвегии Валентин Сыч, хорошо известный в тех же хоккейных кругах в эпоху А.Чернышева — А.Тарасова. Стало ясно, что гордиев узел будет разрублен — это и произошло в апреле, когда полторы сотни делегатов подавляющим большинством голосов отдали Сычу президентские полномочия.

Владимир Петров, вместо того чтобы принять честный бой, на конференцию не явился, заранее предупредив руководителей ведущих хоккейных клубов о своей «дипломатической» хвори. А вскоре он взял на вооружение методы «партизанской войны», причем главные залпы были сделаны за рубежами нашей страны, в дни очередного конгресса Международной федерации хоккея (ИИХФ), проходившего одновременно с финальными матчами первенства мира. Вот — вполне легитимно — Сыч избирается делегатом этого форума от России. Но тут же происходит нечто беспрецедентное: «Разъяренный Петров, — свидетельствует репортер шведской газеты «Дагенс нюхетер», — в сопровождении шести (!) личных телохранителей и генерального менеджера российской сборной Сержа Левина ворвался в зал заседаний конгресса и обрушился с угрозами на нескольких членов Совета ИИХФ». Рикард Фагерлунд, президент Шведского хоккейного союза, заявил на страницах того же издания: «Это было горькое заседание, худшее из всех, в которых мне ранее довелось участвовать».

Однако президент ИИХФ, 79-летний Гюнтер Сабетцки, и ряд его заместителей принимают «соломоново решение», аккредитовав на конгрессе также... В.Петрова. Россия оказалась представлена здесь двумя президентами ФХР и парой генсеков этой федерации! Как же такое могло случиться? Тем более что президент Олимпийского комитета России (и, между прочим, вице-президент МОК) Виталий Смирнов своей факс-телеграммой официально подтвердил полномочия именно В.Сыча. Однако чиновники ИИХФ

решили, откровенно говоря, погреть руки на чужом несчастье. Благо и та и другая сторона собралась не мытьем, так катаньем перетянуть на свою сторону большее количество зарубежных функционеров, которые, в свою очередь, дорожат теплыми местами в ИИХФ — в июне предстоит отчетно-выборный конгресс в Венеции.

Кстати, поэтому так заспешил В.Петров, решивший провести новую «внеочередную» конференцию ФХР в Самаре. А репетиция этого действия состоялась в Италии, где, как сообщил журналистам все тот же Левин, 23 игрока сборной России, узнав о предстоящем приезде на чемпионат В.Сыча, единогласно подписали письмо с угрозой покинуть первенство мира в случае избрания его делегатом конгресса ИИХФ. Возможно, такой демарш мог бы выглядеть более мужественным поступком, чем откровенная игра на поражение с командой Канады в предварительном турнире, а затем — провал в матче со сборной США. Если уж собирались проигрывать в Италии, то надо было это делать со скандалом, петициями, пресс-конференциями и т.п. Чего уж там мелочиться?

Как бы то ни было, президент ИИХФ Г.Сабетцки и его коллеги, окончательно запутавшись, решили выслушать не только В.Сыча, но и руководителей ведущих хоккейных клубов России и территориальных управлений ФХР. И вот образовалась целая процессия — чуть ли не сотня джентльменов в сопровождении двух-трех десятков российских журналистов двинулась сначала в залы для «очень важных лиц», затем — в более скромные подтрибунные

помещения. Тут неожиданно Сабетцки попросил удалиться всех репортеров и «простых» функционеров из России. В зале осталось двадцать человек, а среди них — и автор этих строк, своевременно свернувший (грешен, каюсь!) аккредитационную карточку. В ходе полуторачасового обсуждения полудремавший Сабетцки все-таки прояснил два аспекта «русского вопроса». Первое — В.Сыча поддерживает подавляющее большинство президентов клубов высшей лиги России, руководители хоккейных регионов страны. Второе — стало понятно, каким образом прежнее руководство ФХР «дезаурировало» нового президента своими депешами на бланках Федерации хоккея России за подписью Петрова. Все оказалось очень просто: у факса в Олимпийском комитете страны на Лужнецкой набережной Москвы находился все эти месяцы человек Петрова, который имел под рукой целую пачку фирменных бланков ФХР. Вот откуда и пошла вся путаница. Сейчас, насколько мне удалось выяснить, эта «пятая колонна» выведена из штата нового аппарата, руководимого В.Сычом, да и новые замки врезаны в двери комнат, принадлежащих ФХР.

Конечно, эхо позорного скандала в высоких хоккейных кругах еще будет звучать. Хронический кризис отечественного хоккея, проявившийся в сокрушительных поражениях олимпийской сборной в Лиллехаммере и национальной в Милане, свидетельствует, что процесс выздоровления требует довольно длительного времени. И конфликт между В.Петровым и В.Сычом может иметь многосерийное продолжение с

непредсказуемыми последствиями. Поэтому мне кажется, что и журналистам, и функционерам из обеих «команд» неплохо бы объявить мораторий на новые позиции взаимных обвинений и прочие словесные стычки. Ведь и так уровень российского хоккея — без участия заокеанских «легионеров» — приближается к уровню тех сборных, которые традиционно обретаются где-то на задворках этого популярнейшего вида спорта.

Больцано—Милан—Москва

*оплата счетов в валютах стран СНГ тел. 221385
 *открытие кодированных счетов тел. 222291
 *конвертация российских рублей тел. 221385
 *полный спектр банковских услуг тел. 222291
 *услуги по дорожным чекам и кредитным карточкам тел. 221649
 *конвертация 24 валют
 Это и многое другое - Parex Bank.

Parex Bank
 ул. Смилшу 3
 LV-1522, Рига, Латвия
 Телефоны : (371 2) 351070
 (371) 8820011
 Факсы (371 2) 215201
 (371) 8820012
 Телекс 161207 parex lv

Мы ближе,
 чем
 Швейцария.

Собаки были человечнее людей

В Перми прошли первые, пока еще полуофициальные, собачьи бои. Примечательные они были в трех смыслах. Во-первых, по свидетельству людей знающих, подавляющее большинство зрителей составляли «воры в законе» и гангстеры. Во-вторых, чтобы попасть на стадион «Молот», где дрались сначала профессиональные боксеры, а затем собаки, представителям прессы нужно было заплатить ощутимый взнос. И, наконец, зал, разогретый «дегустацией»

боксерских кулаков различной крепости, был разочарован собачьим боем. Страшные своей хваткой бультерьеры либо убегали с ринга, либо, слегка потрепав друг друга, досрочно прекращали бой.

Когда люди превращаются в зверей, звери превращаются в людей.

Михаил ДЕМИН

Усатые, на старт!

В мае телевидение Томска показало в своем эфире телешоу «Бег». Больших черных

американских тараканов (шесть бегунов) для передачи предоставила кафедра зоологии беспозвоночных Томского госуниверситета. Стол с беговыми дорожками, с дистанцией чуть более метра, со специальным стартовым механизмом, изготовили специалисты института «Томскреставрация».

Зрители узнали, например, что тараканы в доме — признак богатства и благополучия. И, оказывается, ни одна изба на Руси в масленицу не обходилась не только без блинов, но и тараканьих бегов. В телешоу было показано два предварительных забега и один финальный. Минимальная сумма

ставки в предварительных забегах составляла пять тысяч рублей, в финальном — десять. Выигрывал тот из зрителей, кто сделал самую большую ставку на тараканопобедителя. В финале победил «скороход» по кличке Янычар.

Был и особый приз — телевизор, в конкурсе «Только для женщин». Надо было удержать в руке в течение минуты спортсмен-тараканов. Победительницы так и не оказались, хотя попытки были. Просто тараканы не хотели сидеть в женской руке аж целую минуту.

Анатолий ЗАХАРОВ

Голые сраму не имут

Елена АВЕРИНА

Если московское лето наконец-то будет жарким (о теплом мы уже и не мечтаем, потому что лето в Москве, как известно, бывает только или холодным, или жарким), то в закоулки Серебряного бора потянутся затосковавшие по природе нудисты и подставят солнышку свои побледневшие за год тела. Ну а не будет тепла в Москве — они отправятся по близким сердцу маршрутам на Черное море. Там даже лучше.

Вот уже лет пять как не гоняют с нудистских пляжей людей без купальников. Раньше совместные усилия ОСВОДа и милиционеры окружали их на суше, а чтобы те в панике не разбежались, отнимали у них трусы. В воде голых купальщиков преследовали спасатели на лодках. Кто умел хорошо плавать и глубоко нырять, уходили от погони. А вот разомлевшая барышня на надувном матрасе становилась легкой добычей осведомцев, которые начинали громко стыдить девушку, а в наиболее абсурдных случаях даже требовать у нее паспорт. Эти рейды кончались тем, что девушек без купальников, но с матрасами буксировали к берегу, брали там еще пару-тройку «сухопутных» нудистов и отправляли всех в отделение милиции. Впрочем, там над ними не глумились и даже не били, но грозились сообщить на работу, а угрозы эти были неприятны. Поэтому свободолюбивые нудисты научились не вступать в противоречие с «системой» и, заведя осведомческую лодку или милиционерскую машину, набрасывали на себя полотенца.

Сейчас курортная милиция придумывает себе иные развлечения и нудистов оставила в покое. Так что те отдыхают относительно спокойно. Казалось бы, обнаженные женские тела должны привлекать неметные полчища горячих кавказцев. Но нет, они даже не любопытствуют и ищут себе подруг на обычных пляжах. Иногда приходят поглазеть группы озабоченных подростков, создавая своей гиперсексуальностью нервную обстановку на пляже. Правда, их быстро смущает непосредственность нудистов и они прячутся за скалы. А вот взрослые идиоты не ведают стыдливости, присущей подросткам и кавказцам, им не лень подолгу стоять на солнышке и комментировать происходя-

щее на пляже. Они могут даже ущипнуть близлежащую нудистку. И все же это лучше, чем облавы.

Естественно, люди без плавок вызывают в людях с плашками более или менее сильное любопытство, причем большинство, не вдаваясь в подробности, считает их просто извращенцами. Особенно если какие-нибудь обнаженные нудисты заваливаются на обычный пляж. Однако нудисты — это достаточно «тонкая материя». Особенно «любители», скинувшие одежду из любопытства, а не из-за убеждений, фанатичного стремления слиться с природой, каждую свободную минуту убежать в «пампасы», ходить босиком и прочего вегетарианства.

В начале статьи мы не зря заговорили именно о нудистах-москвичах, поскольку осмеливаются раздеваться публично в основном жители мегаполисов. В большом городе человек привык к тому, что он анонимен. Скидывая плавки на нудистском пляже, он знает, что вряд ли потом встретится где-нибудь еще с мужчинами и женщинами, раскинувшимися вокруг в живописных позах. Он раздевается потому, что эти люди вокруг ему безразличны. Здесь нет сослуживцев, которые по всей конторе разнесут сплетни о его поведении, и нет приятелей, которые потом долгие годы будут, гогоча, вспоминать какие-то нелепые моменты.

Новичков на нудистских пляжах видно в первую очередь по светлым участкам на теле. Таких много. Новички робеют и поэтому иногда даже добираются до «голого» пляжа вплавь: ведь под водой не видно, одет ты или нет. Но смущение это напрасно: нудисты не удостоивают гостей вниманием, им все равно, есть ли среди них одетый человек или нет. То есть царит демократия, невозможная на обычном пляже, где голое меньшинство подвергается бурным упрекам, а то и изгнанию. Деликатные нудисты не смотрят по сторонам, они погружены в себя и в свои ощущения. Ощущения же во время загорания и особенно купания нагишом — самые что ни на есть приятные и благостные.

Итак, новички первое время обычно пребывают в купальниках, наблюдая за поведением нудистов. Убедившись в их невозмутимости, новички наконец раздеваются. Сначала, по свидетельству очевидцев, человек испытывает сильнейшее волнение, которое вскоре проходит, потому что никто не разглядывает новое голое тело, никто не реагирует на то, что у него, скажем, шрам через весь живот или попа колесом.

Нельзя сказать, что нудистские пляжи усеяны исключительно атлетическими фигурами. Нет, здесь есть и толстенные, и коротконогие, и волосатые. И рахитичные старички, и немалодые женщины с пятидесятилетней грудью. В то же время нередки случаи, когда девушки с телами манекенщиц так и не решились раздеться. Видимо, не хватало авантюризма и ощущения анонимности. Нудистский пляж — как купе поезда. В поезде перед случайным попутчиком можешь обнажить душу, на пляже — тело. У тебя нет далеко идущих планов относительно окружающих людей, а если бы эти планы были — ты бы и не разделся.

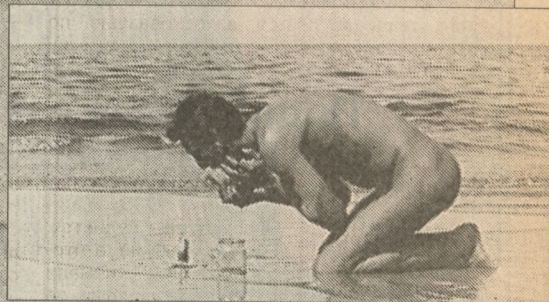
Нудизм нормален с определенного возраста (подросткам, как отмечалось выше, он однозначно противопоказан) и для людей, так сказать, несколько пресытившихся сексом. Первобытные инстинкты не берут верх над желанием расслабиться и просто отдохнуть. Поэтому на нудистских пляжах существуют нормы поведения, впрочем, вполне естественные и для обычных ситуаций. В частности, общаясь с человеком, следует смотреть собеседнику в глаза, а не куда-нибудь там. Темы же разговоров и употребляемая лексика — самые разнообразные. Нельзя сказать, что нудисты настолько преисполнены благодати, что беседуют лишь о погоде, светских новостях и ничего крепче «черт побери» не употребляют. Нет, они естественны, совершенно естественно.

Человек, который не может справиться со своей ярко выраженной сексуальностью, выглядит на нудистском пляже несколько аномально. Конечно, если у девушки красивая грудь, то куда от этого не денешься. Но если она (девушка то есть) ведет себя несколько нескромно, принимает плейбойские позы, завлекающей походкой отправляется к морю, а там томно стонет и визжит, спасаясь от каждой набежавшей волны, то люди просто не замечают всех ее стараний. А это кого угодно обидит и охладит.

Мой знакомый нудист рассказывал, что прошлым летом у них на пляже появился красивый юноша с чрезмерно выраженной мужественностью. Он снимал плавки с таким видом, будто все вокруг должны были воскликнуть: «Ах!» Юноша совершенно не вписался в «окружающую среду» и не нашел себе на пляже компании — даже мужской. Женщины же с самого начала демонстративно предпочли мужественному юноше общество других, гораздо менее мужественных и даже невзрачных нудистов. Юноше этому ничего не оставалось, как незаметно исчезнуть. Он неестественно появился на пляже, но естественно ушел.

Если дневной свет и солнечное тепло как бы убивают в нудистах похотливые мысли на корню, то ночные купания скопом, так называемые купания «белыми дельфинами», напротив, будят чувственность. Покров ночи — он, подобно полупрозрачным одеждам, прикрывает тело, а именно одетое тело может вызвать в нудисте интерес. Знающие нудисты говорят, что, встретив подругу по пляжу где-нибудь на дискотеке, можно увлечься ею — вплоть до желания сорвать с нее одежду. Хотя до этого она целый день загорала рядом в чем мать родила. Ночь — время загадочное.

Самое печальное явление на нудистском пляже — это убежденный нудист-теоретик, этакий нудист, ведущий исключительно здоровый образ жизни, да еще к тому же и последователь системы, скажем, Порфирия Корнеевича Иванова и его десяти заповедей «Детка». Это, простите за каламбур, самые нудные нудисты. У них повадки миссионеров, потому что при каждом удобном случае они готовы выступать перед любой, даже самой немногочисленной аудиторией, призывая всех в свои ряды. Правда, на нудистском пляже такой агитатор собирает «толпу» лишь из

трех-четырех человек, которые послушают его некоторое время, да и разбредутся. И правильно, потому что среди «дневных» nudистов действует замечательный принцип: «Оставьте меня в покое». И не менее замечательное правило: не посягай не только на тело ближнего своего — хотя оно голое и беззащитное, но и на личность — хотя она, казалось бы, такая добродушная и умиротворенная. ■

Льготная подписка

Уважаемые московские читатели «СТОЛИЦЫ»!

Если вы имеете возможность приезжать
за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас
на второе полугодие 1994 года по льготной цене:

6000 рублей (на полгода),
3000 рублей (на квартал),
1000 рублей (на один месяц).

Подписку можно оформить в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора, комн. № 610.

Справки по телефону: 928-10-34

ПРОДАЖА
КВАРТИР В МОСКВЕ

НЕДВИЖИМОСТЬ
В АНГЛИИ
И ГОЛЛАНДИИ

С 10 ДО 18 ЧАС.

449-3933 449-3943

449-3764 445-4263

445-1462 445-3988

1—
КОМНАТНЫЕ
2—
КОМНАТНЫЕ
3-6—
КОМНАТНЫЕ

114-1893 407-9813 ПОСЛЕ 18 ЧАС.

Быть стройным и здоровым
поможет Вам

ГЕРБАЛАЙФ

— трава жизни.

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным и бодрым. Не за горами — купальный сезон! Подумайте о том, как Вы будете выглядеть на пляже.

Для желающих доставить удовольствие
прекрасному полу — **НОВИНКА!**
СЕКС-КРЕМЫ!

У нас Вы также можете приобрести
замечательные **ФИЛЬТРЫ-КУВШИНЫ** для
очистки водопроводной воды дома и на даче.

Маленькое чудо в Вашем доме —
вибрационно-вакуумный **ГИДРОМАССАЖЕР**.
15 секунд — и он подключен к Вашему душу!
**БЛАГОДАРИА ПРЯМЫМ ПОСТАВКАМ У НАС САМЫЕ
НИЗКИЕ ЦЕНЫ!**

Фирма «Neway's» (США)
КОСМЕТИКА XXI ВЕКА

Приглашает к сотрудничеству распространителей

Тел./факс: 245-40-72, 245-59-56,
с 10.00 до 18.00.

Роман Карцев,

шут гороховый

И до них, и с ними рядом было много эстрадных пар: Шуров и Рыкунин, Тарапунька и Штепсель, Вероника Маврикиевна и Авдотья Никитична... Обожаемые, известные, смешные, они выстраивали свои диалоги в соответствии с заданными типами и масками. Карцев и Ильченко сотворили не схему, а отношения: подвижные и трогательные. Из каждого спектакля — «Как пройти на Дерибасовскую?», «Политическое кабаре», «Птичий полет»... — в народ уходили не просто репризы, а целые миниатюры: «Один — ды-ва», «Раки», «Авас», «Как это, как это...» Не расстававшихся на сцене, их и в жизни воспринимали как нечто единое и неделимое: интервью брали у обоих сразу, а каждого из детей Романа и Виктора называли ребенком Карцева и Ильченко.

В январе 92-го Виктор Ильченко умер. Карцев один дает интервью в московском Театре Жванецкого на Тверской. Мимо солидных кабинетов, пустого зала (на сцене — два рака, ну о-очень большие) мы проходим на кухню, уютную и почти домашнюю, где есть ни с чем не сравнимая капуста (Карцев: «Раньше в Доме актера всегда был салат из капусты за 11 копеек, так я покупал по десять порций») и, конечно, чай, ибо какой же разговор без горячего чая? Тем более что у моего собеседника впереди долгая репетиция, а позади дальняя дорога. Как сразу же выясняется — за рулем собственного автомобиля.

— **И давно вы водите машину, Роман Андреевич?**

— «По-взрослому» — недели две. И знаете, нравится. Машина у меня первоклассная — легкая, удобная, белая, марки «Ока». Конечно, на наших дорогах такое же бескультурье, как и везде: один сигналит как бешеный, другой монтировкой замахивается. Правда, взглядевшись и узнав, начинают улыбаться. Одна женщина от неожиданности чуть не совершила дорожно-транспортное происшествие — за рулем разве можно отвлекаться! Но, несмотря на все сложности, привыкаю, осваиваю: я человек азартный.

— **Долго мечтали о собственном автомобиле?**

— Можете мне не верить, но не мечтал никогда. Наоборот. Любил ездить в метро: во-первых, потому что приятно быть среди людей, а во-вторых, мне просто не хватало терпения переживать «пробки». По натуре я паникер и постоянно переживал из-за всего: сходил с ума перед выступлениями, нервничал, если мы, не дай бог, куда-то опаздывали. Вот Витя Ильченко был полной мне противоположностью: сдержанный, интеллигентный, рассудительный. Он все просчитывал, анализировал, не суетился. Любил почитать научные журналы, помолчать. Интересно, что со временем мы как-то незаметно начали перенимать друг у друга некоторые качества. В последние годы Витя стал страшно разговорчивым, мог часами философствовать о мире, о смерти, о политике... Я же, наоборот, сейчас более спокойный, не такой вспыльчивый. Предпочитаю побыть в тишине, дома — помолчать. Понимаю, конечно, что женщины нужны ласковые слова — хотя бы: «Как ты вкусно готовишь!» Или: «Как ты замечательно выглядишь!» Но после выступлений настолько устаешь от звука собственного голоса... Виктория — моя жена — уже привыкла, старается не терять. Она у меня вообще женщина строгая и самостоятельная.

— **Жене актера трудно быть не самостоятельной. На семью у вас, наверное, времени почти не остается?**

— Стараюсь находить, тем более что у нас появилась внучка — чудо такое. А раньше, разумеется, одна суета: гастроли, репетиции, концерты — дети росли почти без меня. И выросли. Лена заканчивает Первый медицинский, сын, Паша, поступил туда же. Такой коротко стриженный балабол: катается на скейтборде и пользуется огромным успехом у девочек. Он, хотя и снимался в «Ералаше», в актеры не особенно рвался, а вот дочку пришлось серьезно отговаривать — она неплохо играла в студенческом театре.

— **Потому что «работа тяжелая, а жизнь нервная»?**

— От этого при любом раскладе никуда не денешься. А отговаривал потому, что

Виктор Ильченко и Роман Карцев. 70-е годы

вижу: с ее внешними данными в героическом амплу успеха добиться трудно. Честно сказать, боюсь я театральных институтов. В них нормальные ребята начинают осознавать себя этакой богемой... Мне не хотелось бы видеть это в своих детях.

— **Тем более что сам Роман Карцев «вышел в актеры» из самодеятельности?**

— Институт я окончил заочно, когда был уже профессиональным актером, а самодеятельным артистом действительно слыл с пяти лет. Встану на табурет и перед своей «разношерстной» публикой (папа — футболист, мама — секретарь партийной организации) начинаю строить рожи. В школе мне за это «искусство» влетало постоянно: заберусь на печку, «творю» — учителю не видно, а класс умирает от хохота. Однажды от усердия провалился в дымоход, так меня чуть ли не пожарные вытаскивали — крик стоял страшнейший.

После школы пошел на швейную фабрику наладчиком. Вот где была слава: любимый артист фабрики! На всех праздниках выступал: пел, плясал, играл на домре, аккордеоне, даже акробатикой занимался, причем серьезно. Но, конечно, драматический жанр всегда оставался на первом месте. И очень я был смелый парень, ну очень правдолюбивый. Помню, к нам в цех прибыл директор фабрики, депутат, коммунист. Подошел к девушке, что-то спросил, а та продолжает шить. Он как рявкнет не нее: «Встань, корова!» Девушка в слезы, все опешили, а я вдруг откуда ни возьмись: «Извинись, — говорю, — жлоб». Ну, он долго меня искал, я ведь маленький да худенький был (до 33 лет 47 килограммов весил). Меня, естественно, уволили, я судился — восстановили, опять уволили. И все это время я про-

должал выступать: сначала во Дворце культуры моряков, затем в театре-студии «Парнас-2», откуда, собственно, и вышли Миша Жванецкий с Витей Ильченко. Там меня и Аркадий Исаакович Райкин приметил.

— **И позвал к себе в Ленинградский театр миниатюр?**

— Да-а, когда я получил приглашающую телеграмму, пол-Одессы чуть не умерло от зависти. Хорошо, что позже Миша с Витей приехали, а то не знаю, как бы я один вынес столько нового и удивительного. Жили мы в общежитии, денег было до смешного мало, зато — работа рядом с самим Райкиным (а это такая школа, никакой институт не сравнится!), поездки по всей Европе, общение с замечательными людьми (Товстоногов, Юрский, Барышников — целый мир открылся)... Кстати, мы с Витей всегда тянулись именно к театральному кругу, среди эстрадных артистов друзей почему-то почти не было...

Витю мне, конечно, никто не заменит.

— **Вы всегда понимали друг друга?**

— Мы старались. Витино слово было для меня очень важным: в чем я не прав, где «пережал», переиграл, на сцене и даже в жизни. Хотя вне театра предпочитают не играть. Он вообще умел найти подход к людям. Например, к Жванецкому с просьбой переделать что-нибудь в миниатюре обращался только он. Оба они технари, оба закончили один институт. Бывало, подойдет Витя к Мише, начнет: «Ты знаешь, японцы новый кран создали, такой, понимаешь, кран замечательный» — и незаметно вырывает к нужной теме. А как он мог читать текст Жванецкого перед художниками! Слово белый стих — никто ничего не в состоянии был понять, даже сам Миша...

— **Неужели вы ни разу не поссорились?**

— Один раз. Очень серьезно — неделю не общались. Вместе играли и — не разговаривали, ужас какой-то был. И представьте себе, из-за женщины.

— **Ну конечно, из-за кого же еще.**

— Действительно... Хотя мы и до и после того случая никогда не ревновали друг друга, не завидовали. Я-то всегда слыл очень влюбчивым. В основном мне нравились девушки высокие, примерно на голову выше меня (у жены рост 170). Вот только целоваться было неудобно, приходилось на бордюры вставать или ей нагибаться.

— **А если серьезно — что вы особенно цените в женщине?**

— Женственность и еще раз женственность.

— **А интеллект?**

— Только средний. Очень тяжело с умными женщинами общаться...

— **Понятно. И как же вы с Виктором преодолели тот «любовный кризис»?**

— С помощью чувства глубокого ува-

ИТАР-ТАСС

Кадр из фильма «Нечистая сила»

жения друг к другу. Нас даже квартира не смогла разлучить: в Москве нам дали сначала одну на двоих: выбирайте, мол. У обоих семьи, у обоих по двое детей (девочка и мальчик). Кинули жребий — досталась мне. Где-то через год и Виктор справил новоселье.

— Роман Андреевич, а не обидно с вашей известностью, с тем успехом, который сопровождал вас все время, не иметь возможности жить в роскоши?

— К роскоши я действительно не привык и не могу сказать, что сильно от этого страдаю. Наверное, за кордоном с подобной популярностью можно жить получше. Но ведь и у нас появился шанс мечтать не о светлом будущем, а о реальных перспективах: дом, «мерседес», достаток... Если у кого-то мечта осуществляется, я только радуюсь. Раньше, например, мы все время отдыхали на теплоходе — Одесса—Батуми. Выступления, шашлыки, общение — да сто лет я видел все эти комфортабельные дома отдыха и курорты! Прошлым летом впервые поехал в хороший санаторий, в Сочи. Замечательно, конечно, — красота, внимание, обхождение. Посмотрел, как некоторые артисты окружают себя обстановкой загадочности, шика: завтрак в номер, охрана, встречающие, провожающие... — недоступность будоражит публику, подогревает интерес. Да и бога ради, если ты человек культурный, воспитанный и не позволяешь себе хамства по отношению к другим. У каждого свой стиль жизни. Мне лично приятнее свободное общение: кому-то ты слово доброе скажешь, кто-то — тебе. Я и ел вместе со всеми в

столовой, и с кортов не вылезал: даже не подозревал, что теннис такая потрясающая игра. Тренировался три раза в день — замечательно поддерживает тонус!

— Теннис, насколько я понимаю, — ваше новое увлечение. А чем вы еще поддерживаете тонус?

— Пью, честно скажу, мало, а вот по утрам бегаю обязательно. Заодно повторяю тексты. Жванецкого же учить невозможно, хуже чем иностранный. Я даже иногда ночью от кошмаров просыпался — снилось, что слова забыл. Жванецкому вот однажды не повезло: врачи ему бег прописали, а он его терпеть не может. Все полученное «удовольствие» Миша отлил потом в миниатюре «Бег»: целый трагифарс получился. Жванецкий вообще, на мой взгляд, оттого и велик, что трагикомичен. Я же в каждой вещи стараюсь найти фразу, жест, пластику, которые убрали бы мрачность и жуткий смысл. Чтобы рождался смех, но не пропадали ни ощущение, ни мысль.

— Значит ли это, что количество смеха на единицу времени — не главный показатель успеха для вашего жанра?

— Как сказать... Иногда меньше смеха, но больше понимания — и это дороже. Потом, у нас ведь тоже были разные творческие периоды. В Одессе, вернувшись от Райкина и создав свой театр, мы играли с невысказанным энергетическим зарядом. Любая миниатюра начиналась на такой ноте, что сотрясались стены. «Дайте мне два билета, дайте!» — орали мы. Публика просто уползала после концертов, ее разгоняли конной милицией. Позже, уже в Москве, в спектаклях теат-

ра «Эрмитаж», в таких программах, как «Птичий полет», «Искренне ваш», смеха стало меньше, но чувствовались взаимность, искренность восприятия. А свой любимый шлягер зритель находит в любом концерте, и это невозможно предугадать. Все настоящее, кроме физики и математики, по-моему, рождается случайно.

— Ваши роли в кино — тоже дело случая?

— Скорее, результат интереса к новому. Я, кстати, не считаю свои роли каким-то успехом, даже Швондер в «Собачем сердце» — это эксплуатация уже отыгранных штампов. Мне и в кино сниматься не очень нравится потому, что там нет места импровизации. Любимая репетиция — это когда много споров и шума, когда режиссер предлагает — актер отвергает, актер предлагает...

Что касается ролей в кино, я недавно отказался от съемок в фильме — такой наворот фарсов, что уже скучно. И наоборот, заинтересовался предложением из Петербурга: драматическая роль, лирический герой, образ, над которым хочется подумать.

— Ваше искусство, по-моему, как маленькое открытие: вроде бы и мир вверх ногами не переворачивает, и в то же время заставляет его воспринимать по-другому — чуть снисходительнее, чуть ироничнее и потому, может быть, немножко легче. Вы-то сами с каким настроением живете, как себя ощущаете?

— Да разное оно, настроение: и без Виктора тяжело, и за внучку волнуюсь — ей в этом мире еще расти и расти. Стараюсь в пессимизм не впадать, хорошо, что работа пока радует.

— Вас лично что-то может рассмешить? О мрачности представителей вашей профессии ходят легенды.

— Рассмешить меня может только клоун. Я с детства цирк обожаю: там есть и дурачество, и доброта, и эстетика. Смотрел недавно сценку по телевизору: клоун засовывал себе в штаны мяч и пытался его вытащить. Я хотел как сумасшедший, падал со стула, просто умирал... Для меня эксцентрика — высочайшее искусство, особенно у нас, в России, потому что там есть и смех сквозь слезы, и ерничество по отношению к себе. Не случайно ведь спектакль «Искренне ваш» до вмешательства худсовета назывался «Шут гороховый». Мне кажется, именно умение посмеяться над собой и спасает нас в жизни. А иначе — как бы мы все это вынесли?..

Татьяна ХАРЛОВА

Arts and crafts

Выставка Сантьяго Калатравы Музей декоративно-прикладного искусства

В стране, где архитекторы делятся на безымянных (строящих типовые микрорайоны), номенклатурных (проектирующих всякие дворцы — спорта, культуры, молодежи и пр.), а также бумажных (не проектирующих ничего, кроме фантазий, и не строящих ничего, кроме собственного благополучия), выставка испанца Сантьяго Калатравы — настоящее событие. И притом поучительное. Он молод (43 года), знает в совершенстве шесть языков, получил массу призов и премий, а построил в Европе больше, чем какой-нибудь наш самый именитый... не будем называть имен.

В музее на Делегатской выставлены макеты, фотографии, чертежи зданий, вокзалов, аэропортов, мостов, башен, ресторанов. Все черно-белое, даже крохотные деревья на макетах опылены сединой. Материалы самые простые — стекло, дерево,

сталь, алюминий, бетон. Стилль... А вот с этим проблемы: то, что делает Калатрава, не определишь ярлычком «хай-тек», «поздний модерн» или «постмодернизм». Один из отчаявшихся исследователей даже создал для его творчества особый термин — «движение-одного-человека», тем более что этот один человек соединяет в себе не только архитектора, дизайнера, художника, но и инженера. Он будто специально создан для того, чтобы быть членом Союза художников и ремесленников «Arts and crafts», возвышая инженерное строительство до искусства возможного. А я бы добавила — и невозможного: например, плавающего в озере бетонного павильона, открывающегося подобно лотосу. Его конструкции, призванные прочно стоять в веках, часто движутся, но их динамика отвечает какому-то вечному движению природы. Эти строения вообще удивительно вписываются в ландшафт, хотя не страшатся и диктовать пейзажу новые образы, как чудо техники — мост в Мериде, восстающий против чрезмерной покорности и смирения испанской глубинки. Вдохновение и расчет у Калатравы ничуть не противоречат друг другу,

больше того — ему часто приходится помнить о смете, отпущенной на строительство, коммунальные заказчики не всегда богаты. Деньги решают не все — этой истине, кажется, нам придется научиться снова. И выставка знаменитого европейского зодчего, проведенная в Москве «Европа-Академией», — прекрасный тому пример. Кстати, это первая акция новорожденной организации, и символично, что для начала выбран именно строитель, спроектировавший множество мостов, а теперь заложивший и первый камень в фундамент нового содружества.

Марина ГЕОРГИЕВА

Опорой были деньги?

«Убийство! Убийство?»
Театр «На мельнице»
(Великобритания),
реж. С.Блэкберн

Непостижимая все-таки организация — Государственный театр наций. То проведет приличный фестиваль, показав Москве, чтоб не зазнавалась, как театральная «столичность» рассредоточилась по российской провинции. А то вдруг вывезет в Первопрестольную провинциальный театр из Соединенного Королевства, чтобы укрепить москвичей во мнении: кондовость и на Западе кондовость. Спектакль молодых британцев есть нечто до такой степени нелепое, замшелое и беспомощное, что не без сожаления вспоминаешь о советских строгих критериях отбора гастролеров. Сделан он (разумеется) по мотивам романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». С первых минут видно, что традиции экспрессионизма и театра жестокости не прошли для гостей с Запада даром. Персонажи наделены обобщающими кличками (Убийца, Мать, Друг, Проститутка), а актеры тщательно копируют манеры обезумевшей нечисти, какой она представляется в страшных снах измученного поллюциями поклонника hard'n'heavy. Дико разрисованные лица, исковерканные усилием тела,

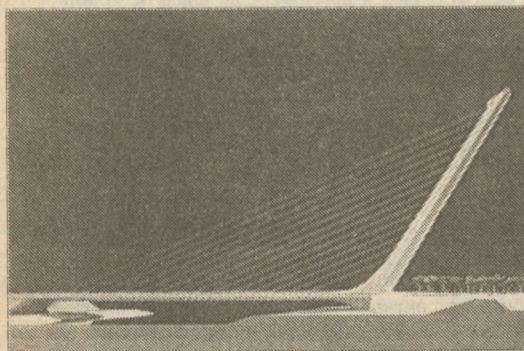
неприятные — резкие, заунывные или зловещие — звуки и, главное, ужасная скука, усиливающаяся, когда с обреченностью читаешь в «либретто», что вся трагедия людей и пытавшегося их спасти Убийцы заключается в том, что «их опорой были деньги, а не душа и духовность».

М.С.

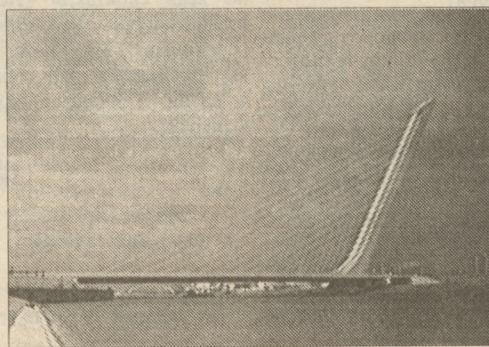
Уберите женщину из кадра

«Тщетная предосторожность»
Балет О.Виноградова,
Российское ТВ

Олег Виноградов, как все современные балетмейстеры, большую часть своей карьеры боялся подлинной балетной классики. Однако пик его постановочной карьеры — дебют в МАЛЕГОТе — все же был обозначен такой непростой безделкой, как «Тщетная предосторожность» (1971). Двухсотлетней давности галантная и фривольная комедия из жизни «пейзан», придуманная великим Добервалем, породила невероятное число трактовок и повторений. Виноградов героически выбрал совершенно непопулярный в XX веке вариант, написанный Герольдом на основе анонимной музыки к балету Доберваля с включением мотивов Россини. Этот весьма архаичный и эклектичный «компот»-дивертимент, по сути, отражает собой последний этап героической борьбы «демократического» классицизма с «придворным» барокко, в результате которой, как известно, стал «на цыпочки» романтизм. В наше время, решаясь на постановку такого спектакля, балетмейстер прежде всего рискует впасть в ересь «драмбалета». Вторая опасность — получится длинно и скучно. Ну и последнее, что останавливает выпускников столичных творческих вузов: большой романтический балет с его отточенной и предельно формализованной техникой ставить очень трудно, и труд этот не в почете. Оттого популярен сегодня так называемый «свободный

Мост через реку Гуадалкивир. набросок и воплощение

танец». Виноградов счастливо избежал всего этого дважды: сначала земную жизнь пройдя до половины, и вот сейчас, подытоживая вторую половину. Восстанавливая свою «Тщетную» на сцене Мариинки, он сохранил ее хулиганский задор и некую «археологическую» дотошность. Однако телевидение, которое отродясь не демонстрировало ни вкуса, ни изобретательности при показе классики, сделало все возможное, чтобы испортить впечатление. Какая-то дикая баба (ей-богу, не тянет она на «тихую даму») в кадре и за кадром несет дичь «юбилейным» голосом. Звукооператор (не с ее ли подсказки?) в комедийных эпизодах «подкладывает» дикий гогот якобы зрителей, которые в Мариинке якобы корчатся от смеха, когда исполняется характерный танец. А телеоператор, привыкший снимать «говорящие головы», ни разу не задумался, что оркестровая яма неспроста разделяет сцену и зрительный зал, а у танцовщика «играют» ноги, но не лицо. Следует ли из этого, что не надо показывать балеты по ТВ, а кому охота — пусть покупают билет на балет? Следует, конечно. Но этому совету трудно следовать даже жителям прекрасного Петербурга, не говоря об аборигенах необъятных просторов нашей родины. Тем более что можно ведь наставить камеру в районе 8-го ряда, а даму в кадр не пускать. Все очень просто.

И.Л.

Без пафоса

«Ой, боже ж мой!»
ЦСДФ, реж. Т.Скабурд

«Абсурд живородящ, он производит форму. То же, что творится в нашей стране, имеет совершенно другое название — белиберда», — сказала, предваряя этот фильм, автор сценария Надежда Кожушаная. В отличие от многих Татьяна Скабурд и Надежда Кожушаная перед белибердой не только не растерялись, но даже попытались привести ее в систему. Их короткометражка — о нас с вами. О том, что мы едем в Москву из Жмеринки и пьем в

поезде. Что, приехав, продаем на вокзале сардельки, а затем звоним знакомому, чтобы передать посылку, и опять же выпить. О том, что на московских улицах иногда встречаются стоящие на приколе троллейбусы — и в них тоже можно выпить. Трудно сказать, у кого заслуг перед фильмом больше — у режиссера или сценариста. У первой не отнять профессионализма, у второй — умения чувствовать смешное и грустное, а главное — умения обозначать свои чувства. Надежду Кожушаную заметили давно — сразу после фильма «Зеркало для героя», поставленного Владимиром Хотиненко. Следующая ее работа — «Нога» безвременно покинувшего нас режиссера Никиты Тягунова — вызывала и по сей день вызывает отклики весьма разноречивые, но бесспорно одно — фильм сделан людьми талантливыми. Слава богу, создателей «Ой, боже ж мой!» минул соблазн превратить короткометражный фильм в концептуальное или пафосное полотно. Они просто следят за человеческими проявлениями, и в этих проявлениях обнаруживается некая закономерность. Объяснить, почему фильм (или любой другой объект искусства) гениален, — невозможно: гениален, и все тут. Обосновать «ругательную» позицию куда проще — простовато, грубо, нарочито... Продолжать так можно до бесконечности. А можно, вместо того чтобы продолжать, вспомнить великую истину: все познается в сравнении. И сравнить. В тот же вечер в том же зале та же студия показывала документальный фильм об октябрьских событиях, сработанный прозаиком Георгием Долговым. Небо и земля, господа мои. Небо и земля.

Эдуард ДОРОЖКИН

Всюду деньги, господа

«Жертва века»
Театр им. Маяковского,
реж. А.Гончаров

Островский нынче оказался самым современным драматургом, ибо его пореформенные пьесы о нас и дистанция длиною в век мало

что, кроме конкретных реалий быта, изменили. Тот же азиатский вариант европейского капитализма, где расчет множится на пресловутую широту русской души. Поставив откровенный фарс и лишив зрелище мелодраматизма, Гончаров выиграл в яркости, но проиграл в глубине. Его актеры, каждый из которых мог бы стать украшением любого театра и спектакля, — Гундарева, Симонова, Джигарханян, Лазарев, Охлупин, — играют сочно и смачно. Но остается сожаление в душе зрителя: такими мы их уже видели. Графира Фирсовна Гундаревой — разбитная ядреная бабенка, игровая, нахальная. Работа эффектная, но... было, было, было. А Гундарева находится в такой прекрасной форме, что вполне может сыграть роль не только яркую, но и сложную. А Лазарев (Лавр Миронович) лишний раз демонстрирует гротескные краски. Е.Симонова в роли Тугиной, пожалуй, единственная ведет лирическую линию спектакля, и ей удастся быть не только жертвой, но и, как раньше писали в школьных сочинениях, «продуктом века». Как быстро избавляется она от своих иллюзий, как стремительно принимает предложение Прибыткова.

Она увлечена, но помнит о долговых расписках. Такая с обрыва не бросится, а постарается вернуть утраченное состояние. Симоновой удастся передать это сложное сплетение драматизма обманутой души и расчетливости деловой женщины. Гончаров «вставил» спектакль в своеобразную раму — «отбивкой сцен» становится появление полуодетых девиц и разбитных лакеев. Да и само оформление, например красные фонари, — сплошной намек на разгул и всеобщий кутеж, когда можно и состояние спустить, и о выгодной сделке договориться. «Всюду деньги, господа, а без денег жизнь плохая, не годится никуда», — поет хор. Спектакль об этом — о новой реальности нашей жизни, где поездки «за туманами» вытеснены жестким расчетом. Гончаров поставил спектакль, конечно, несколько прямолинейный. Мораль его до предела ясна. Но удовольствие искушает все претензии. Деньги деньгами, а душа жаждет праздника.

Валентина ФЕДОРОВА

Сцена
из спектакля
«Жертва века»

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Дневник И.

Единственный в мире Авангард Второй

Обывательские хроники

Алла БОССАРТ

Когда великая эпоха разворачивалась в марше, а энтузиазм заменял сливочное масло и жилплощадь, — люди сочиняли новые искусственные формы, по которым можно было бы разлить эту новую, искусственную, с природой несообразную жизнь. Ее зашифровывали в супрематические иероглифы, закручивали в спирали кинетических башен, из ее замешенной на дерьме железной трухи лепили термитники коммунальной любви и дружбы, а неудавшиеся попытки конструирования там кристаллических детей заменили прививками новых имен. И барахтались в своих мокрых пеленках красные большевистские личинки, мешая свой беспомощный рев с ревом примусов, на радость эпохе приклепанные к ней жестяными святцами: Индустрии, Полиграфы, Аномалии, Диктатуры, Электроны, благозвучные гибриды Маркса, Энгельса, Ленина и Октябрьской революции — Малоры; сучила среди этих ребят ножками и особо крупная лингвистическая удача родителей: Даздраперма, великомученица международной солидарности трудящихся...

Из этих имен можно разложить, если хватит таланта, презанимательный лирический пасьянс о крепостных той эпохи — по примеру могучего отступления о мертвых душах в одноименной поэме. Но таланта, скорей всего, не хватит. Поэтому мы остановимся на одном имени, которое по семейной памяти залетело к нам из той эпохи несуразной горделивой птицей типа буревестник: на бряцающем имени АВАНГАРД. А вместе с ним вернемся, к стати, и к Гоголю.

Доспехи имени бряцали на утлых плечиках левостороннего. «А-ван... Авангард? — изумленно читал в журнале учитель. — Это кто ж у нас такой Авангард? Встань, пожалуйста, А-ван-гард!» «Я стою...» — шептал Авангард, безнадежно опозоренный.

Маленький Авангард проклинал свое имя до тех пор, пока не узнал, что его назвали так в честь героически погибшего старшего брата. Первый Авангард Леонтьев пал смертью храбрых на Курской дуге. У родителей оставался второй сын, названный без заты, Валерием. А через пять лет родился третий. Мода на индустриально-революционный бред давно прошла, но в младшем немолодые уже родители воскрешали старшего, потерянного, любимого. Воскрешали, должно быть, вместе с молодостью.

Они были странные люди, родители Гарика Леонтьева.

На гребне великой эпохи, предрасположенной, главным образом, копать и отчасти копаться, они играли в самостоятельности. Причем мама танцевала и собиралась достигать совершенства по балетной части, а папа подбирался к режиссуре. Он сделал экспликацию к «Детям Ванюшина» и показал ее Мейерхольду. И Всеволод Эмильевич взял ее для своего театра. Но мама на этом этапе уже любила папу и, не чуждая художественных эмоций, горячо ревновала его. Ревновала чисто превентивно, но так страстно, что поставила перед выбором: она или сцена. Папа, в свою очередь, отвечал маме счастливой взаимностью и пошел ради ее спокойствия в инженеры. Но историческая справедливость состояла в том, что папа тоже во всю силу своих художественных эмоций ревновал маму и не хотел мириться, чтобы любимая махала ногой перед целыми коллективами. Он уважал народ, но делиться с ним этими симпатичными пирютами отказался наотрез. И мама, скрепя свое доброе сердце, пошла в совбарышни. Но и за ремингтоном просидела она недолго, потому что Николай Леонтьев уж очень упорным оказался ревнивцем и совсем изъязил жену из системы товарно-денежных отношений. И зажили они в абсолютной любви и согласии, черпая друг в друге полное счастье. Такие семьи называют обывательскими, и это правильно. Обыватель, в

отличие от артиста, обращает роковые страсти и порывы души в подлинную фактуру своей жизни и быта — житье-бытье, а не наоборот. Не житье-бытье обращает в страсти и порывы, бегая с кинжалом или там платком из кулисы в кулису. Понятно, что обывательский и актерский аспект взаимосвязаны, подпитывают и развивают друг друга.

Чичиков, можно сказать, был обыватель, а Хлестаков, можно сказать, был артист; при этом оба носили в себе свой камерный и гениальный театр согласно наблюдению наблюдательного Шекспира. Однако между позициями Шекспира и Гоголя имеется существенная разница. Зачисляя всех в актеры мирового балагана, Шекспир отдавал нас на произвол режиссера-судьбы, Провидения. Гоголь своим ребятам дает вольную. Они сами сочиняют, сами выстраивают эстетику, сами ставят мизансцены. Герои Шекспира — орудия и жертвы судьбы. Исполнители роковой воли. Герои Гоголя — артисты по прихоти и склонности душевной, всегда успевающие улизнуть от рока: во второй том, в Петербург,

В Тарусе

в безумие — и оставить судьбу с Носом. Поэтому принцы и короли Шекспира — варвары в жерновах обстоятельств. А маленькие обыватели Гоголя — аристократы, играющие свою абсурдно независимую от обстоятельств игру. Обстоятельства громоздятся, наступают по всему горизонту — но это лишь горизонт сцены, и обстоятельства фантомны, легки и подвижны, они — условны, как декорации. Подлинный же театр, или подлинное бытие — в фантазиях героя. В разыгранных им этюдах. В словах.

Режиссер Валерий Фокин, который поставил «Мертвые души» с Авангардом Леонтьевым, который вырос в очень хорошего обывателя и артиста, — режиссер Фокин сказал в некотором нашем разговоре по поводу разных поводов: «Все застряли в тексте и особенно сюжете Гоголя. Надо бы вернуть значение СЛОВА. Как и в жизни, где все стерто. Мне нравится фраза Арто, что в слове нужна такая же значимость, как в сновидении. В сне любая подробность очень отчетлива и крупна. Такой же масштаб надо вернуть слову

в театре».

Гамлет тоже ценил слова — слова, слова... Но как варвар придавал им сакральный, «судьбоносный» смысл. Артистическое слово Гоголя аристократично. Оно свободно от границ текста и уж тем более сюжета. Оно обнажено и пульсирует, как очищенное крутое яйцо. Под стать героям, слово Гоголя независимо от обыденной реальности, как Нос — герой самой фантастичной и самой театральной прозы на свете. Повесть ведь тоже отчасти об этом — об абсурдных закономерностях внутреннего театра, преобладающих над привычными внешними связями.

Короче говоря, в юном Авангарде субъективно воплотился старший брат и объективно — зуд отвязанной театральной условности, тлеющий в глубине конкретного родительского счастья.

Свои внешние данные Гарик называет «непростыми». «Простые». — это когда красавец. Ну вот, скажем, у Алена Делона — простые данные. А у Бельмондо — непростые. Что не мешало и тому и другому прославиться в амплу первых любовников.

Европейский эстетический спектр вообще излишне толерантен. Но русский театр в отличие от французского кинематографа строг к фактуре актера. От некрасивого требуется не просто одаренность, а бьющий в глаза талант. И то — даже при этом условии первые лет десять он не столько играет, сколько доказывает. Уже зрители все поняли, а режиссерам артист с «непростыми» данными без усталости доказывает и доказывает свое право на выход. Может быть, поэтому некрасивые актеры в нашем театре и кино настолько интереснее, разнообразней и масштабней красивых...

Первый педагог Леонтьева в школе-студии МХАТ Александр Комиссаров сказал ему прямо: будешь играть после сорока. Услышать такой прогноз двадцатилетнему... Опытный мастер оказался прав. Ждать пришлось двадцать лет. А кто помнит молодого Евстигнеева? Леонова? Лебедева?

Утешение, конечно, слабое. За эти двадцать лет Авангард Леонтьев понес невосполнимые актерские утраты. Навсегда прошел мимо, например, Хлестаков. Умолял Фокина в свое время включить его в «Ревизоре» — ну во второй, в третий, хоть в двадцать восьмой состав на главную роль. Режиссер отказался. И был, как считает великодушный Гарик, прав — у него было другое решение. В этом решении Авангарду равнялся Бобчинский. Ну что ж, артист «непростых» данных тем и замечателен, что и мелкую роль вытягивает до адекватной себе. Как вытаскивал, выращивал, скажем, Москвин, скажем, Епиходова... Тем более, что у Гоголя нет мелких ролей. Как у Чехова, я думаю, — крупных... Впрочем, ладно, это большой отдельный разговор.

Дело перевалило за сорок, а Леонтьев, несмотря на свое передовое имя, уже закоренел на ролях второго плана. Да-да, все это были чистые, безупречные камни, такие, как бедняк Алексеев в «Обломове» Михалкова, но, как всякий актер, он тосковал по некоей Работе. Гарику прищуща скромная гордость обедневшего аристократа, хотя и язвят душу подавляемые и потому особенно мучительные дворянские амбиции. Он, мягко говоря, догадывается о том, что прекрасно понимают все его коллеги, а именно: что он, малорослый, узкоплечий Авангард Леонтьев с его «непростым» толстым носом и глубоко сидящими глазами, — есть большой актер. При этом в театре ему отведено хотя и почтенное, но строго ограниченное рамками амплу место характерного артиста. Ну, вроде Немецкой слободы, где хотя и проживала знать, но за Яузой дворцов строить не смела.

Первого апреля в «Современнике» пошутили со свойственным актерам добродушием — вывесили список исполнителей на якобы принятую к

БОРИС КОПИРОВСКИЙ

постановке «Войну и мир»; среди прочего там значилось: Наполеон — Кваша (Леонтьев), Кутузов — Леонтьев (Кваша).

Из комментариев Фокина:

— В сознании как? Гафт, Кваша — вот премьеры, остальное — гарнир. А ведь Гарик рядом с ними спокойно может встать, абсолютно на равных.

Может — но почему-то, кроме первого апреля, не встает. Потому что существует инерция обстоятельств, рутинная работа рока. И когда ты варвар и плебей, тебя эти обстоятельства размалывают, оставляя за душой только злокачественную зависть, как рак, съедающую талант. Аристократ же строит посреди этой Немецкой слободы обстоятельств свой небольшой, по росту, замок, свой соразмерный дворец, и там, за стенами частной собственности таланта, весело и самозабвенно играет свою игру — свой театр. Он существует по своим собственным законам, и законы рока вам неписаны. Евклид пусть остается плебсу. А некоторые званы к Лобачевскому. И у нас тут своя геометрия. Твоя крепость — просто в другом измерении.

Д ай, думаю, спрошу, Авангарда, не тая дебильского простодушия: а Гамлета, мол, сыграть не хочется?

И Авангард Леонтьев, хмыкнув и, возможно, удивляясь про себя незамысловатости собеседника, знакомит со своим простейшим, на его взгляд, кодексом:

— **Не-ет, зачем?! Зачем мне играть Гамлета, когда я могу сыграть Башмачкина? То, что я играю в «Квартире Коломбины» или в «Стене», — это ведь осколки (а может, сколки) Башмачкина. Все вышло из «Шинели».**

— Это осознанный выбор? Вам интересно копаться в «маленьком человеке» — или вы следуете руслу обстоятельств?

— **Я следую руслу своих психофизических данных. Я сам — маленький человек, не герой — и я себе интересен. Вот, скажем, как маленький человек утверждает себя, выходит из подчинения внешней воле... Я, знаете, всегда боялся противоречить кому бы то ни было. Ну, трудно, неприятно мне это было страшно. Поэтому я всегда был паймальчиком и вообще абсолютно примерным человеком. Я был лучшим пионером лагеря. Меня так и вызывали на линейке: «Лучший пионер лагеря Гарик Леонтьев, на флаг!» Я бежал — и не мог сдвинуть трос... Я не сумел набрать в силе — по нездоровью. И стал набирать в упрямстве. Теперь Табаков говорит, что со мной невозможно иметь дело, такой я упрямый. Была одна роль, которую я считаю своей огромной жизненной удачей — не только потому, что на меня в ней впервые обратили внимание, но и потому, что она наметила какой-то сдвиг в самосоз-**

«Нумер в гостинице города N N». Сцена из спектакля

нании. На дипломе я играл царя Федора. Над одной репликой мы с Масальским бились два года. Значит, тишайший царь, подверженный влияниям, он разрывается и безумно страдает от этого. И была реплика о его праве на самостоятельное решение, на свое суждение. И вот на спектакле, а играли мы на сцене «Современника», полный зал мастеров, Ефремов, мхатовские зубры... — я произнес эту реплику, — и раздали аплодисменты. Потому что я впервые говорил это от себя.

Самый первый педагог Гарика

Леонтьева, еще в школьной самодеятельности, Анна Гавриловна Бовшик, которой он сохранил преданную благодарность, в одном из писем ему определила круг ролей, которые он, по ее мнению, должен играть. Туда входили они все — Епиходов, Мармеладов, Снегирев... Великий второй план, разрыхляющий почву для произрастания различных русских загадок. Культивировать в себе эти загадки и веками их решать — литературой были призваны главные герои. Они не были писаны для артистов с «непростыми» данными.

— Жаловаться — удел актеров. Потому что существует ненасытная жажда игры, ее невозможно утолить. Всегда кажется, что недоиграл. Я не жалею, бывает хуже. Хотя, конечно, актерские амбиции всегда связаны с главной ролью — а их у меня почти нет...

Но есть в русской литературе один автор, который вложил дух свой, одержимый безумным гением, в ничтожнейших; говорить от имени своей бессмертной души со всеми ее загадками доверил обывателям самого мелкого разряда. Этот автор открыл язык русской прозы. Эти обыватели породили Вавилон ее персонажей, весь первый, второй и двадцать восьмой состав.

Башмачкин, Хлестаков, Чичиков. «Царь Федор» был тем тренировочным боем, который установил весовую категорию Леонтьева. Эту категорию определил и точный глазомер «стариков», хотя приглашенная Массальским в качестве эксперта Алла Тарасова, замечавшая в этой роли Москвина, заметила: «Очень далекие глаза!» Но сразу два приглашения — во МХАТ и в «Современник» — Гарик после спектакля получил. Почувствовал свою категорию и сам артист. Конечно, конечно же это был вес Башмачкина. Но именно Башмачкин! Не эпизод, пусть блестящий. Не второй студент или третий чиновник. Сам Акакий Акакиевич — величайший из маленьких людей, их тишайший царь, главная пружина русской литературы и русского театра. Обыватель, из собственных страстей строящий свою трагическую реальность. Эпический герой русского абсурда. Крохотный, как его мечта, — и огромный, как горячая тень этой мечты, павшая на Россию.

И вот вернулся после заграничных контрактов разочарованный Фокин. Стоксовавшийся по русским артистам в американском деловом театре, у немцев, играющих как заведенные автоматы, даже у близких славян — поляков, с которыми ставил в Кракове «Мертвые души», традиционный булгаковский вариант.

Из комментариев Фокина:

— Я почувствовал, что заглянул только с одной стороны, в щелочку. А поэма ведь невероятна. Я открыл одну только дверь, а там еще множество дверей. Героя-то я и пропустил. Там он — лишь основа интриги, а мне захотелось его прощупать. Вытащить Чичикова — любимого героя автора. Дать ему объем, этому человеку, который заигрался, ступил на очень опасную стезю, связанную с мертвыми, с мистикой, с дьяволом...

Вот с этой начинкой явился Фокин и стал себе думать и примерять в неусветной своей голове — актера к концепции. (А Феклистов тем временем репетировал Башмачкина. Да-с.) А когда примерил и все швы подогнал, — стало ясно, что в России есть

один артист, который потянет эту работу, — Гарик Леонтьев. А поскольку воплотить режиссерский замысел возможно было только в России — то Гарик Леонтьев, таким образом, оказывался единственным в мире.

Спектакль «Нумер в гостинице города NN». «Н.В.Гоголь «Мертвые души», — как известно, построен в форме монологов Чичикова, центральным из которых является монолог о мертвых душах — о крестьянах, перечисленных в купчей. Супербытовые эпизоды, где Чичиков страшно подробно ест, бредется, одевается, раздевается, пишет, — чередуются с сюрреалистическими сценами, решенными в пластике как бы кошмарного сна — обступают мертвецы, полурасложившиеся трупы с какими-то колотушками; выныривают клыкастые карлики со свиньи рыльцами — лезет из щелей всякая чертовщина по Чичикову душу — смешно и жутко, не уйти, не скрыться: бежит Чичиков, не двигаясь с места, увязая, как в песке, в погибельном своем анекдоте.

Фокин не только, следуя своей мечте, возвращает первозданность гоголевскому слову, в котором купается, смакуя и как бы лепя каждое, Гарик Леонтьев; режиссер делает еще одно вполне великое дело: уводит Гоголя из хрестоматии. Обнаженный прием — сюжет в скобках, драматургия лирических отступлений, — очищает «Мертвые души» от полуторавекового напластования социальных ярлыков, разрушает представление о поэме как о плутовском или сатирическом романе вроде «Двенадцати стульев», где национальный плут выявляет национальных монстров. Монстров мы все знаем, и, не отвлекаясь на них, герой разбирается прежде всего с собой, с жизнью и смертью, с Россией — то есть выполняет функции автора. Пластика гоголевского мироощущения, окрашенного душевной болью, перерастающей в душевную болезнь, — вот какую задачу поставил Валерий Фокин перед своим другом Авангардом Леонтьевым и маленьким немым ансамблем, озвученным сумасшедшими ударными Пекарского.

Странное скачкообразное действие с долгими паузами и неожиданными рывками бреда рождает у зрителя ощущение радостной гармонии между всеми элементами спектакля: замыслом режиссера, возможностями актера, точностью художника, трогательной добросовестностью реквизита и плотностью музыки. И чувство, близкое, уж простите, к гастрономическому наслаждению, возбуждает та свобода, с какой артист буквально под носом у зрителя совмещает два пласта гоголевского мира: прозу и поэзию.

Вот Чичиков, загнанный, спасаясь от преследования живых и мертвых, неведомо как оказывается на шкафу, — и ужасный обзор открывается

ему: коляска не заложена, она рассохлась и разлезлась, и в этой коляске — вся Россия. Страна располагается, вязнет в свиной жиже, щаж и тараканах. Финал.

Хотя режиссер считает, что до таких обобщений они пока не добились.

Методологический комментарий Фокина:

— В Гоголе ворочается Россия — с лужами, свиньями, с оцепенением, тупостью, щами и тараканами. И плюс к этому — сновидения, которых в реальной жизни быть не может, но которые возникают из этих тараканов и этих щей. Я искал и добивался этого сочетания. Такой спектакль диктует свои пространственные, архитектурные условия: комнатного театра, который потребует умения существовать на расстоянии вытянутой руки. Существовать, с одной стороны, очень по-киношному, а с другой — взрываться и прорываться в inferнальность. Композиции не было, была схема, в которой расписана партитура. Но дальше каждый из шести эпизодов готовился этюдами. Мы обрастали ими, искали подробности. Все детали работают крупным планом, который пропадает при постановке сюжетной канвы. Все приобретает значение: поворот глаз, упал карандаш — все обращается в звуковую и пластическую мизансцену тела. И тут, конечно, требовался артист, который бы меня понимал и знал: это интимная работа. Смысл моих этюдов в том, чтобы актер не боялся говорить от себя, открыл в себе Чичикова. Для этого надо находиться с актером в неких отношениях. Мне нужен был такой, с которым мы вместе проходили эту школу, с которым читали одни и те же книги в детстве, — с которым говорим на одном языке. И конечно, это — Гарик.

Все, что он продлевает на сцене, — это ведь не просто этюды. Это обнажение, рассекречивание каких-то очень личных моментов жизни. Бритье это, туалет, одевание, обращение с вещами... (Однажды я случайно подглядел, как Аркадий Исаакович Райкин причесывается. Он меня не видел. И минут 20 занимался своей седой прядью! Отходил от зеркала, подходил, выбивал эту прядь, укладывал — страшное дело!) То есть, понимаете, есть этюды, в которых, открывая себя, начинаешь двигаться к образу. Это не с каждым артистом можно. Гарика я заставлял разоблачаться — и он на это шел. Играл, скажем, с лысиной — подробно, зализывал, замазывал, закрывал — культивировал.

Гарик гибок, умен, азартен, у него абсолютное чувство юмора, он способен к самоиронии и, значит, к самооблачению. При том, что в нем, действительно, есть какая-то завбавная чичиковщина. Он очень основательный, аккуратный, считает деньги... Я, когда работал в «Совре-

Месяц в деревне

меннике», — нищим был и постоянно у него занимал. Так он меня порицал: что ж ты, брат? Как же это тебе до зарплаты все не хватает? Народ знал — у Гарика можно занять. У него всегда было. Не выпивает, не игравает, холостяк — закоренелый, как Чичиков. Да, там есть что поиграть... Ему нужна была эта работа, он ждал ее. Давно ходил в «хороших» артистах, но не вырывался в лигу номер один. А Чичиков, мне кажется, пропуск уже туда.

Фокин мечтает, чтобы Авангард Леонтьев сыграл у него Смердякова. Он считает, что и это в нем есть.

Не знаю. Я смотрю на Гарика другими глазами. Глазами нашего общего друга детства (автора публикуемых фотографий). А глаза старых друзей, даже вооруженные, — пристрастны.

Когда он впервые увидел свое имя, выбитое на траурной плите, — «Авангард Николаевич Леонтьев», — его посетило странное ощущение раздвоенности: будто бы два времени совместились в нем или сам он, мертвый, глядит на себя живого из своего прошлого. Каждый год он ездит в это село под Курском, где его отец нашел после войны братскую могилу и поставил там памятник своему старшему сыну и неизвестным солдатам. Гарик ухаживает за могилкой, помогает сельской школе, где, хотя и «никто не забыт, ничто не забыто», — денег на ремонт маленького местного мемориала не хватает. Переписывается с учительницей «красных следопытов», помогает и ей. Все это — очень аккуратно и обстоятельно, что правда, то правда.

Можно приписать аккуратности и степенности годы, проведенные только на работе и дома, без трат на развлечения среди добрых друзей и милых женщин — когда болела его старая мама, которую уже некому и

не к кому было ревновать. Гарик жил с ней один и оставался при ней до конца — проворной сиделкой, сестрой милосердия, отцом, сыном и почти святым духом. Было не до себя, так и осталось.

«Но одиноким может быть и семейный человек. Человек вообще — существо одинокое. Умирая — он абсолютно одинок, кто бы ни сидел у его изголовья. Но каждому нужны понимающие его люди. Я счастлив — они у меня есть: на работе, и не на работе, и мои студенты. У меня есть любимая работа. Поэтому 26 лет в театре — промелькнули, как счастливый день. Мне было очень легко здесь дышать. А теперь новое счастье — ГИТИС и студия Табакова. Это не заработок, а дополнительная головная боль. Даю на отсечение все, что можно отсечь: студенты — это только по любви.»

Авангард Леонтьев предан своим студентам точно так же, как предан был матери, как предан памяти брата, единственному другу детства, любимому театру, где он проработал всю свою жизнь. Как предан себе.

Эта верность себе, поставленная выше обстоятельств, аристократизм обывателя и артиста, пренебрежение богемой, — дают силы для самоограничения. В телевизоре Авангард Леонтьев не появляется, «непростыми» данными своими не торгует. Снимается мало, и я не помню с его участием ни одного стыдного, пустого фильма, ни одной дешевки. Считая деньги, бережет все-таки время и, как ни махрово это звучит, — душу. В ассистентских кругах на студиях о нем уже говорили: к этому не надо обращаться, он отказывается. Отказывался легко. Так и рассосалось. Но и другой слух прошел о нем в кино — как о педагоге. Матерые режиссеры стали приглашать

ассистентом по работе с актерами. И, сам режиссер и замечательный артист, Гарик едет за Никитой Михалковым — репетитором. Правда, в Рим. Правда, на репетиции спектакля «Механическое пианино». Правда, с Марчелло Мastroяни.

И вновь он счастлив — до ночи биться без переводчика с каким-нибудь итальянцем над загадочной репликой: «Я — дуранда!» А поутру тратя деньги — на музеи, а также на ravioli и спагетти, поскольку всей своей экономной душой аристократа презирает русский обычай таскать за собой повсюду ящик с консервами. Ночами же — гуляя по Риму и выискивая среди колоннад следы Николая Васильевича Гоголя...

— Там мне казалось — я понимаю его. Понимаю, как он жил в этом сказочном Риме, писал и тосковал по России — безумно. Я понимаю, почему именно там, в полуденной Италии, ему открылось последнее видение маленького сумасшедшего Поприщина: русские избы, и матушка сидит в окне.

И если в сиреневый час, когда русская проза совмещается с итальяским бельканто, — наш степенный герой изредка засыпал, — кто его знает, что там ему снилось на рассвете, в счастливых замкнутых снах под барочными облачками?

Это нетрудно вообразить: в нашей слободе мы умеем сочинять сновидения.

Снится, допустим, Авангарду, как гуляет он по Гоголевскому бульвару, легко дыша бензином и сиренью. Прохожие люди тенями летят мимо памятника. И стоит этот идол, непомерный истукан, с прокурорским выражением ответственного секретаря союза писателей на лице, и в каждом обтрепанном хиппаре, что толклись давеча у его подножия с уздечками на лбу, — сердца, ума и смысла больше, чем в его чугунных глазах.

А того полупомешанного морфиниста, искрящего разрядами бронзовых прозеленей, охваченного шизоидным поприщинским лукавством, с локтями, трепещущими под шинелью наподобие крыл, — того задвинули во двор, чтоб никто не видел. Как в психушку. Вот и сидит он во дворе, завесив волосами носатое лицо, и не солнце это, не фонарь над подъездом, а отблеск от объятого березовым жаром второго тома.

Нету никаких положительных героев. Ну разве что — Даздраперма. Да и у той под самым носом — если уж откровенно — вислые, неуловимо знакомые усы.

ВЯЛЫЕ УШИ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Как-то раз баран Валентин не вытерпел и все-таки надел колготки (Ливайс, новые, сам распечатал), но не до конца, концы болтались.

Это произошло вечером.

Утро на надетой части колготок, а именно между рогами, обозначились стрелки и пунктиры, а в одном месте в образовавшуюся лакуну выпала наружу шерсть.

Баран Валентин посмотрел на себя в зеркало, екнул, но сдержался (без этих феминистических штук типа «ну и вид, кошмар, я прямо обезьяна, как ты думаешь»).

Овца Римма (от доильного аппарата) закашлялась и достала полотенце, которым замотала себе рот.

Мимо же проходившая козлова бабушка Маланья спросила без надобности: почему брал, и потом, через паузу, это что же за цена такая.

Придя домой, бабушка Маланья рассказала всю процедуру внуку Толику (тот лежал на раскладушке прямо в ватнике и с блюдцем поверх ватника).

Козел Толик пошуровал в блюде, нащупал там соленый помидор и стал его высасывать, заливаясь едким соком, но и на слова своей бабушки Маланьи не возражал.

Дело кончилось на том, что коза Марья поперлась на вещевой рынок и купила сыну на очередную свадьбу колготки фирмы «Уолт Дисней предлагает» (мэйд ин Косино Окт. ж.д.), и все произошло так, как рассказывала бабушка Маланья: т.е. наутро у молодого козла колготки поехали между рогами, и в образовавшееся свищ вылез клок шерсти, а остальное пространство было испещрено стрелками, полосками и пунктирами, т.е. правда восторжествовала.

Общей мужской моде не подвергся, однако, волк Семен Алексеевич, у него не на что было натянуть колготки, при отсутствии рогов уши оказались вялыми.

Песнь о юном кооператоре

Сраженный пулей рэкетира
Кооператор юных лет
Лежит у платного сортира
С названием гордым «туалет».

О перестройки пятом годе,
В разгар цветения ея,
Убит при всем честном народе
Он из бандитского ружья.

Мечтал покрыть Страну Советов,
Душевной полон широты,
Он сетью платных туалетов,
Но не сбылись его мечты.

На землю кровь течет из уха,
Застыла мука на лице...
А где-то дома мать-старуха,
Не говоря уж об отце.

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

И несколько разбитых стекол...

В России никогда не было толстого журнала, целиком посвященного поэзии. Издательство Русанова решило восполнить пробел и выпустило первый номер журнала «Арион». А в предисловии очень удивилось: неужели в наш постмодернистский век можно еще хоть в чем-то быть первыми? Чтоб очень не зазнавались, Олег Чухонцев назвал идею «перезрелой» (впрочем, «Дню поэзии» досталось круче: его поэт обозвал «помойкой»)...

Журнал получился славный: и смакетирован грамотно, и бумага белая, и стекла битые есть (Хармс говорил, что хорошее стихотворение это такое, что брось его в окно — и окно разобьется) — Гандлевский, Рейн, Стратановский.

Лев Озеров радовался, что нет сектанства и кружковщины; «кружковщина» на самом деле есть, и притом замечательная: статья Григория Кружкова, в одиночку изображающего научный симпозиум по Йейтсу (в «Арионе» — «Йейтс и Волошин», в «Общей» — «Йейтс и Вагинов»), ждем продолжения.

Пенилось Рейнское: поэт звал Русь к рифме и отзывался о некоммерческости «Ариона»

как о «критерии нашей надежды». Главный редактор журнала Алексей Алехин высказался еще более радикально: в той мере, в какой поэзия неприбыльна материально, в той мере она прибыльна для духа. Странно, неужели одной «неприбыльности» достаточно, чтобы числиться «духовностью»?

...Великое обычно поднимается из подвалов, спускается с чердаков — наличие же президиума, трибуны, бомонда, банкета свет сомнения: что, если это проза? Будем надеяться, что нет; в конце концов не по презентации судить о презентуемом. Если «Арион» и не событие — так мероприятие, не происшествие — так приключение: все ж радость.

Самым «вкусным» материалом мы бы назвали дневники Якова Черняка (публикация Маэли Фейнберг, консультанта номера); а существенным недостатком — полное отсутствие сведений об авторах. Тут мы, кстати, заявляем свое решительное несогласие с последним номером «Вопросов литературы», которые считают, что поэзия это в первую очередь стихи, а уж во вторую — «судьба»; что был бы Пушкин без морошки?

Не пустой для сердца book!

А все-таки жаль, что нельзя с Антон Палычем Чеховым...

Именные конференции напоминают семинары кулинаров: а вы не пробовали заправить вареники мармеладом? а шоколадом? а «анкл бэнсом»? а что если в духовочку, да с корицей?

Стошнить — стошнит, как говорил Веничка, а вот слбевать — не слбую.

Известно, в каких «несъедобных» отношениях находились Чехов и Серебряный век. Что-то вроде взаимного скепсиса сангвиника и меланхолика. Один другого за пессимизм презирает, тот его — за оптимизм. И еще за различность и розовощекость.

Ну а после смерти, как водится: стоять почти что рядом. Вам на «че», а нам — на «хэ»...

И вот литературовед ползает по этому отрезку с дозиметром. Зачикало? Есть контакт! Нашли у Чехова скрытую цитату из Пастернака! И можно напрямиком в ИМЛИ, на конференцию «Чехов и Серебряный век».

...Полдня просплетничали о связях с Мережковскими; подтекстом звучала тоска: «Ах, почему Антон Палыч не стал любовником Зинаиды Николаевны!» Профессор Иерусалимского университета Елена Толстая привезла мысль о том, что прототипом героини «Дуэли» является именно Гиппиус: в черновике остались такие характерные приметы, как осанная талия, высокий лоб, мяг-

кие жесты; в окончательную редакцию вошли: серое платье, болезненность и эпизод с жениханьем. Мережковский, выяснилось, соблазнял невесту Спенсером. Как и Лаевский. Интересно, что, прочтя, Дмитрий Сергеич попрекал Антона Павловича за снисходительность к герою...

Супругов вообще раздражал «центризм» А.П.; по мысли Толстой, именно в пику ему Гиппиус взяла свой знаменитый псевдоним: «Антон Крайний». В поисках экстремизма ее потянуло к Акиме Вольтскому (небольшой роман 1892—1893 гг.), но никакого «Акима Среднего» это увлечение не породило...

Владимир Катаев в очередной раз инспирировал спор о том, кто же был прототипом Беликова (Розанов? Меньшиков?); Алла Грачева тонко «заправила» Чехова Арцыбашевым; Евгения Сахарова увязала с Балтрушайтисом: мужицкая кровь, сэлфмейденство, театральность; кроме того, литовец переводил Стриндберга, а Чехова один рецензент охарактеризовал так: формой — Мопассан, содержанием — Стриндберг.

Огорчило отсутствие обещанных в меню блюд: не явились С.Гиндин, М.Горячева и В.Линков и не рассказали соответственно — о связи с Брюсовым, Набоковым и Шестовым.

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯКОВ

Советник Гете и почтмейстер Шпекин

«Таяя любит Женю».

Школьница об Онегине
Это он, это он...

С.Маршак. Почта

Литератор похож на тонущего в полынье: хватаясь руками за край льда, он выламывает куски, рвет, уничтожает их спасительный спай с твердью. Действительность песчаной струйкой уходит из литературных форм; так, как пишут в каждом литературном Сегодня, писать больше нельзя. Слово живет в оболочке неизбывного вечного кризиса. (См. обо всем об этом в свежей-свежей книжке В.В.Бибихина «Язык философии». Знатокам представлять не надо.)

В поисках формы литература падает наземь и подбирает из персти все пригодное: обломки, огрызки, чужие мятые письма... Все это еще не оккультурено, а потому дышит жизнью, готово voltar в себя действительность и удержать. Дольше всего служат письма. Несмотря на длинную традицию «эпистолярного романа», Розанов уже в XX веке соглашался с Флоренским и хвалил почтмейстера Шпекина: чужие письма — самое лучшее чтение.

В своем новом проекте озорное издательство ИМА-пресс резво шагает сквозь все мыслимые кризисы, лихо сметая их со своего пути. Суть проекта уже излагалась в различных печатных органах: счастливые его участники получают по почте письма гетевского Вертера, каждому из них персонально адресованные. Два первых полученных письма заставляют вашего покорного слугу вот уже не первые сутки биться в пароксизмах до-

вольства. Наигранный наив ИМЫ, относящейся к книге чересчур доверчиво, вплоть до совпадения даты написания письма с почтовой датой рассылки на конверте, возвращает слову уникальность почти устного высказывания и тут же отнимает; находит живого автора и тут же прячет. Вертер разжился где-то по случаю компьютером, поэтому текст писем — типографский, но конверты надписаны от руки, причем не чернилами (перьевая ручка), а черною тушью (перо!). Кто шлет личности-мне это письмо? Мальчик Вертер? Советник Гете? Почтовая барышня? Контексты множатся на глазах, разрастаются, покрывают живое бытие, включают в себя толстую сумку разнощицы писем, тугой замок почтового ящика, тесноту невынутых вчерашних газет, льдистый смех бессмертного Гете, Степного Волка Германа Гессе, мэйл-арт, кроме Сетунь далее везде.

Если говорить об издательской стороне дела, то здесь ИМА-пресс исполнило конструктивистскую мечту двадцатых годов: поточное производство уникальных артефактов. Даже помимо любого своего желания получатель письма становится соавтором проекта. Потертость конвертов, домашне-уютная ленточка, перевязывающая стопку писем, да попросту ощущение: «это мне прислали, это не книжка, это частное, приватное, уединенное».

«Ты спрашиваешь, прислать ли мне мои книги? Милый друг, ради бога, избавь меня от них!» Из частного письма.

Александр ГАВРИЛОВ

Вооколика

Ночь в пригоршне Габриеле Д'Аннунцио

— Вы видели ее на ложе смерти?

— Выдел, — был ответ.

— Лицо осталось невредимым? И... какое оно было?

Отшельник, оставляющий на ночь двери открытыми, ждет к себе колдунью или нищенку,

травницу или вещунью, но большей частью, увы, к нему забредают лишь невинные призраки; поэтому когда я встречаю имя Д'Аннунцио в оглавлении «Иностранной литературы», я еще раз убеждаюсь в итальянском происхождении чудесных предвестий.

Из событийных публикаций

четвертого номера я выбираю именно его повесть и вспоминаю высказывание Розанова, говорившего, что после смерти Чехова разве Д'Аннунцио остается еще заметной фигурой в пространстве Европы.

Русские символисты, бредившие итальянским «сверх-поэтом-нищанцем», оставили нам его собрания сочинений. В наше время, разбросанный по антологиям, Д'Аннунцио оставался таинственным незнакомцем, поэтому нынешняя публикация «Леды без Лебеда» (перевод Наталии Ставровской) требует к себе внимания: проза, для приговления которой корень мандрагоры, верно, варился в кобыльих соках, стоит нашего взгляда.

«Леда без Лебеда», чудный гобелен текста разворачивается с мягким шелестом, и аллитерация названия перекликается вышивкой с шепотом песка на дюнах, вздохами прибоа и тоскующими звуками Скарлатти. Тринадцатый, закатный, год, год твоего написания, склоняется к западу, в луга асфоделей, где блуждают души умерших и белеет полоска песка, отделяющего тебя от Бискайского залива.

Здесь, в плавниках и сумерках повести, мы встречаемся с популярным в начале века приемом: со структурированным сюжетом мифом. С трагической его разновидностью, когда миф и реальность разорваны, что означено уже в названии. Леда, царская дочь, с которой Зевс в образе лебеда соединился в водах Еврота, оста-

лась без Лебеда. Мир опустел, бывшая царевна, а ныне почти куртизанка, путешествует с не любимым мужем по курортам южной Франции, и только линия, линия, рождаясь у щеки, очерчивала ее до пят и плавно переходила в линии Леды с полтен старинных художников. Знарок античности, Д'Аннунцио неизменно украшал свои жилища копией фриза Парфенона, поэтому античная подоплека просвечивает сквозь сюжет, как статуи Акрополя, затонувшие в Эгейском море, светятся через воду. Декадентские — неизбежные — штампы: «волны печали» и «капли тоски и смерти» художественно вполне оправданы закатными картинами белесых отмелей, сосен и в час отлива — озерцами, оставленными морем на берегу.

Дивная Леда докажет вскоре свое царственное происхождение — ведь метаморфозы античности случаются и в наши дни, — но детективная линия сюжета уже набрасывает свои петли на фабулу, повесть движется к развязке, и мы по касательной покидаем ее.

Ребячливый кудесник, Д'Аннунцио напутствует нас словами: «Разве ночь не вездесуща и не вечна? Сожму кулак — и вот среди бела дня она — в моей пригоршне!» И, слушая его, я всегда ощущаю этот чудесный мрак, божественную тьму, что заполняет складку юбки или трещину в разбитом сердце.

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

Рисунок автора

Русская проза: политическое убежище

«Записки президента» как реабилитация литературы

Дмитрий БЫКОВ

Эту книгу нельзя было писать.

Эту книгу нельзя было не написать.

Нельзя писать — потому что все русские лидеры после Сталина оставили неизгладимый след в русской литературе; потому что действующий президент по определению не может рассказать всего; потому что любая его исповедь будет на заданную тему, а значит, ее воспримут как проповедь, как предвыборную программу, как рекламный трюк. Разоблачение кремлевских тайн не удаётся даже задним числом, а без сенсационных разъяснений нечего и браться за перо.

И вместе с тем без «Записок президента» невозможно было обойтись — в том числе и по самым прозаическим причинам. Существовали иностранные издательства, договоры с ними и обязательства перед собственным народом. Ельцин упорно отмачивался летом прошлого года, когда меняли деньги. Мало и общо говорил в октябре, когда стреляли танки. Воздерживался от комментариев, «сдавая» Гайдара, Федорова и Памфилову. Ельцин действовал в условиях, близких к гражданской войне. Война предполагает секретность. В его поведении наперевод искали логику — сам он воздерживался от изложения своей программы, отделяваясь общими словами. «Записки президента» призваны этот вакуум заполнить.

Судить Ельцина как политика будут потомки. И дело тут не только в том, что президент у нас во всех отношениях большой, а большое видится на расстоянии. Во-первых, мы все политически ангажированы, и даже самые независимые своей независимостью обязаны Ельцину как гаранту свободы слова (придут его оппоненты — заткнут всех). А во-

вторых, оценки уместны там, где возможен выбор. Как безальтернативен в эти три года был Ельцин, так безальтернативно было большинство его действий. Он делал единственные, а потому зачастую взаимоисключающие ходы. Нельзя было распускать и не распускать Союз, нельзя убирать и нельзя оставлять Горбачева. Надо нравиться народу и идти против народа. Нельзя быть ни демократом, ни диктатором. Четкая политическая программа в таких условиях невозможна. Исповедальная или программно-публицистическая книга — тем более. Свою «Исповедь на заданную тему» Ельцин писал в несравненно более благоприятных условиях: демократическая интеллигенция воспринимала его как стенобитный таран, народ возлагал феерические надежды; наконец — это был литературный дебют Ельцина. А к дебютантам относятся лучше, нежели к профессиональным беллетристам. Михаил Горбачев испытал это на себе в полной мере: его поздние повести, вроде «Августовского путча», с полным правом могли быть объединены под общим названием «С рыбой на елке». Напротив, реформаторская деятельность Ельцина проходит в последнее время под лозунгом «Ни рыбку съесть, ни на елку влезть» — кругом шестнадцать.

Перед Ельциным стояла задача небывалой сложности: объяснить свое поведение в каждом из спорных и загадочных послеавгустовских эпизодов. При этом он должен выглядеть добрым. При этом ему положено выглядеть жестким. Гипнотизирующим повторением тезиса «Я ваш президент» такая проблема не решается. Нельзя ни слишком раскрыться, ни слишком закрыться. Надо сохранить таинственность — и объяснить пружины своей политики. Короче, поди не знаю куда, принеси

не знаю что. Станешь оправдывать жесткую линию в октябре — взвоет широкий спектр публицистов от «Совраски» (ласковое прозвище «Советской России») до Сараски (ласковое прозвище Л.Сараскиной). Начнешь извиняться — народ почует слабинку. Средствами традиционной политической публицистики тут ничего не сделаешь.

На помощь Ельцину пришла русская литература. Битая-ломаная, руганая-переруганая, объявленная виновницей всех национальных бед. Президент с консультативной помощью В.Юмашева написал художественное произведение. Ибо для решения всех взаимоисключающих проблем необходима прежде всего некая МЕРА УСЛОВНОСТИ. Приемы, тропы, лирический герой. Воздействие не столько на разум, сколько на эмоции. Русская проза в который раз бросила спасательный круг русской политике.

Собственно, жанр «записок» в нашей прозе прижился давно. Вся русская литература выглядит сплошными «Записками сумасшедшего охотника из подполья мертвого дома, на манжетах». Обращаясь к этому жанру, автор исходит из соображений двойной маскировки. Во-первых, предмет записок, заявленный в названии, как правило, не имеет ничего общего с главной темой сочинения. «Записки охотника» меньше всего рассказывают об охоте, записки многочисленных сумасшедших в наименьшей степени рассматриваются читателем как материал для клинического исследования. Во-вторых, жанр предполагает определенную авторскую отстраненность, наличие двойника-повествователя. Главное действующее лицо всяких записок — непременно лирический герой: абстрактный охотник, абстрактный сумасшедший, абстрактный

Записки президента

БОРИС ЕЛЬЦИН

обладатель манжетов. Ельцин с самого начала пошел по верному пути, создав образ повествователя. В его книге действует не реальный президент, а лирический герой, которому нужно сочетать максимум взаимоисключающих добродетелей. В политике это трудно. В литературе — запросто.

Формируя своего лирического героя, Ельцин исходил как из требований народа, так и из запросов интеллигенции. Учитывая общую усталость

от политики, следовало показать себя прежде всего как человека, вынужденного определять большую политику, но в душе по-прежнему «как вы и я, совсем такого же». Эта задача решается тонко: все принципиальные и непопулярные решения герой Ельцина принимает как бы нехотя, с трудом и неохотой отрываясь от нормальной жизни. Он с семьей и друзьями сидит за столом — ему докладывают об изъятии Ленина с денег, а заодно уж и денег у населения.

Дайте вы человеку поесть спокойно — так нет же, надо деньги менять. Самое интересное, что Ельцин об этом обмене знал. Но вмешаться-таки ему пришлось, потому что на примере собственной дочери и зятя он убедился, насколько нехорошо оставлять отпускникам по тридцать тысяч рублей на карманные расходы. Поскольку главное действующее лицо «Записок» — именно семьянин и человек, а не президент, Ельцин немедленно принимает решение смягчить рискованный указ и отвалить гражданам для обмена аж по сто тысяч вместо тридцати.

Далее: в день августовского путча, еще до начала основных событий, Ельцин находится в Архангельском. Рабочие асфальтируют дорогу. «Да гори оно огнем, это историческое событие! У нас асфальт стынет!» — ставит себя Ельцин на место этих рабочих (цитирую дословно). Частный честный человек в очередной раз вынужден отрываться от мирного отдыха и столь же мирного труда. В роковое воскресенье 3 октября Ельцин проводит выходной (после внеочередного совещания в Кремле) с семьей. Все собрались за обеденным столом. Читатель к концу книги уже готов к тому, что всякий раз, как президент с семьей и близкими собираются за обеденным столом, сейчас же раздражается какой-нибудь исторический катаклизм. Хотя не кушай, честное слово! Я говорю об этом без всякой иронии. Ельцин неизменно подчеркивает сугубую мирность обстановки, из которой его выдергивает история. Это сознательный литературный прием, контраст войны и мира, который еще Толстого вывез, — желание представить себя прежде всего «одним из нас». Ведь и большинство читателей «Записок» встречали мрачные известия среди нормальной жизни.

Здесь-то и таится первое преимущество жанра «записок»: не президент пишет, а человек. Вот он посвящает главу своим отношениям с западными политиками. Мельком повторив несколько общих замечаний о том, что мы сильная держава и никому не позволим считать наоборот, он переходит в милую его сердцу стихию быта, общения, активного отдыха. Гельмут Коль увлекается минералогией и любит баньку, после которой особенно хорош Байкал. Маргарет Тэтчер сама придвигает к столу тяжелый диван, чтобы лучше слышать президента России. Билл Клинтон играет на саксофоне, а Джордж Буш, в свою очередь, — в теннис. Признаться, перед выходом книги я долго гадал, на какой читательский элек-

торат Ельцин будет ориентироваться. На левую интеллигенцию? — ее мало, она непопулярна и сама все знает. На оппонентов? — их не убедишь. Народ — это понятие во всех отношениях амбивалентное. Ельцин сделал очередной безошибочный ход: он ориентируется на обывателя. На средний и чуть ниже среднего класс. Отсюда — обилие бытовых деталей и автобиографических отступлений.

О композиции книги следует сказать особо. Всякий раз, когда подходит время рассказать о масштабном и трагическом катаклизме, Ельцин делает интригующую паузу и прославляет публицистический текст автобиографическим или нравоописательным фрагментом. Так, излагая историю о коррупции, он тут же предлагает читателю лукаво-ироническое описание теннисного турнира в Кремле. Следует набор близких читателю деталей: намекающий животик Шумейко, плохая игра Козырева (в теннис, в теннис!), лишние пять килограммов Коржакова. Такое композиционное решение книги, с одной стороны, усугубляет отвращение ко всему, что ломает мирный уклад. С другой стороны, это лишний раз подчеркивает неуждость ничего человеческого вершителям большого политета. Книга прослоена прекрасными отступлениями «В ночные часы». Это ретроспективы былого и дум, воспоминания о разного рода экстремальных ситуациях, о свердловском житье-бытье — и эти страницы представляются мне лучшими в книге. Вставные новеллы вроде истории о том, как машина с первым секретарем Свердловского обкома накануне 7 ноября забуксовала в снегах, в высшей степени читабельны. Здесь Ельцин успевает себя подать и как целеустремленного, сильного руководителя, и как личность, не гарантированную от снежных заносов. Что есть литература? Сумма приемов плюс отбор фактов. С этим отбором Ельцин справился великолепно: не случаен здесь мотив движения. Почти во всех своих вставных новеллах он куда-то едет, преодолевая препятствия. То машина в канаве застряла, то самолет не выпустил шасси, то танк едва не утонул на дне заливого водой оврага. Отдельная вставная главка посвящена авариям в жизни президента. Образ выбран идеально: возникает мотив трудного, опасного, но неуклонного движения, движения — вопреки. Хорошая книга немыслима без лейтмотива: одним из таких лейтмотивов становится в «Записках» авария транспортного

средства с последующим преодолением препятствия. Русская литература в этом смысле имеет немалый опыт: на метафоре движения, странствия построено множество шедевров — начиная с «Мертвых душ» и «Героя нашего времени».

Другой неперенный лейтмотив книги — теннис. Этот вид спорта вообще компромиссен: с одной стороны, он элитарен, любим интеллектуалами, популярен на Западе, с другой — требует волевых и силовых качеств. Записки президента часто превращаются в записки теннисиста. Герой играет в теннис при всяком удобном случае. Красной нитью проходит через книгу мечта о том времени, когда можно будет наконец-то вволю наиграться: с Бушем, с людьми из окружения, с друзьями. За теннисом завязываются споры и дружбы. Не меньшую роль в книге играют прогулки по лесу и вообще отдых на природе. Во время такого отдыха президенту особенно мучительно отрываться от любимого досуга и возвращаться к делам государственным. Иногда герою даже хочется посадить служебный вертолет около понравившейся речки, да должность не пускает: ядерный чемоданчик улетит, а с ним и два офицера, которые всегда при «кнопке». Чемоданчик и президент всегда летают в разных вертолетах.

Непопулярные или загадочные меры получают у Ельцина прозаика обычно самые человеческие объяснения. То, что трудно мотивировать с точки зрения большой политики, мотивируется человеческими пристрастиями или человеческими же слабостями. Никто не мог понять отставки Баранникова (пресса, по словам самого президента, ломала голову). Ельцин наконец разяснил все: жены Баранникова и Дунаева истратили в Швейцарии за два дня триста тысяч долларов. Имела место явная коррупция. Документы о взаимовыручке Баранникова и Бирштейна были всесторонне изучены. Ельцин спросил Баранникова: правда это? (Насчет жены.) Баранников опустил голову и сказал: да. Ельцин отстранил несчастного мужа от должности. Занятно, что в книге он убил двух зайцев: в сегодняшней политике нехотьезна не ориентироваться на сексменьшинства, утверждают, что Клинтона они вообще к власти привели. В «Записках президента» всячески педалируется неприязнь Баранникова к гомосексуалистам, он трижды подчеркнул гомосексуальность своих, как бы это сказать, перекупщиков. Теперь многомиллион-

ная аудитория знает, что Баранников не любит «голубых». В большой политике ему делать больше нечего.

Сбиваюсь на иронию, но хочу лишь один раз напомнить читателю: я абсолютно серьезен. Книга Ельцина представляется мне идеальным примером использования литературы в политических целях. И я искренне восхищаюсь тем, как он и В.Юмашев используют то композиционные, то стилистические приемы. Мне как филологу отрадно видеть богатый арсенал стилистических приемов автора. Вот он начинает рассказ О Беловежском соглашении: «Был отличный зимний вечер. Стоял легкий морозец. Тихий снежок. Настоящий звонкий декабрь». После такого зачина так и ждешь чего-нибудь вроде: «Не хотите ли, я расскажу вам загадочную историю из моей юности? — сказал старый адвокат, набивая трубку. — Извольте. Как-то под Рождество сидели мы со старыми приятелями у камина, как вдруг что-то зашуршало под полом»... Ничего подобного, это завлекательное начало — классический пролог рождественского триллера — предваряет историю распада империи. Глава «Независимость» начинается во всех отношениях интригующей строкой: «Порой этот телефон хотелось вырвать с мясом»... Такому началу позавидует Джон Ле Карре. В самых интересных местах следуют отступления, документальные вставки, наборы газетных цитат — читателя кидает то в жар автобиографического фрагмента, то в холод жестко документированной главы. Широкое использование хроники заставляет вспоминать о Дос Пассосе. Эта разностильность, разножанровость глав тоже работает на общую задачу — представить президента и эпоху как можно объемнее. До Ельцина в подобной коллажной технике не работал ни один из президентов. Как писатель, он несравненно выше коллег: достаточно процитировать названия отдельных главок. «Операция» «посольство», «Лица и голоса», «Маргарет Тэтчер и Гельмут Коль»...

К числу несомненных достоинств книги Ельцина следует отнести его безошибочное умение становиться на место читателя. Общеизвестно (а сформулировано уже кажется, Томасом Манном), что всякая большая литература есть отчасти компромисс между массовым и элитарным вкусом; необходима малая толика общедоступности. Ельцин тонко чувствует, что именно в его союзниках может и должно вызывать протест у аудитории. Он не скрывает, что Бурбулис не сумел

выстроить отношения с народом, «засветиться» с выгодной стороны. Ельцин не щадит самолюбия бывшего ближайшего соратника, рассказывая, как тот стремился погреться в лучах телеюпитеров, как вяло и заумно излагал свои дельные мысли. Но лучше не пощадить самолюбие, чем рассказать, допустим, о властолюбии, о неуживчивости, о политических ошибках, — мало ли... И друзьям, и врагам Ельцин подбирает такие характеристики, отставкам и назначениям — такие формулировки, чтобы они легче всего усваивались народным сознанием. Бурбулис отстранен за внешность и манеры. Гайдар, напротив, приписан за умение говорить и за свою замечательную литературную родословную, которой в книге уделено немало места. Тем самым подтверждается большое значение, которое президент придает русской литературе.

В финале книги наблюдается даже некий катарсис. Доброй традицией русской литературы стало в конце крупного произведения обращаться мыслью к будущему, к новым поколениям. Достаточно вспомнить «Накануне», «Войну и мир», а также любимого президентом Чехова с абстрактной верой его героев в будущее счастье. Книга Ельцина заканчивае-

тся обращением к политикам нового поколения, которые пробьются-таки к власти и сделают из России наш сад.

Звучит это впечатляюще.

В своей книге Ельцин учел и новейшие достижения нашей прозы. Так, мы все очень много сейчас говорим о вреде фрагментарности. К счастью, именно она способна зачастую создать гигантский литературный эффект — эффект «сожженных мостов», когда из текста как бы изымаются связи и разъяснения и читатель самостоятельно заполняет пространство между разрозненными главками. Это гениально показал Розанов и хорошо делает Валерий Попов. Ельцин не прошел мимо опыта: его книга состоит из коротких фрагментов, разделенных звездочками. С одной стороны, это подчеркивает занятость президента: он надиктовывает небольшой абзац и возвращается к государственным делам. С другой — получается в самом деле нечто вроде интимного дневника (вот почему главки под рубрикой «Дневник президента» выглядят именно дневником по горячим следам, а не продуманной и отутюженной записью постфактум). И свободное пространство между главками мы вольны заполнить

собственными домыслами — а вольны просто передохнуть, если речь идет о читателе, в жизни прочитавшем две-три серьезные книги.

И неважно, что здесь присутствует изрядная доля субъективности (например, в разных ситуациях признаком силы выглядит либо несогласие с властью, когда это власть Горбачева, либо согласие с ней, когда Черномырдин одобряет действия Ельцина в сентябре 1993 года). Русский читатель всегда больше доверяет субъективизму — вот такой парадокс. Нам предложен человеческий документ, оформленный в традициях русской прозы. И результат показывает, что такое решение было наилучшим.

Цените литературу, господа! Нет ничего легче, как в кризисные времена объявлять ее излишеством и роскошью. Нет ничего проще, как обвинять ее во всех грехах и бедах русской истории. Но спасает нас именно она — больше ничего хорошего у нас нет. Плохо только, что издана книга чересчур помпезно. «С ч-ч-чудными картинками и большими буквами». Была бы куда уместней скромная мягкая обложка серии «Классики и современники».

Загробные записки первого секретаря

Книга Президента как прощание с надеждой

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

Брахманы знали свое дело. Так вот, они учили, что если ты ломаешь дров в своем первом существовании, то в следующем тебя понизят в должности: родишься шудрой (службой), неприкасаемым (чандалой), а то и какой-нибудь бесловесной тварью. И так будет тебя крутить в колесе превращений — сансаре, пока не исправиться.

Борис Николаевич Ельцин, одаривший нас «Записками президента», ухитрился протиснуться в сансару даже в одном-единственном существовании. Был партаппаратчиком, стал совершать нестандартные и достойные поступки. Судьба тут же возвела его в Президенты России, а из президентов готовилась сделать даже Отцом Отечества. Но Будды,

Магометы и Иисусы справедливы, они карают... Из президентов можно загреть под фанфары обратно в первые секретари. Что и доказывает с избытком пудовый том в нарядном супере.

Супер мозаичен, если не сказать эклектичен. Сзади он полосатый, то есть оформлен под триколор. Спереди украшен звездами Кремля. На фоне звезд Президент то ли грозит нам пальчиком, то ли делает «козу». Сбоку примостился с ошалелым видом двуглавый орел, который, видно, не проникся идеей гражданского согласия пола с потолком и хищно косится на рубиновые звезды. Больше всего и обложка, и то, что под ней, напоминают опус Войновича «Москва 2042». Помните отца Звездония из Москворепа и наших потомков-коммунаров, которые не крестились,

а «звездилась» на украшенные рубиновыми звездами купола церквей? Вот этого и хочется, прочитавши книгу: перезвездиться. Издана она на отличнейшей «царской» бумаге и очень крупным шрифтом (в расчете то ли на слепых, то ли на неграмотных, то ли на малолетних). По количеству картинок, скорее, на малолетних. Словом, лажи — коллажи, лжи — стеллажи. Если свои мысли, чувства и поступки Президент описывает вполне правдиво, то, скажите на милость, как он ухитрился влезть в душу Горбачеву и перевоплотиться в него настолько, чтобы четко знать, что было в Форосе на самом деле?

По книге получается, что автор не верит вообще никому, даже таким достойным людям, как Гайдар и Бурбулис. А Михаилу Сергеевичу верит на слово. С чего бы это? Или есть

там наверху некое СП по эксплуатации гостайн? То есть круговая порука... Судя по пассам и реверансам в сторону г-на Черномырдина, так оно и есть. Но вернемся к нашим невеселым картинкам. Их хватило бы на полный фотоальбом или каталог к выставке. Левый профиль Президента. Правый профиль Президента. Президент с потупленными очами. С очами, возведенными горé. Вид сверху. Вид снизу. Вид сбоку. Ельцин как лучший друг советских теннисистов. Как лучший друг советских подводников. Как лучший друг советских якутов. В волчьем малахае. На фоне «жигулей». На фоне тунгусов. В малиновом берете. В море. С деревом. С внуками. С папой римским. На фоне Шахрая. На фоне Костикова. С Патриархом. С Черномырдиным. «Теперь я Чебурашка, и каждая дворняжка, каждый прохожий мне лапу подает». Желание сравняться с Чебурашкой очевидно в каждом фото, количество которых доходит до неприличия. А нужно было всего несколько снимков. Ельцин на танке. Ельцин в «Белом доме» 20 августа. Ельцин читает Указ № 1400. Наши митинги в его поддержку. Ельцин в Беловежской пуще.

Но у советских начальников собственная гордость, даже если они разгоняют Советы. Особенно хорошо смотрится Ельцин на фоне гигантской статуи Ленина. Жаль, что не на фоне Мавзолея. И это только одни картинки! А текст и того лучше. По-моему, если бы наш краснокоричневый корпус был не так глуп и свиреп, то он должен был бы поступить с Ельциным, как Каспий с водами Терека:

*Он выиграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви*

М.Лермонтов

Как сам себя определяет Борис Николаевич, он начальник с 30-летним стажем. А начальники все знают лучше всех. Причем советские начальники даже с Богом не советуются, даже интеллигенции не подотчетны (за исключением разумного народа). Ельцин не слушает никого: ни жену, ни дочерей (которые все же иногда выходят из башни из слоновой кости и узнают, что происходит на улице). Ни интеллектуалов, ни помощников, ни советников. Интеллектуалов — взашей, советники сами разбежались (без иностранцев обойдемся, по словам Черномырдина). Помощники только в телохранители и годятся, в околышники да в секретари. В море при +7° полезут, а совет у них один: «На все барская воля». Если до этой книги мы еще могли надеяться на лучшее бу-

дущее, то теперь облизнитесь, демократы, и забудьте.

*И выйдет насильник губить-убивать
И женщины будут в оврагах рожать
И кони без всадников — мчаться и*

*ржать;
Сквозь белый фундамент трава*

*прорастет.
И мрак, словно мамонт, на землю*

сойдет...
А.Вознесенский. Мастера

Мы узнали, наконец, причины отставки несчастного Бурбулиса, который сделал Ельцина президентом, ознакомил с нашими идеалами, привел Гайдара, учил Ельцина либерализму и добру, как Франц Лефорт — Петра. Лефорт умер в чести и славе, при звании и при должности, в великом богатстве. Петр не был неблагодарным. Бурбулису, судя по обвинительному акту из книги его патрона, не кончить бы на эшафоте. С непосредственностью, граничащей с бесстыдством, Ельцин обвиняет Геннадия Эдуардовича в том, что он не понравился черни (в отличие от Жириновского), в том, что «его было слишком много»: всюду возникал и давал разумные советы. Ну как стерпеть? Видно, держался не лакеем, а на равных.

А с начальниками так нельзя.

Надо стоять навытяжку.

Бедный Бурбулис поверил, что Ельцин — прежде всего человек. И оказался виновен даже в том, что Президент поссорился с Руцким! Не надо верить начальникам. Мы, конечно, смешны в глазах первого секретаря, который грозит нам пальцем из-под красной рубиновой звезды.

«Обманули дурака на четыре кулака» — это про демократов. Бурбулиса обвиняют в книге даже в том, что ему понравилось ездить в «Зиле» с мигалкой и с сопровождением. Его патрон совсем забыл о том, что сам давно в трамвае не ездит. Не надо было запикивать Бурбулиса в «Зил», надо было выдать ему велосипед из президентской конюшни.

Гайдара хвалят больше, однако и свысока винят в том, что он мало знал жизнь (для того чтобы разрушить советскую жизнь, и не надо было вовсе ее знать), и в том, что не ценил директоров и мало прислушивался к их мудрым социалистическим советам. Мало ездил по стране, мало с доярками встречался. И здесь тоже аполлогия предательства. Далеко Ельцину до Шиндлера, спасшего 11000 евреев из печей и все-таки падающего в конце фильма на колени с мольбой о прощении, не знающего, как ему жить после Холокоста... Первые секретари знают, как им жить. И даже как остаться начальниками, отрекшись 33 раза до первого пеня жареного петуха, не дожидаясь, по-

ка он клонет в темя... В книге много теплых слов в адрес брежневского застоя, «Бархатный» тоталитаризм... каково, а? Каково это слышать нам, прошедшим через тюрьмы, СПБ, камеры пыток, каково это слышать нашим павшим: Илье Габаю, Василию Стусу, Юрию Галанскову, Анатолию Марченко? «Шелковая» каторга, «атласная» смерть, «нейлоновые» муки...

Статья называется «Загробные записки» отнюдь не потому, что я желаю Президенту смерти.

Просто два мира — его и наш — это как тот свет и как этот. На том свете он был начальником, а нас черти жарили на сковородках. Нам друг друга не понять. Как доказать ему, что его мир был страшен, не имел ценности и что все эти дети и взрослые, со счастливыми лицами шествовавшие 7 ноября через главную площадь Свердловска, — это и есть ад? Демократическая кожа сброшена, лямка пошла на пользу организму. Перед нами — первый секретарь. Директора для него — альфа и омега.

Наша участь в этой книге описана довольно ясно. В политике — бархатный тоталитаризм. Покой и застой. Сон разума. Жизнь под красными звездами. Пусть светит! В СНГ — и того чище. Оказывается, есть некая единая страна, она не разрушена, люди ее воспринимает как нечто целое. Словом, куски разрушенного спрута сползаются и скоро восстановится Империя зла. Пусть светят! Острова японцам не вернут. «Заяц нужен мне самой. Ничего, что он хромой». В экономике нас ждет социализм больших институтов и предприятий, которые будет содержать государство. И сбоку — немного частного сектора. Приусадебного. Морковку разрешат продавать. Меньше нэпа. Меньше, чем в Китае. Раз в жизни нам бросили кусочек мяса. Мы его проглотили и стали ловить кайф. Но Президент вытащил мясо обратно. Оно было на веревочке.

Помните, что бывает по фольклору с теми, кто съедает кусочек мяса? «И в землю закопал, и надпись надписал»... Что интеллигенты идут в политику из самолюбия. А аппаратчики — люди дела, на них можно положиться. На Черномырдина, например. Рыбак рыбака... В принципе, Президенту я не завидую.

Чистить сапоги Жириновскому и Юганову, чтобы вымолить себе жизнь и крест? Лучше на крест.

Книга тяжелая, кило два потянет. Ее можно будет положить на могилу российской демократии и российским демократам. Трехцветным флагом вниз. Вместо монумента.

«Не пухом будет мне земля, а камнем ляжет мне на грудь...»

Юрий КОВАЛЬ

Капитанское пари

Мы проплыли еще немного вперед, проскочили мимо тех двух жлобов, у которых на карте название было, и довольно скоро увидели впереди обширнейший остров.

Издали заметны были богатые подвалы и крепостные рвы, капитальные фундаменты, выгребные ямы, оросительные системы, каналы.

Встречать «Лавра Георгиевича», вошедшего в гавань, высыпало много островитян, сильно напоминающих эдаких мгребоиндюков. У некоторых был весьма и весьма зажравшийся вид.

— Извините, господа, — сказал капитан, когда мы высадились на берег, — ваш остров обозначен на карте?

— О, нет! О, нет! Что вы, капитан! Ни в коем случае! Мы ни за что не желаем обозначать наш остров.

— А не тот ли это остров, название которого заляпано?

— Нет-нет-нет! Тот остров, название которого заляпано, вы проплыли.

— Ну и как же он называется?

— А мы не знаем. На нашей карте его название тоже заляпано.

— А ваш-то остров как называется?

— А вы никому не скажете?

— Клянусь! — сказал сэр Суер-Вьер, совершенно измученный всеми этими трудностями.

— Пожалуйста, сэр. Никому не говорите и не обозначайте наш остров на карте.

— Ну и? — спросил Суер-Вьер.

— Что ну и? — спрашивали островитяне.

— Как он называется?

— Сэр, мы боимся вас напугать.

— Да что вы, ей-богу, говорите, пожалуйста, я вас прошу. Мы устали с этими названиями...

— Хорошо, капитан, не волнуйтесь...

— Да я не волнуюсь, говорите скорей.

— Приготовились?

— Да-да-да! Да!

— Ну так слушайте. Это — ОСТРОВ, НА КОТОРОМ ВСЕ

ЕСТЬ.

— Как то есть ВСЕ ЕСТЬ?

— Ну всё, абсолютно ВСЕ.

— И это не тот остров, название которого заляпано?

— Да нет же, капитан. У нас название есть, но самого острова нет на карте, а у тех название заляпано. Ясно?

— Ну и что у вас есть?

— Все-все. Абсолютно.

— Шахматы и каштаны?

— Есть.

— Женщины,

лошади,

подтяжки,

сухофрукты,

водка,

вкусная жратва,

керосиновые лампы,

мебель,

канделябры,

кокаин,

мольберты,

дети,

скульптура?

— Есть.

— Самовары,

очки,

шоколадные изделия,

бревна,

ювелирные мастерские,

обменные бюро,

тещи,

факиры,

носки?

— Есть. Есть все это, сэр. Вы особо не утруждайтесь, не напрягайте мозги. У нас есть все.

— И вы все это можете нам дать?

— Дать? Почему это дать? Продать можем.

— Покажите товар, — сказал сэр Суер-Вьер, и нас повели по лавкам.

На этот раз досточтимый сэр отпустил на берег весь экипаж. Матросам пора было поразвлечься, купить кто что мог по своим карманным возможностям.

На «Лавре» капитан все-таки оставил дежурного. Дежурить неожиданно вызвался боцман Чугайло.

— А ну их на хрен, — говорил он. — У меня тоже все есть! Не пойду, подежурю, только вы уж, сэр, потом мне два отгула, пожалуйста.

— О чем речь, господин Чугайло. Два отгула — две вахты, слово капитана!

Чугайло остался на борту, ну а мы — изх! — покатали по местным ларькам и керосиновым лавкам.

Многие, многие из нас тогда кой-чего купили.

Кацман купил два фейерверка.

Старпом Пахомыч — запасной форштевень для «Лавра».

Сэр Суер-Вьер хотел было купить третью частичку для своей фамилии, чтоб получилось Суер-Вьер-Дояр, но мы отсоветовали: дороговато и по вкусу нам не подходит.

Мичман Хренов купил специальную клизму с хрустальным горлышком-раструбом. Этой клизмой, оказывается, собирают случайно пролитые из рюмок на стол напитки. Полезный и дорогостоящий прибор. Он потом сильно себя оправдал.

Механик Семенов купил было пассатижи, которые давно утерял, да тут случился конфуз.

Продавец уже взял деньги, сунул их за пазуху и крикнул:

— Эй, Пассатижи!

Тут из подсобки вышел приземистый человек с жуткими плоскими челюстями.

— Чего, — говорит, — такое?

— А ничего. Тебя просто купили. Вот этот самый господин. Служи рачительно!

* См. «Столицу» № 9 за этот год.

— Слушаюсь, товарищ продавец!
— Как?! — напугался Семенов. — Это пассатижи?
— Ну, конечно, — сказал Пассатижи. — Зажать, отвернуть, придержать.

И он схватил зубами какую-то водопроводную гайку и мигом открутил ее от трубы, хотя и та и другая заросли ржавчиной, как пни опятами.

— Я и за гаечный ключ могу, за шведский, — пояснил Пассатижи.

— Да ну вас к хренам! — сказал Семенов. — Вертайте деньги! Я хотел нормальные пассатижи, а вы черт знает что подсунули.

— Но это же гораздо лучше, — уверял продавец. — Значительно удобней и не надо прилагать усилий.

— Гони деньги! Я думал нормальные пассатижи, а так-то я и сам могу.

И он зажал зубами ту же гайку и навинтил ее обратно на трубу.

Мадам Френкель долго торчала в ларьке с одеялами и не выдержала — купила все-таки хорошее верблюжье покрывало.

Матрос Вампиров купил ухо кита.
Петров-Лодкин — стеклярус.

Впередсмотрящий — ящик пива.
Рулевой Рыков купил румпель, а румпелевой Раков купил руль.

Супер-карго Пердонию Пердюк купил водки верблюжий курдюк.

Отец Нектарий купил земли гектарий.
Матрос Веслоухов — полкило ложных слухов.

Кок Хашкин купил чулок милашкин.
Кочегар Ковпак купил папаху-колпак.

Валет трэфовый купил жилет пуховый.
— Откуда он взялся? — вдруг спросил Суер-Вьер.

— Кто?
— Да этот вон валет!

— А, — сказал Кацман. — Это из моей колоды. Выскочил — и покупать!

Сэр Суер-Вьер присмотрел себе неплохую курительную трубку. Ничего особенного, но — чистый вереск, удобный мундштук.

Туда-сюда — дороговато.

— Послушайте, — сказал Суер островитянам. — Мне хочется иметь эту трубку. Может, подарите?

— Извините, сэр, мы вас уважаем, но трубку продаем. Если вы, конечно, купите трубку, то мы бесплатно добавим вам ершики, чтоб ее чистить.

— А табачку?
— А табачку — извините, сэр.

— Хорошо, — сказал Суер. — Итак, вы говорите, что у вас на острове все есть? Не так ли?

— Это так, сэр, — печально почему-то отвечали закрывшиеся островитяне.

— Предлагаю пари, — сказал Суер-Вьер. — Я называю ТО, чего у вас на острове нет, и ставлю свой капитанский краб против этой трубки. Подчеркиваю: краб чистого золота.

— Не стоит вам спорить, сэр, — советовали островитяне. — Мы понимаем, что вы сейчас назовете какую-нибудь нравственность или чистоту помысла. Не трудитесь, сэр, и это все у нас есть. У нас есть все предметы, существующие на земном шаре и вне его, есть все понятия и качества, не говоря уж о животных и растениях, есть все веры и нации, все горные хребты, моря и реки. И все это умещается, потому что есть и четвертое измерение! Есть все, сэр! Все! Абсолютно все! Берегите кокарду, сэр, и, поверьте, мы вас очень уважаем и подарили бы трубку, но принципы, черт их подери, у нас тоже есть.

— Пари! — настаивал капитан.

— С нами многие спорили, — устало уговаривали островитяне. — То что-нибудь из космоса завернут, какую-нибудь туманность Андромеды, то из отвлеченных материй. Чепуха это. У нас есть все. Понимаете?

— Пари.

Продавец трубки, между тем, посматривал на капитанскую кокарду-краба с немалым интересом. Чем больше он на него глядел, тем больше хотел выиграть.

— Да что вы отговариваете, — говорил он своим согражданам. — Пускай играет. Пари есть пари. Я принимаю вызов. Пускай он шепнет мне на ухо, чего у НАС НЕТ, и все дела. Давай спорить. Пусть кто-нибудь разобьет.

Он выставил свою потную ладонь, и Пахомыч разбил спорящих.

Сэр Суер-Вьер наклонился и что-то шепнул на ухо продавцу. Тот поблдевел, схватился за сердце и вяло протянул капитану трубку.

— Вы выиграли, — сказал он.

Под гром оваций мы погрузились на корабль, отдали концы и отплыли от острова. На борту мы, конечно, сразу пристали к Суеру, чтоб рассказал, как выиграл пари.

— Ну что вы сказали, ээп? Ну интересно же!
— Неужто не догадываетесь? — веселился уважаемый сэр.

— Никак нет, не догадываемся.
— Да все очень просто, — пояснил Суер. — Я сказал ему: У ВАС НЕТ БОЦМАНА ЧУГАЙЛЫ.

Надписи на веревке*

Боцман Чугайло вначале даже не понял, в какой изумительной выступил он роли, и толковал о двух отгулах за дежурство.

Когда же немного стал соображать, повел речь и о третьем.

— Ну что, Хомыч? — спрашивал капитан. — Дадим третий отгул?

— Не убежден, — упрямылся старпом. — За что, собственно? За вашу гениальность? Нет. Он не заслужил.

— Вы старпом, вам и решать.
Не получивший третьего отгула боцман страшно разъярился.

— Мною трубки выигрывают! — кричал он с топотом. — А мне отгулов не дают! Я — высокоценная вещь, одна на всем свете, а мне отгула не дают! Такой вещи, как я, нету даже на острове, на котором все есть! Абсолютно все есть, а меня нету!

А меня нету!

А меня нету!

Нету Чугайлы у них ни хрена!
Нету Чугайлы у них ни хрена!

Бедный я бедный! Меня тама нету, а мне отгула не дают!
Не дают! Не дают!

А трубку курят!
Курят!

Курят!

А я тут дежурю так, что жилы лопаются, а мне отгула не дают. Мы просто не знали, как его унять.

То он требовал третьего отгула, то вознаграждения, то хоть рюмочку портвейна, то златые горы, то лошадь, то саблю, то коня. Надоев ужасно.

Пока он прыгал, пел и плакал, мы не заметили, что за нами увязалась шкуна без опознавательных знаковых систем под черными парусами.

На ней вдруг появилось пороховое облако, и чугунное ядро взрыло нос перед нашим «Лавром». И потом уж грохнула пушка.

— Звук выстрела долетает позже, — неожиданно пояснил мичман Хренов.

— Чу! — цыкнул капитан, и Хренов поник.

На шкуне по веревкам побежали разноцветные флажки, которыми было написано:

ОТДАЙТЕ НАМ БОЦМАНА ЧУГАЙЛУ!

Капитан велел принести флажков и пустить по веревке такую надпись:

А ЗАЧЕМ?
В ответ написали:
НАДА.

Капитан велел:
ОБЪЯСНИТЕ ПРИЧИНЫ.

В ответ написали:
У НАС НА ОСТРОВЕ ЕСТЬ ВСЕ, КРОМЕ ЧУГАЙЛЫ. ОТДАЙТЕ, А ТО ХУДА БУДЕТ!

— Прямо и не знаю, что делать, — сказал Суер. — Запятые ставят, как надо, а само «надо» пишут «нада», к нему еще и «худа».

Эй, веревочный, напиши там:
У ВАС ОШИБКИ.

В ответ написали:
КАКИЕ ЕЩЕ, ЯДРЕНЬТЬ, ОШИБКИ?

Суер велел веревочному:
ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ.

В ответ написали:
ВАМ ЧЕГО ХУДЫ НАДА?

Веревочный Верблюдов сказал:

* По-морскому, вообще-то, не «веревка», а «конец». Но многие сухопутные читатели могут меня неверно понять.

— Разрешите, сэр, послать их на этот остров.
— Нет-нет, — сказал капитан. — Я не позволю писать такое флажками нашего «Лавра». Чего-чего, а у нас на судне цензура есть. Напишите так:

СОВЕТ ЗАСЕДАЕТ. ОБОЖДИТЕ.

Они написали:

ЛАДНО.

— Ну что будем делать, господа? — спросил капитан. — Отдадим или нет?

— Отдать можно, — рассуждали мы. — Но интересно, что мы получим взамен.

— На сундук драгоценностей можно не рассчитывать, — сказал капитан.

— Ну тогда хоть ящик пива, — сказал Хренов.

— И пару вобил, — добавил Семенов.

— Да не дадут, — сказал старпом. — Пусть хоть по бутылке на брата. Вобла-то у нас еще осталась. Эй, Верблюдов, напиши там:

А ЧЕГО ДАДИТЕ?

Те, на шкуне, долго не отвечали, наконец, выкинули на веревке такие флажки:

ЗАСЕДАЕМ СОВЕТОМ.

Все это время боцман Чугайло носился по фрегату, прыгал с бака на корму и с фокса на бизань.

— Судьба человека! Судьба человека! Судьба человека! — орал он. — Решается!

Решается!

Решается!

Хрен с ним, с третьим отгулом!

Наконец, на шкуне выкинули флажки:

ДАЕМ БУТЫЛКУ ПИВА ЗА КИЛО ВЕСА.

— Черт возьми, — сказал капитан. — Пиши, Верблюша:

КАКОГО?

В ответ написали:

ЖИВОГО.

Капитан велел:

ДА НЕТ, ПИВА КАКОГО?

В ответ написали:

ЖИГУЛЕВСКОГО!

— Ну что ж, — сказал капитан. — Решайте, братцы, что будем делать. Уж очень неохота ядрами с ними перебрасываться.

— Надо брать, — сказал Хренов. — Но сколько же он, черт подери, весит?

Эй, взвешиватели! — крикнул старпом, и из трюма выскочили наши корабельные взвешиватели Хряков и Окороков с гирями наголо.

— Чего вешать? — ревели они.

— Нельзя ли поспокойнее? — сказал им старпом. — Дело деликатное, а вы гирями размахались. Посмотрите на боцмана и прикиньте на вид, сколько он весит. Пудов на пять тянет?

— И больше вытянет.

— Ну и ладно, — сказал старпом. — А уж там точно взвесят.

— Жалко, что там только на живой вес согласны, — сказал Хренов, — а то бы мы ему в карманы гири поналожили.

— Капитан! — взмолился вдруг боцман и пал на колени. — Спасите, капитан! Я не хочу на этот остров! Оставьте на борту!

Я хоть и разбил кому-то харю или две, но в целом-то я очень добросердечный, простой, душевный, ласковый и хороший человек. Я очень люблю людей, детей, собак, бабочек и даже жеребцов. Хрен с ними, с отгулами, у меня очень золотое сердце, я и матом больше не буду, и пить не буду, только рюмочку на Пасху, спасите, сэр, я вам еще пригожусь, поверьте, дорогой сэр!

— Встаньте, боцман! — приказал капитан. — Я и не знал, что вы так дорожите «Лавром». Я готов оставить вас на корабле, но как это сделать? Они вот-вот начнут пальбу, а у нас всего лишь пара ядер, да и те кривые, как тыквы. Застреляют нас эти всем обожравшиеся.

— Капитан, вы — гений, — сказал боцман. — Сделайте же что-нибудь гениальное.

— Пока ничего в голову не приходит, — сказал Суер. — Ладно, давайте пока поторгнемся, напиши там:

МАЛО.

Те ответили:

ДАЕМ ПО ДВЕ.

— Надо как-то выиграть время, — сказал капитан. — Но как? Стоп! Нашел! Объясню суть: мы все были на острове, кроме Чугайлы, поэтому я и выиграл пари. А теперь-то и нас там нет.

Понятно? Ну ладно, кому непонятно, поймет впоследствии. Эй, веревочный, выкидывай надпись:

У ВАС НА ОСТРОВЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕТУ ЧУГАЙЛЫ?

Они написали:

НЕТУ.

Суер велел:

А СУЕР-ВЫЕР ЕСТЬ?

Они подумали и так написали:
БЫЛ, А ТЕПЕРЬ, КАЖИСЬ, ТОЖЕ НЕТУ.

И дальше пошло как по маслу:

А СТАРПОМ ПАХОМЫЧ ЕСТЬ?

НЕТУ.

А ЛОЦМАН КАЦМАН?

НЕТУ.

А ФРЕГАТ «ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ» СО ВСЕМ СВОИМ ЭКИПАЖЕМ ЕСТЬ?

НЕТУ.

Капитан вытер нервный пот и сказал:

— Пиши, вервие:

СОГЛАСНЫ ВСЕ ЭТО ОТДАТЬ ПО ДВЕ БУТЫЛКИ ПИВА ЗА КИЛОГРАММ ЖИВОГО ВЕСА.

На черной шкуне очень долго заседали, их веревочные и румпельные бегали там сверху вниз, таская ящики пива, кто-то даже кого-то бил по морде, и мы выкинули вопрос:

КОГО ТАМ ПО МОРДЕ БЬЕТЕ?

ДА ТУТ ОДИН ДЕСЯТЬ БУТЫЛОК ПИВА ВЫПИЛ, — ответили они.

Наконец, мы увидели на ихней веревке такую надпись:

У НАС СТОЛЬКО ПИВА С СОБОЮ НЕТУ.

Суер с облегчением вздохнул и сказал:

— Пиши, Верблюша:

ВЫ ВАЛЯЙТЕ ОБРАТНО ЗА ПИВОМ, А МЫ ЗДЕСЬ ПОДОЖДЕМ.

ВЗВЕСИМСЯ КАК СЛЕДУЕТ.

В ответ написали:

А НЕ ОБМАНЕТЕ?

Капитан засмеялся.

— Пиши, Вербо, — сказал он, — **ЧЕСТНОЕ КАПИТАНСКОЕ.**

Те написали:

ВЕРИМ В СЛОВО ВЕЛИКОГО КАПИТАНА ВЕРНЕМСЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА.

Шкуна развернулась и дунула на остров за пивом.

— Ну а теперь, Пахомыч, — сказал капитан, — дуй до горы! Валяй на всю катушку! Трави фок-стаксели хоть налево, хоть направо.

— А ну шевелись, бесенята! — заорал старпом, и Чугайло вскочил с колен и набросился на матросов с подзатыльниками.

«Лавр» раздул свои великие паруса и дунул по восьмидесяти седьмому меридиану вниз.

— Как-то неловко, сэр, — сказал я. — Ваше слово — честное капитанское! Обман! Это нас унижает!

— Извини, друг, — сказал Суер-Выер. — Как ты меня сейчас назвал?

— Я назвал вас «сэр», кэп.

— Так вот, в первую очередь я — сэр, а уж потом — кэп. Еще одно честное слово — слово сэра — у меня осталось в запасе.

Название и форма

Две крутобедрых скалы выросли перед нами из кромешных пучин.

Валунный перешеек объединял их в одно целое, но волны, набегая, то и дело разъединяли их. То соединят, то разъединят, то соединят, то разъединят...

— Какой-то остров соединений и разъединений, — хмыкнул Хренов. Все это мне напоминает простую коно...

— Хватит, Хренов, — резко прервал капитан. — Никого не интересует, что это вам напоминает. А если потомкам будет любопытно, что именно мичман Хренов называет «простой коно...», пусть сами догадываются.

Пристать к этому острову, состоящему из двух скал, было невозможно. Разбиваясь о каменные подошвы, волны рокотали как-то особенно, и казалось, что они толкуют о чем-то, бормочут и разговаривают.

Отец Нектарий умиленно вслушивался в смысл гортанной морской речи.

Николай
Бессонов
со своими
домашними
музами

Любимые женщины художника Бессонова

Петр СМИРНОВ

Большинство моих знакомых художников рисуют «из себя». Что-то увидел, что-то почувствовал, что-то придумал. Они — фантазеры. Николай Бессонов — реалист. Как ни парадоксально это звучит по отношению к художнику, создавшему великолепный цикл картин о ведьмах, к тому же исполненный в манере — второй парадокс! — которую иные критики ругательно называют «фотографическим реализмом». Под бессоновским реализмом я подразумеваю не только саму манеру письма, близкую классической живописи XVIII — XIX веков (тщательность рисунка, проработка светотени, натуральность тел и предметов, тонкий мазок и цветовая гамма, делающая изображение словно подернутым паутиной времени), но и скрупулезное (воистину фотографическое) внимание к деталям: одежде, аксессуарам, посуде, жи-

лищу, которые реконструированы на картинах Бессонова с предельной исторической достоверностью. Ведь замысел очередной работы служит художнику только первотолчком для ее создания. Далее начинается долгая и кропотливая работа, непосредственное и неопределимое участие в которой принимают главные помощники Николая — любимые женщины художника Бессонова. И первая среди них — муза истории Клио. Это с ней он проводит дни в библиотеках, а ночи — обложившись манускриптами. А потом наступает черед других муз. Их зовут Катя, Лера, Настя. Это жена и дочери Николая. Хранительницы его очага, постоянные натурщицы и просто очаровательные женщины. Может быть, поэтому и все ведьмы на картинах Бессонова так чертовски (или колдовски) прелестны и на шабашах, и в застенках инквизиции, и даже на кострах. А уж в результате такого любовного союза (а о том, что худож-

ник обожает своих четырех муз, лучше всего свидетельствуют его полотна) рождаются здоровые и красивые дети — картины Бессонова. И вышеупомянутые ведьмы и новые персонажи — сейчас он работает над цыганским циклом.

Что еще можно добавить к его портрету? Молод. Закончил Строгановку. Выставлялся в Москве. В прошлом году его выставка с успехом прошла в Мадриде. Помоему, счастлив и в личной и в творческой жизни. Да, чуть не забыл — недавно у Николая появилась новая и столь же любимая им женщина — литература, доказательством чему и служит книга «Иллюстрированная история колдовства и процессов над ведьмами», выпущенная издательско-книготорговой фирмой «КО—РА» (газета «Книжное обозрение»), в которой Николай демонстрирует свое умение работать не только кистью, но и пером. Прочитайте (и рассмотрите) ее повнимательнее, и вы убедитесь в этом сами. ■

НИКОЛАЙ БЕССОНОВ
ГАДАЛКА. 1993. Холст, масло

ПРЯХА. 1992. Холст, масло

КОСТЕР. 1989—1990 гг. Холст, масло

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК